

Содержание

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Т. М. Смирнова

Город нашей общей судьбы. Новейшая история национально-культурного движения в Петербурге 3

Н. Ф. Золотухина

Духовные начала «золотого века русской культуры» в Петербурге 6

Наиб Сафи

Афганцы в Петербурге 11

В. Л. Вихнович

«Гроза 1812 года» и евреи России 14

И. Х. Кессиди

Н. Н. Бенардос – создатель электрической дуговой сварки 21

Б. М. Аджинджал

Александр Чачба и развитие русской национальной сценографии в начале XX века 24

И. А. Лапина

Интернационализм в действии. Из анкет слушателей политехнических курсов Петроградского Пролеткульта 1918–1919 годов 27

Н. М. Романова

Петроградский комиссариат по делам национальностей: дела и люди (1918–1923 гг.) 32

Г. И. Бутурович, А. Р. Тогуняц

Санкт-Петербургское общество южных славян «Югославия» 39

А. Н. Тагирджанова

Памятники мусульманам в Петербурге: от мавританского стиля XIX века до городской скульптуры XXI века 42

И. П. Лысакова

Русский букварь для мигрантов 48

Г. И. Бутурович

Библиотека – путь к взаимопониманию 49

В. А. Бунакова

Свидетели социализма (по материалам воспоминаний жителей Кировского района Ленинградской области) 53

Т. М. Смирнова

Не винтики, но электроны! 58

ПЕТЕРБУРЖЦЫ И ПЕТЕРБУРЖЕНКИ

Т. Н. Денисова

Мои предки – петербургские биржевые артельщики 62

А. Ю. Мудров

Болгарин Георгий Панайотов, петербургский иконописец 66

А. А. Тетерин

Призвание 68

ДУША ПЕТЕРБУРГА

Л. М. Лебедев

Академических хор Санкт-Петербургского государственного технологического университета 73

ОТЦЫ ГОРОДА

Ю. А. Молин, Г. А. Воронцов

Смерть Николая I: самоубийство, которого не было 75

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА

Р. М. Арбинская

Рассказы о блокадном детстве. *Окончание* 81

Письмо в редакцию 87

Сведения об авторах 88

Главный редактор

С. Н. Полтораки, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

Е. В. Анисимов, доктор исторических наук, профессор
Ю. С. Васильев, доктор технических наук, профессор, академик РАН
Б. Д. Гальперина, доктор исторических наук, профессор
Р. Ш. Ганелин, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Н. К. Гуркина, доктор исторических наук, профессор
В. С. Измозик, доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)
Е. Я. Кальницкая, доктор культурологии
А. Н. Кашеваров, доктор исторических наук, профессор
Е. И. Краснова
Г. В. Михеева, доктор педагогических наук, профессор
Ю. А. Молин, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ
О. И. Молкина
Ю. В. Мудров
В. Е. Павлов, доктор технических наук, профессор
Р. Э. Павлова
В. Н. Плешков, доктор исторических наук, профессор
Т. М. Смирнова, доктор исторических наук, профессор
В. П. Третьяков, доктор психологических наук, профессор
И. М. Триодина, кандидат культурологии, доцент
А. Н. Чистиков, доктор исторических наук
В. П. Яковлев, кандидат исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)

А. А. Жигалова, специальный корреспондент

Журнал основан и зарегистрирован 20 июля 2000 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 2-4602

Выдано Территориальным управлением по Санкт-Петербургу и Ленинградской области МПТР РФ

Учредитель С. Н. Полтораки

Куратор журнала Е. Н. Баланова

Адрес редакции и издателя

195220, Россия, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 11, офис 300

Почтовый адрес: 195220, Россия, Санкт-Петербург, ООО «Полтораки» (до востребования)

Тел.: (812) 534-28-28; 335-31-00 (тональный режим (*), 4224)

poltorak2006@yandex.ru

www.poltorak.spb.ru

Редакция журнала принимает к рассмотрению материалы и иллюстрации в одном экземпляре объемом до 0,5 п.л. (электронная версия обязательна).

Материалы не возвращаются и не рецензируются.

Подписка на журнал «История Петербурга»

осуществляется по каталогу агентства «Роспечать»

Индекс 14244

© «История Петербурга», 2012

© Авторы публикаций, 2012

© Издательство «Полтораки», 2012

Перепечатка публикаций допускается с согласия редакции журнала.

Ссылка на журнал «История Петербурга» обязательна.

На 1-й странице обложки — «День города». Художник А. Васильева. 2007 г. Акварель.

На 4-й странице обложки — «У Зимнего дворца». Художник А. Васильева. 2009 г. Акварель.

Этот номер журнала посвящен первой в нашей стране межнациональной организации, созданной в 1989 году в Ленинграде под названием Центр дружбы народов СССР, а в 1992 году получившей свое нынешнее название – Региональная общественная организация «Санкт-Петербургский Дом национальных культур». Петербуржцы разных национальностей, профессий, увлечений, разного возраста, на общественных началах, по собственной инициативе, вместе работают во благо нашего великого многонационального города, способствуя созданию и укреплению подлинного добрососедства и сотрудничества всех петербуржцев. Аббревиатура нашей организации – ДНК – является говорящей: как в биологическом организме ДНК несет генетическую информацию, так и в жизни Петербурга наш ДНК хранит и развивает традиции взаимоуважения, дружбы и гражданской солидарности.

Все статьи рубрики «Многонациональный Петербург» написаны членами Научного центра «Петрополь» РОО «Санкт-Петербургский Дом национальных культур».

Город нашей общей судьбы

Новейшая история национально-культурного движения в Петербурге

Т. М. Смирнова

На протяжении более чем 300-летней истории Санкт-Петербурга он всегда был многонациональным и поликонфессиональным, но большинство населения всегда составляли, конечно, русские. Десятки же других этнических групп представляли собой национальные меньшинства, которым нужно было в той или иной степени приспосабливаться в пестром окружении представителей других национальностей. Сложности такой социокультурной адаптации вызывают необходимость в дополнительных формах структурирования национальных меньшинств, не свойственных, как правило, представителям доминирующего населения. И самой естественной формой для этого становится самоорганизация по национальному признаку – национальные общества. Самодеятельные общественные объединения разных уровней и направлений деятельности – это характерная черта жизни этнических групп и национальных диаспор, особенно городских и проживающих дисперсно. Сейчас такие организации называют общим именем – национально-культурные объединения (НКО).

Они играют несколько социально-культурных ролей: являются оазисом национальной культуры среди иноязычного большинства, коллективным представителем, проводником и защитником интересов национальной

Открытие Дома национальностей 21 октября 2005 г. Губернатор Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко делает первую запись в Книге почетных посетителей. Справа – первый директор СПб ГУ «Санкт-Петербургский Дом национальностей» и многолетний президент РОО «Санкт-Петербургский Дом национальных культур» О. Д. Родзевич.
Фото <http://www.google.ru>

диаспоры в целом и ее отдельных представителей, а также связующим звеном между диаспорой и этнической родиной (страной-патрией). Необходимость держаться друг друга, составлять общность, основанную на этнокультурном единстве, определяет значительную ценность таких объединений для их членов, что, в свою очередь, усиливает влияние объединений на диаспоры. Моральный авторитет уважаемых людей,

экономическая поддержка со стороны предпринимателей, правовая помощь и культурное влияние представителей интеллигенции соответствующей национальной группы обеспечивают приемлемый уровень комфортного бытования среди инонационального большинства. Лишение же этой дополнительной опоры национальной «группы поддержки» ведет к определенной дестабилизации положения представителей диаспоры.

Национальные общества в Петербурге немногим моложе самого города, первые появились еще в XVIII веке. Первый известный пример – немецкий Шустер-клуб, созданный в 1772 году с целью организации культурного досуга петербургских немцев, и не зря впоследствии он назывался Санкт-Петербургским Немецким собранием. На рубеже XIX–XX веков в Петербурге действовало несколько десятков национальных обществ, преимущественно светских, представлявших весь этнический спектр населения. Деятельность национальных обществ носила благотворительный, досуговый, просветительский, художественный, воспитательный характер и в определенной мере удовлетворяла специфические культурные потребности этнических диаспор в русскоязычном окружении. В советский довоенный период национальные общества Петрограда-Ленинграда были постепенно вытеснены из сферы культурной жизни национальных меньшинств и заменены государственными организациями и учреждениями, деятельность которых также была прекращена в 1937–1938 годах.

В конце 1980-х годов, в ходе перестройки, этнокультурные процессы привели к возрождению самостоятельных национальных обществ в качестве основной формы консолидации наиболее активной части постоянного нерусского населения нашего города. В качестве приоритетного направления их деятельности отмечалось сохранение той или иной национальной культуры, что было специально отражено и в их названиях – практически все они именовались *национально-культурными* (с незначительными вариациями) обществами, центрами, товариществами, ассоциациями и т. д.

Первым еще в 1988 году было создано добровольное общество ингерманландских финнов «Инкерин Лиитто». Вслед за ним в 1989 году появились Украинское общественно-культурное товарищество им. Тараса Шевченко, Татарский культурный центр, Латышское общество, Белорусское общественно-культурное товарищество. Совсем скоро за дебютами последовали еврейское, грузинское, армянское, казахское общества. Общие задачи по возрождению национальной культуры, общие труд-

Президент Дома национальных культур Б. М. Хамхоков и вице-президент Т. М. Смирнова. Библиотека национальных литератур. Апрель 2012 г.

ности становления, общее чувство принадлежности к великому городу способствовали созданию этими первыми национальными организациями уже в сентябре 1989 года первого в стране Центра дружбы народов СССР (с 1992 года – Региональная общественная организация «Санкт-Петербургский Дом национальных культур»). Первым директором, затем президентом этой старейшей в нашем городе и в стране межнациональной организации почти 18 лет был Олег Дмитриевич Родзевич. С 2007 по 2011 год Дом национальных культур возглавляла проф. Т. М. Смирнова, а в настоящее время его президентом является Б. М. Хамхоков.

В июне 1996 года был принят закон РФ «О национально-культурной автономии» – первый закон, регламентирующий деятельность именно национально-культурных объединений. Однако на практике продолжают параллельно работать «просто» НКО и имеющие больше возможностей для представительства национально-культурные автономии (НКА), при этом даже при образовании соответствующей автономии ранее созданные национально-культурные объединения обычно не прекращают своей деятельности. Так, в Санкт-Петербурге при почти 150 национальных общественных организациях действуют 17 национально-культурных автономий разного уровня (муниципальные, город-

ские, региональные): азербайджанская, армянская, башкирская, белорусская, две бурятские, грузинская, еврейская, казахская, киргизская, корейская, латышская, литовская, молдавская, татарская, украинская и финская (финновингерманландцев).

В марте 1999 года была создана вторая петербургская межнациональная организация – Ассоциация национально-культурных общественных объединений Санкт-Петербурга «Лига наций» (президент Хамзат Газимагомедович Цокиев). Учредителями Лиги наций выступили 12 НКО: башкирское, грузинское, греческое, дагестанское, еврейское, ингушское, казахское, корейское, кумыкское, осетинское, польское и финское.

С 1996 года в Петербурге работает Союз писателей «Многонациональный Петербург» (руководитель А. Т. Биккулова, поэт, профессор, академик РАЕН), объединяющий представителей около 20 различных национальностей. Члены Союза пишут стихи и прозу на русском и на родных языках, занимаются переводами. Вышли несколько коллективных сборников произведений членов Союза.

В 2000 году в составе Санкт-Петербургского Дома национальных культур создан научный центр «Петрополь» (руководитель профессор Т. М. Смирнова), который проводит большую работу по изучению исто-

рии и культуры многонационального Петербурга, этнокультурной ситуации и проблем межнациональных отношений. У истоков Центра стоял трагически погибший 19 июня 2004 года Николай Михайлович Гиренко – ученый-этнолог, правозащитник, эксперт по национальным проблемам. В настоящее время в НЦ «Петрополь» на общественных началах работают ученые разных специальностей (историки, этнологи, филологи, педагоги, представители технических дисциплин), краеведы, активисты национальных объединений. Научный центр провел девять научно-практических конференций, организует семинары и круглые столы, по итогам которых выпустил пять сборников статей и материалов. Члены НЦ «Петрополь» выступают в СМИ, публикуют статьи, издают книги по проблемам многонациональности Петербурга.

Национально-культурное движение Петербурга способствует аккультурации и адаптации нового населения города и трудовых мигрантов разных национальностей. Особое внимание уделяется изучению русского языка как языка межнационального общения, обязательного инструмента социально-культурной адаптации. В этой работе НКО получают неоценимую помощь со стороны кафедры межкультурной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (заведующая профессор И. П. Лысакова). Созданный коллективом кафедры учебно-методический комплекс «Русский букварь для мигрантов» по изучению русского языка как неродного стал настоящим прорывом в деле адаптации детей-инофонов в общеобразовательных русскоязычных школах.

В 1999 году в Петербурге появился удивительный фестиваль художественного творчества национально-культурных объединений под названием «Возьмемся за руки, друзья!». Инициаторами его проведения были Лига наций Санкт-Петербурга, Дом национальных культур и ГУ «Дом народного творчества и досуга». Фестиваль рос, взрослел и развивался, превратившись в яркое событие общегородского масштаба. Заключительные концерты фестиваля проходят с неизменным аншлагом на лучших концертных площадках. Это под-

линные праздники искусства многонационального города, вызывающие гордость за наш уникальный город, реальная и понятная всем гармония в разнообразии. Фестиваль 2012 года под патронатом Дома народного творчества и досуга (директор Т. П. Ванчакова) завершился прекрасным концертом самодеятельных коллективов 13 мая в Большом концертном зале «Октябрьский».

В декабре 2006 года на базе городской библиотеки им. А. С. Грибоедова петербургские НКО создали Библиотеку национальных литератур, в которой аккумулируется художественная литература на языках народов, представители которых живут в Петербурге, о разных этнических группах и многонациональном Петербурге в целом. За короткое время единственная в стране общественная Библиотека национальных литератур (куратор проекта Г. И. Бутурович) стала полиэтничным культурным центром и территорией межнационального общения. Здесь проходят литературные вечера национальных поэтов и писателей, презентации новых книг, творческие встречи с талантливыми людьми разных национальностей, организуются художественные выставки, проводятся занятия по родному и русскому языкам. НЦ «Петрополь» проводит здесь свои заседания, организует круглые столы по актуальным вопросам национальной политики и межнациональных отношений.

К числу серьезных совместных достижений петербургского национально-культурного движения в целом относится участие в разработке и реализации Программы гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге на 2006–2010 годы (программа «Толерантность»). Оригинальным вкладом в процесс воспитания и укрепления толерантности стал мини-разговорник «Полиглот 17-100», в котором собраны 17 слов и фраз доброжелательности и гостеприимства на 100 языках народов Евразии (составитель, дизайнер и издатель – член НЦ «Петрополь» Б. В. Сухомлинов).

В течение длительного времени национально-культурные объединения и автономии, а также межнациональные общественные организации Санкт-Петербурга ста-

вили перед администрацией города вопрос о создании государственного учреждения, деятельность которого должна быть специально посвящена задачам поддержания этнического разнообразия и межнациональной толерантности. В 2005 году правительство города учредило Санкт-Петербургское ГУ «Санкт-Петербургский Дом национальностей» (Моховая ул., 15). В ведение нового учреждения, располагающего прекрасной материальной базой и ставшего распорядителем финансовых средств, перешла практически основная деятельность интегрирующих общественных межнациональных объединений – Дома национальных культур и Лиги наций. НКО и НКА, оставаясь самостоятельными общественными организациями, имеют возможность проводить работу на базе ГУ «Дом национальностей». Однако одна из главных надежд национальных организаций – получение юридического адреса и постоянного помещения для большинства объединений – не получила воплощения. Также не вполне отрегулированы устранимые обе стороны взаимоотношения государственного учреждения и общественных организаций. Самостоятельная позиция общественных объединений во многих вопросах трудно воспринимается государственными служащими. Кроме того, проявилась тенденция к ведению работы преимущественно отдельными национальными объединениями, в то время как общие проекты и мероприятия, ранее осуществляемые совместно в рамках межнациональных организаций, уступают позиции.

К сожалению, региональная общественная организация «Санкт-Петербургский Дом национальных культур» в последнее время не получает поддержки со стороны государственных структур. Однако ее деятельность продолжается за счет неравнодушия и активной гражданской позиции ее членов. Активизировалась работа НЦ «Петрополь», укрепились связи с давними партнерами, появились новые формы деятельности. Совместным проектом Дома национальных культур, Централизованной Межбиблиотечной системы им. М. Ю. Лермонтова (директор С. С. Серейчик) и Библиотеки национальных литератур, при финансовой поддержке Комитета по

культуре, стала «Карта-путеводитель «Многонациональный Петербург» – первый путеводитель именно по многонациональному городу, а не только по местам, связанным с какой-либо одной национальностью. В 2010 году вышел первый выпуск этого путеводителя, в который вошли 45 сюжетов с адресами в Адмиралтейском и части Центрального района. Подготовлена рукопись второго выпуска, посвященного Центральному району в целом, но пока нет средств на издание. Хочется надеяться, что это временное явление и все пять задуманных выпусков уникального пособия по вкладу представителей разных национальностей в культуру Петербурга увидят свет.

Еще одним новым направлением в работе Дома национальных культур стало сотрудничество с мемориальным музеем «Разночинный Петербург» (директор Т. Г. Федоренко). Вместе с коллективом этого музея «непарадного Петербурга» были созданы выставки «Фамильные ценности» из цикла «К Петербургу с любовью», представлявшие памятные предметы петербургских семей разных национальностей, «Красные шаманы» из Ленинграда – о студентах Института народов Севера (1929–1941 гг.), а также не требующая дополнительных объяснений выставка «Мы все петербуржцы, мы все – земляки». К 65-летию Победы в Великой Отечественной

войне на базе музейной выставки центр «Петрополь» провел научно-практическую конференцию «Была судьба на всех одна».

Развивается сотрудничество с Санкт-Петербургским городским Дворцом творчества юных, где Дом национальных культур представлен в жюри ежегодных конференций-конкурсов работ школьников «Многонациональный Петербург». В работе НЦ «Петрополь» участвуют сотрудники кафедры ЮНЕСКО и преподаватели других кафедр Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Ежегодно 24 мая Дом национальных культур отмечает в Библиотеке национальных литератур День славянской письменности и культуры. В 2012 году в этот день будут подведены итоги конкурса «Всех нас связующий язык» среди школьников и студентов разных национальностей. Это также совместный с библиотекой проект, посвященный русскому языку как языку межкультурной коммуникации, направленный на сближение и лучшее взаимопонимание петербуржцев разной этнической, но общей гражданской – российской – принадлежности.

Деятельность региональной общественной организации «Санкт-Петербургский Дом национальных культур» направлена на изучение Петербурга как многонационального социума и на формирование

надэтнической общегражданской идентичности доминантного уровня – россияне. Работа нашей организации получила освещение в двух документальных фильмах киностудии «Этнос» (режиссер Н. О. Серебрякова) – «Многонациональный Петербург» и «Город общей судьбы».

За четверть века национально-культурное движение Петербурга выросло и окрепло. Нет возможности хотя бы перечислить мероприятия и программы, осуществленные за это время национально-культурными объединениями, автономиями и межнациональными организациями. Однако следует подчеркнуть, что многие формы и методы работы по сплочению представителей разных национальных групп нашего города, по воспитанию единой петербургской идентичности впервые были придуманы, апробированы, усовершенствованы, обобщены именно в рамках этого движения. Даже многие слоганы, выражающие единство петербуржцев разных национальностей, возникли в рамках нашего движения. Этот опыт нельзя переоценить. Использование этих наработок стало основой деятельности других организаций, как общественных, так и государственных, и этим можно по праву гордиться.

У нас одна «национальность» – петербуржцы. Мы разные, но мы вместе!

Духовные нагала «Золотого века русской культуры» в Петербурге

Н. Ф. Золотухина

Феномен «золотого века русской культуры» в своих истоках связан с особенностями кросскультурных процессов, определивших духовную направленность формирования культурного пространства Петербурга на рубеже XVIII–XIX веков. Гармоничное единство этого пространства, ставшее одной из основ образа Петербурга в художественной и исторической литературе (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь,

Ф. М. Достоевский, А. Белый, А. Блок, Н. П. Анциферов, И. М. Гревс и др.), долгое время воспринималась как естественное явление. Именно поэтому требуется переосмысление с философско-культурологических позиций XXI века, сложившихся в истории, культурологии и петербурговедении интерпретаций возникновения этого феномена.

Особенности формирования Северной столицы во многом опре-

делялись тем, что оно совпало с новым этапом развития всего Российского государства и развития городской культуры как нового типа культурного пространства.

В допетровское время города, или правильнее сказать, поселения, в основном формировались вокруг крепостей-монастырей. Монастырь, являясь центром религиозной жизни, параллельно брал на себя оборонительные и градообразующие

функции. Так развивались Новгород, Псков, Владимир, Москва, Ярославль, Рязань и другие русские города. Так же закладывался и Петербург: на Заячьем острове была возведена в начале XVIII века Петропавловская крепость как форпост в войне со Швецией, а затем по проекту приглашенного Петром I итальянского архитектора Д. Трезини был построен Петропавловский собор. Но в отличие от древнерусских городов, дальнейшее развитие Петербурга пошло уже по новой даже для европейских городов модели. Закладывая город в дельте Невы, Петр I мечтал видеть его открытым, с площадями и прямыми улицами, на которых каменные дома должны были быть выстроены в красную линию «сплошной фасадом». Строительство царской резиденции и прилегающих к ней улиц «плановой» городской застройки происходило в соответствии с положением различных сословий по Табели о рангах. Храму, церковному строительству хотя и отводилась роль городских доминант, но в то же время включение его в архитектурные ансамбли города подчеркивало своего рода равноправие светского и религиозного начала в новой городской культуре

В городе с момента его основания стали возводиться церкви разных конфессий, в первую очередь лютеранские и реформатские, позже – католические. За Кронверком Петропавловской крепости появилась Татарская слобода, где жили мастеровые и торговые люди – татары, калмыки, киргизы, турки и представители других этносов. Здесь стояли войлочные юрты и разборные дома, которые легко можно было перенести для работы в другом месте. Память об этой слободе сохранилась в названии Татарского переулочка и Соборной (Татарской) мечети, построенной в 1913 году.

Утвержденный Петром I принцип веротерпимости имел истоки, весьма отличающиеся от европейских религиозных традиций толерантности. Парадоксально, но именно в исследованиях приверженца евразийства Л. Н. Гумилева во второй половине XX века было подвергнуто критике укоренившаяся в славянофильской и ее преемнице – евразийской концепциях развития России представление об

исключительно западноевропейской ориентации политики Петра I, в том числе и в отношении формирования культуры Петербурга. Как отмечал Л. Н. Гумилев, «Москва не продолжила традиций Киева, она уничтожила традиции вечною вольности и княжеских междоусобиц, заменив их другими нормами, во многом заимствованными у монголов – системой абсолютной дисциплины, широкой этнической терпимости и глубокой религиозности. Все петровские реформы были по существу логическим продолжением реформаторской деятельности его предшественников, которые заимствовали у татар конструкцию административного аппарата, организацию военного дела, финансовую систему, организацию путей сообщения и почты и прежде всего традиции национальной терпимости»¹.

Именно восточно-азиатские традиции веротерпимости в деятельности Петра I послужили основой того, что в становлении культурного пространства Петербурга поликонфессиональность стала естественным продолжением петровской политики по заселению города представителями разных национальностей, этнических групп и сословий. Кроме русских переселенцев – дворян, купцов и мастеровых разных художеств, прибывших в Петербург по царскому указу, в город приехало много иностранцев: английские кораблестроители, голландские офицеры, немецкие ученые, итальянские и французские архитекторы, а также художники и мастера из разных стран Западной Европы. При этом важно отметить, что представители разных национальностей и конфессий прибыли в Россию не как колонисты или миссионеры, а как специалисты высочайшего класса, приглашенные и почитаемые властью. А строительство храмов осуществлялось в Петербурге не в рамках развития религиозных институтов, а как атрибут полноценной человеческой жизни.

В результате общим итогом сосуществования представителей разных культур и конфессий в становлении Петербурга стало формирование уникального культурного феномена: гармоничного поликультурного и поликонфессиональ-

ного пространства, включающего представительство всех мировых религий: христианства, иудаизма, буддизма, ислама.

Одним из социокультурных следствий такого феномена была открытость пространства Петербурга, понимаемая и как преодоление национально-конфессиональной замкнутости отдельных культур, и как возможность включения в архитектурные ансамбли памятников, построенных в ином стиле, и как открытие возможностей для творческой самореализации личности художника-творца.

При этом необходимо подчеркнуть, что открытость культурного пространства Петербурга формировалась и на основе длительной (семивековой) национальной традиции взаимодействия Древней Руси с христианской культурой стран Европы, на что обращал внимание в своих работах, в частности, и Л. Н. Гумилев: «Контакты с Западной Европой у России никогда не прерывались. Привлечение Петром I на службу иностранных специалистов русскими людьми воспринималось как нечто вполне привычное»². Влияние традиций европейского межкультурного диалога на последующее развитие русской культуры неоднократно подчеркивал в своих исследованиях и Д. С. Лихачев: древнерусская литература как ядро средневековой культуры, «общая для южных и восточных славян, была литературой европейской по своему типу и в значительной мере – по происхождению. Эта литература, объединяющая различные славянские страны, существовала в течение многих веков, иногда впитывала в себя особенности языка отдельных стран, но одновременно и освобождалась от этих особенностей благодаря интенсивному общению славянских стран. Древнерусская литература обладала всеохватывающим внутренним единством <...> как литература одной темы и одного сюжета. Этот сюжет – мировая история, и эта тема – смысл человеческой жизни, процесс ее развития шел не путем дробления целого, а путем его роста и детализации»³.

Подобная динамика культурного процесса стала характерной особенностью и становления культурного пространства Петербурга. Но в отличие от развития древнерус-

ской культуры, открытость границ которой базировалась на единстве духовно-познавательного процесса освоения русскими культуры христианского мира и включения в нее достижений древнерусской культуры, общей основой открытости культурного пространства Петербурга стало единое созидательное начало, объединившее восточные и западные культурные традиции.

По мере возведения города созидательное начало взаимодействия представителей разных национальностей, сословий, религий и культур сделало очевидным для его участников зависимость их профессиональных достижений от уровня мастерства, от таланта и общечеловеческих нравственных качеств личности (добросовестности, трудолюбия, честности, взаимопомощи и др.), а не от национальной или конфессиональной принадлежности.

Открытость и созидательность, в свою очередь, стали основой уникального для своего времени духовного измерения пространства как условия творческой самореализации личности не только ведущих архитекторов, художников и строителей, но и для простых мастеровых, участвующих в сложном и многообразном убранстве Петербурга и его окрестностей. Крылатое выражение о том, что архитектура – это застывшая музыка, в культурном пространстве Петербурга обрело новое значение в развитии гармонического начала как в архитектуре, так и в русской певческой музыкальной культуре. Не удивительно, что это гармоническое начало оказалось так созвучно петровскому образу Северной столицы.

Благодаря деятельности воспитанника Придворной певческой капеллы, а с 1801 года ее директора, композитора, певца и дирижера Д. С. Бортнянского, традиции духовных песнопений получили свое развитие в культурном пространстве Петербурга. Так же как Растрелли в своих архитектурных творениях синтезировал особенности русского зодчества с европейскими традициями, в музыкальном искусстве, уже «начиная с XIX века, проявляется мощная тенденция к национальному своеобразию гармонии в творчестве М. И. Глинки, М. П. Мусоргского и других русских композиторов. Используя общев-

ропейскую гармоническую систему, свойства русской гармонии в сочетании с оригинальной мелодикой и ритмикой во многом обусловили своеобразный облик русской музыкальной культуры»⁴.

Гармоничное сочетание традиций Востока и Запада, открытости и созидательности в становлении культурного пространства Петербурга, свободы совести и творческой самореализации его созидателей привело к духовной гармонии женского и мужского начал в этих процессах. Одной из особенностей, отличающей взлет культуры Петербурга во второй половине XVIII века и первой половине XIX века, была его тесная взаимосвязь с деятельностью образовательных институтов Петербурга, которая становится все более значимым фактором формирования его культурного пространства. Необходимо заново переосмыслить ту уникальную роль, которую сыграло в формировании культурно-образовательного пространства Петербурга женское образование, на что одним из первых среди исследователей русской культуры обратил внимание Ю. М. Лотман⁵.

В 1764 году по Указу Екатерины II было создано Государственное женское дворянское учреждение, или Императорское общество института благородных девиц. Появление этого учебного заведения оказало огромное влияние и на становление всей российской системы образования, и на характер педагогической мысли, и на развитие культуры Петербурга. Идея открытия Смольного института благородных девиц принадлежала И. И. Бецкому, русскому просветителю и педагогу, включившему его создание в свой проект реформы народного образования. В основу образования смолянок уже «на заре жизни», по убеждению Бецкого, должны были быть положены нравственные добродетели: «вера в Бога, благонравие, трудолюбие, бережливость, опрятность, терпение, ибо самые мудрые законы без добрых нравов не сделают государство счастливым»⁶.

Воспитание смолянок было ориентировано на воплощение нового идеала женщины-дворянки – образованной светской женщины, обладающей тонким эстетическим вкусом и изысканными манерами.

Большое значение в связи с этим придавалось художественному образованию девушек: «их учили игре на клавесине, арфе, скрипке, виолончели, пению, танцам и даже композиции. В институте был создан театр. Его оперные и балетные постановки, посещаемые членами императорской семьи, пользовались огромным успехом»⁷. О художественных дарованиях и обаянии смолянок мы можем судить по серии портретов кисти Д. Г. Левицкого (1772–1776), где они представлены или в образах героинь опер, или играющими на музыкальных инструментах.

Вскоре после открытия Института благородных девиц по инициативе Бецкого был осуществлен еще один педагогический благотворительный проект – создание Воспитательного дома для сирот и «безродных» младенцев, на базе которого впоследствии был организован Государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. Деятельность Петербургского воспитательного дома неразрывно связана с именем императрицы Марии Федоровны. Следуя гуманистическим принципам, заложенным Бецким, Мария Федоровна преобразовала воспитательный дом в целый комплекс медицинских и учебно-воспитательных учреждений, обеспечивающих бесплатную помощь бедным матерям и детям, вскармливание брошенных младенцев, приют, обучение и воспитание сотен сирот, независимо от их социального происхождения. Это был настоящий подвиг милосердия, длившийся более 30 лет. Как отмечали ее благодарные последователи, «трудно найти историческое имя, которое было бы более популярно и более бессмертно на Руси имени императрицы Марии Федоровны <...> Слава ее не блещет яркими героическими деяниями <...> она сияет мирным кротким греющим светом любви и милосердия...»⁸

В начале XIX века со Смольным институтом была связана также и деятельность одного из основателей российской педагогической науки – К. Д. Ушинского. Работая инспектором классов, он реформировал систему образования института, построив ее на принципах патриотического воспитания и приобщения смолянок к богатству родного языка

и русской культуры. Ушинский ввел в обучение двухлетние педагогические классы, окончание которых позволяло выпускникам Смольного института вести профессиональную педагогическую деятельность.

Связь женского образования с основами семейной педагогики оказала влияние на формирование нового для городской культуры XVIII века социального института домашнего воспитания и образования детей в дворянских семьях. Именно с середины XVIII века в домах дворян появляются библиотеки и у хозяина, и у хозяйки, в которых были представлены произведения отечественной и зарубежной литературы. Екатерина Дашкова, одна из блистательных женщин той эпохи и одна из первых в мире женщин, ставшая в 1783 году Президентом Академии наук, отмечала в своих записках: «Мы учились четырем языкам (французскому, немецкому, итальянскому и русскому)»⁹. Кроме того, княгиня обучалась рисованию, музыке, танцам; ее игрой и пением позднее восхищался французский философ Дидро.

В начале XIX века начинает формироваться новое отношение к детству, в котором ведущее значение приобретает воспитание в духе нравственных идеалов и ценностей романтического искусства. Как нам известно из биографии А. С. Пушкина, в раннем детстве ребенок слушал няинины сказки, в которых Добро сталкивается со

Злом, а повзрослев, знакомился с романами, в которых героические рыцари спасают красавиц, вступая в борьбу с силами Зла.

Эти идеалы послужили основой формирования личности женщин, ведущих активный духовный образ жизни. Одним из духовных проявлений такого феномена, как Пушкинский век, стало возникновение в Петербурге художественно-литературных салонов, законодательницами которых были женщины дворянки, одаренные, образованные, духовно богатые: Е. И. Оленина, Е. И. Голицына, А. О. Смирнова-Россет, С. Н. Карамзина, Е. П. Ростопчина. В театре блистали своим талантом драматическая актриса Е. С. Семенова, балерина А. И. Истомина. Многие из них стали и музами поэтов, музыкантов, художников, писателей, и устроительницами их духовно-творческой жизни. Поистине гений А. С. Пушкина, М. И. Глинки, М. Ю. Лермонтова мог расцвести только в таком возвышенном духом общении. Этот «чистейшей прелести чистейший образец» А. С. Пушкин воплотил в художественном образе героини романа в стихах «Евгений Онегин» Татьяны Лариной, ставшей духовно-нравственным идеалом многих девушек не только XIX, но и XX века. Так, Марина Цветаева – поэт Серебряного века, в своих воспоминаниях признавалась, что всю свою жизнь она старалась следовать этому идеалу. Даже в советское время, превращенный

Е. П. Ростопчина.
Худ. Г. Кордик. 1846 г.

Е. М. Оленина.
Литография с рис. Василевского

в школьно-хрестоматийный, этот идеал не утратил своего духовного обаяния.

Подлинными центрами культурной жизни столицы, начиная с XVIII века, стали музыкальные салоны княгини Зинаиды Волконской, князей В. Ф. Одоевского и А. Ф. Львова, графов Виельгорских, великой княгини Елены Павловны. В Белом зале Михайловского дворца, в салоне Елены Павловны – одной из образованнейших женщин своего времени, покровительницы искусств и меценатки, собирались самые знаменитые люди России и Европы – политики, ученые, поэты, художники, музыканты. Одним из руководителей музыкальных вечеров в салоне великой княгини стал Антон Григорьевич Рубинштейн,

А. О. Смирнова-Россет.
Худ. П. Ф. Соколов, 1834–1835 гг.
Всероссийский музей А. С. Пушкина

Е. И. Голицына.
Худ. Йозеф Грасси,
1800–1802 гг.

Е. С. Семенова.
Худ. К. Брюллов

Великая княгиня Елена Павловна.
Худ. А. Грааль, 1830 г.

возглавивший Императорское Русское музыкальное общество, из музыкальных классов которого впоследствии выросла Петербургская консерватория¹⁰. Постоянный участник вечеров у Елены Павловны граф М. Ю. Виельгорский, будучи почетным опекуном Петербургского Воспитательного дома с 1832 по 1855 год, внес огромный, поистине неограниченный вклад в развитие педагогического образования, и прежде всего женского, включив в него в качестве неотъемлемого компонента освоение художественной и музыкальной культуры. О масштабе его деятельности свидетельствует даже простое перечисление учреж-

дений, в развитии которых он принимал непосредственное участие: Сиротский институт, Александринский сиротский дом, родильный госпиталь, училище повивальных бабок, грудное отделение, лазареты, училище глухонемых, деревенская экспедиция, Александровская мануфактура, богадельня и т. п.¹¹

Трудно переоценить, какое значение имел процесс женской духовной эмансипации для дальнейших судеб культуры России и национального самосознания, да, по большому счету, и для мировой культуры. Ю. М. Лотман подчеркивал, что «поведение женщин последекабристской эпохи – факт не только “женской культуры” <...> то, что в обществе уже были люди, живущие духом и в значительной мере женщины, создавало совершенно иной быт. Вторая половина XVIII и первая половина XIX века отвела женщине особое место в русской культуре. Именно тогда сложилось представление о женщине как наиболее чутком выразителе эпохи – взгляд, позже усвоенный И. С. Тургеневым и ставший характерной чертой русской литературы XIX века <...> антитеза “мужского взгляда” и “женского” у Пушкина заменяется противопоставлением исторического и вечного. Так называемый женский взгляд становится реализацией вечно человеческого»¹².

Таким образом, домашнее образование, где роль духовного лидера играла женщина, через институт семьи позволило наиболее гармонично осуществить преемственность ценностей русской крестьянской патриархальной культуры и дворянской городской, включившей в себя влияние европейской культуры. В то же время развитие в культуре женского начала в своей наивысшей духовной форме позволило адекватно самоопределиваться в культуре и мужскому началу, воплотившемуся также в своих наиболее высоких идеалах: патриотизма, служения отечеству, благородстве устремлений, чести, мужества и отваги. Именно эти идеалы стали ведущими принципами в образовательном процессе новых мужских учебных заведений, которые были созданы в Петербурге во второй половине XVIII и первой половине XIX века.

Открытый в 1732 году Шляхетный кадетский корпус, в разработке

А. И. Истомина в роли Флоры.
Миниатюра неизвестного художника

учебной программы которого принимал участие и М. В. Ломоносов, со временем трансформировался из военного в светское учебное заведение, став одним из центров дворянской культуры. В Уставе корпуса 1766 года было записано: «сделать человека здоровым, украсить сердце и разум, готовить знатных граждан». Не удивительно, что из стен того корпуса вышел М. И. Кутузов, гению которого Россия обязана победой в войне над Наполеоном. И в то же время этот корпус стал в 1750 году колыбелью русского театра, возникшего из любительского коллектива учащихся под руководством драматурга А. П. Сумарокова.

Шляхетный кадетский корпус, Пажеский корпус, девизом которого было: «Чист как золото и тверд как сталь», Петербургская академия художеств и, конечно же, Царскосельский, впоследствии Александровский, лицей, Петербургская консерватория, Воспитательный дом, а также многие другие появившиеся в Петербурге учебные заведения воспитали целую плеяду ученых, инженеров, педагогов, врачей, полководцев, писателей, поэтов, государственных деятелей, художников и музыкантов, лучшие из которых составили духовную элиту России XIX века.

Без этих новых носителей духовно-творческого измерения культуры Петербурга невозможно представить ни триумфальную победу России над Наполеоном в войне

1812 года; ни уникальный в мировой истории подвиг жен декабристов, отправившихся на каторгу за своими опальными мужьями; ни фантастический по своему масштабу духовный подъем и расцвет культуры XIX века, получивший название «золотого века русской культуры»; ни расцвет русской философско-религиозной мысли и культуры Серебряного века в конце XIX – начале XX века, давшего России и миру целую россыпь драгоценных имен писателей, поэтов, музыкантов, художников, архитекторов, мыслителей и религиозных деятелей.

¹ Гумилев Л. Н. От Руси до России. СПб., 1992. С. 247, 249, 252; Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 174.

² Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 246.

³ Лихачев Д. С. Своеобразие древнерусской литературы // Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971. С. 67.

⁴ Категории. Теория музыки. Музыкальные термины. Гармония // Электронный ресурс. [Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>]

⁵ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2002.

⁶ Дмитриева Е. В. Санкт-Петербург. Культура и быт. СПб., 2002. С. 169, 170.

⁷ Белякаева-Казанская Л. В. Силуэты музыкального Петербурга. СПб., 2001. С. 47.

⁸ Педагогический университет им. А. И. Герцена. От Императорского Воспитательного дома до Российского педагогического университета. СПб., 2007. С. 33, 34.

⁹ Дмитриева Е. В. Указ. соч. С. 286.

¹⁰ Белякаева-Казанская Л. В. Указ. соч. С. 144–146.

¹¹ Педагогический университет им. А. И. Герцена. От Императорского Воспитательного дома до Российского педагогического университета. СПб., 2007. С. 52.

¹² Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 57, 58, 64, 74.

Афганцы в Петербурге

Наиб Сафи

Первые эпизодические торгово-экономические и политические контакты между Россией и государствами образований на территории Афганистана существовали еще в XV–XVI веках. Персидский историк Абдарразак писал о прибытии русских послов ко двору тимуридского правителя Герата в 1464 году. А в 1490 году в Москве побывал посол владельца Герата Султан Хусейн Байкари (1469–1506) с предложением «о дружбе и любви». В середине XVI века после завоевания Казани и Астрахани при Иване Грозном активизировались сношения России с ханствами Средней Азии и Афганистана, однако постоянных контактов установлено еще не было.

В 1642 году вместе с купцами и вьюками товаров в Москву прибыл посланник владетельного хана Балха Ходжа Ибрахим для установления дружественных отношений. Царь Михаил Федорович (1613–1645) в ответной грамоте известил хана о своей согласии на установление дружественных отношений и развитие торговли с Балхом. Значительный интерес проявился в России к восточным соседям во время царствования Алексея Михайловича. Царь направил в Персию посольство князя Козловского. Вместе с ним были отправлены и гонцы – казанский купец Никита Сережкин и астра-

ханский житель Василий Тушканов. Они должны были исследовать Индию и доставить Великому Моголу Шах Джахану (1628–1657) грамоту от московского государя. Однако персидский шах отказался пропустить русских гонцов через свои территории. В середине XVII века в России неоднократно предпринимались попытки добыть сведения о коротких, безопасных и удобных торговых путях в Индию через Хивинское ханство и Бухарский эмират. С таким поручением братья Борис и Семен Пазухины со спутниками прибыли в Хиву. Из Бухары братья Пазухины отправили в Балх своих толмачей Никиту Медведева и Семена Измайлова для сбора сведений о путях в Индию. Правитель Балха оказал посланцам дружелюбный прием и разрешил свободно проехать через свои территории. При Петре I был начат систематический сбор сведений об афганцах и Афганистане. Продолжался он и после кончины императора российскими политическими деятелями.

Таким образом, уже начиная с XV–XVI веков Россия имела нерегулярные торгово-экономические и политические контакты с Афганистаном. Российские власти были заинтересованы в привлечении афганских купцов к торговле между Афганистаном и Россией. Однако России не удалось установить

прямые дипломатические и иные контакты с Афганистаном вплоть до завоевания этой страной независимости во главе с эмиром Аманулли-ханом в 1919 году. Одной из причин, из-за которой Россия не смогла установить тесные контакты с Афганистаном, являлось противоборство и противоречия с Англией и борьба за сферы влияния в этом регионе. И все же неофициальные контакты между Афганистаном и царской Россией на высшем уровне имели место еще до обретения им независимости.

Имя афганского общественно-политического деятеля последней четверти XIX века Саида Джамалуддина Афгани (*Джемаль ад-Дин аль-Афгани*) (1839–1897), сторонника пересмотра религиозной и социально-философской системы ислама в свете развития науки и культуры в условиях подъема антиколониальной борьбы народов Востока, связано с Петербургом.

Шейх Саид Джамалуддин Афгани родился 3 марта 1839 года в Афганистане, в семье сейида – потомка пророка Мухаммеда. На родине и в Индии, позже – во Франции Саид Джамалуддин получил прекрасное мусульманское и европейское образование. Из Индии совершил паломничество в Мекку, посетил Иран, Ирак, Хиджаз. Саид Джамалуддин Афгани служил первым визирем у эмира Дост Мухаммед-хана, но в

Шейх Саид Джамалуддин Афгани

1858 году вынужден был эмигрировать. Десять лет активно участвовал в национально-освободительном движении в Египте, выступал за реформу ислама и объединение мусульманских народов в борьбе против колонизаторов.

В конце 1888 года Саид Джамалуддин Афгани приехал в Россию и провёл здесь почти три года, побывал в Москве, Киеве, на Кавказе, около года жил в Петербурге. В 1889 году опубликовал несколько статей в журнале «Новое время», в которых разоблачал колониальную политику Англии в Азии. После появления этих статей император Александр III пригласил Саида Джамалуддина во дворец. Но аудиенция закончилась неожиданно: Александр III прервал афганского гостя, когда тот стал развивать перед ним передовые и смелые взгляды о преимуществах парламентского строя перед абсолютизмом. После этого Саиду Джамалуддину Афгани дали понять, что его дальнейшее пребывание в России нежелательно.

После долгих скитаний Саид Джамалуддин Афгани скончался в Турции в 1897 году. В 1944 году решением афганского правительства прах этого «человека-урагана», философа и революционера был перезахоронен в Кабуле.

28 февраля 1919 года эмир Аманулла-хан провозгласил политическую независимость Афганистана. В августе 1919 года был подписан предварительный договор, согласно которому Великобритания признавала независимость Афган-

ского государства. Окончательный мирный договор был заключен в ноябре 1921 года. Советская Россия была первым государством, установившим с Афганистаном дипломатические отношения. Ровно через два года после провозглашения независимости Афганистана, 28 февраля 1921 года в Кабуле был подписан афгано-российский договор о дружбе, заложивший основу добрососедства между двумя странами и народами. Получение полной политической независимости Афганистана открыло новый этап в развитии страны, и началось установление и укрепление внешних связей со многими государствами мира. Аманулла-хан активно развивал связи с иностранными государствами. В 1927–1928 годах он совершил поездку в Индию, ряд стран Ближнего и Среднего Востока, в 1928 году посетил Европу. Во время этого визита его супруга королева Сурайя была без чадры и в европейском платье.

В мае 1928 года Аманулла-хан прибыл в СССР. То был первый визит главы иностранного государства в Советский Союз и первый визит главы Афганистана в Россию. Падишаха сопровождала представительная делегация из 40 человек, в том числе ряд государственных деятелей Афганистана и специалистов по разным вопросам. Аманулла-хан побывал в Москве, Ленинграде, Кронштадте, Севастополе.

В Ленинград высокие афганские гости прибыли 10 мая. На Московском вокзале падишаха встречали советские руководители, секретарь Академии наук академик С. Ф. Ольденбург и «представители магометанской колонии», как писала тогда «Ленинградская правда». Для Амануллы-хана с супругой Сурайей, членов королевской семьи и свиты на Дворцовой площади парадом прошел гарнизон и пролетели самолеты. Делегация совершила водную прогулку на катерах по Неве до Фарфорового завода им. Ломоносова, где знакомилась с производством, а королеве был подарен художественный сервиз работы художника С. Чехонина. Гости побывали в Детском Селе (бывшем Царском), посетили Академию наук, Минералогический музей, спектакль в Академическом театре оперы и балета.

Падишах Аманулла-хан

Для проживания высоким афганским гостям были выделены помещения в Зимнем дворце – бывшие апартаменты императора Александра III. Первоначальное предложение о размещении короля в гостинице «Европейская» было отвергнуто афганцами, сославшись на то, что падишах может жить только во дворце. Пришлось срочно готовить помещения Зимнего дворца, где в то время не было канализации и отопления. Некоторые комнаты были попросту разрушены. И даже после необходимого ремонта резиденция, хотя и во дворце, была далеко не комфортабельной. «За кулисами» также решался вопрос и об одежде российских официальных лиц на протокольных мероприятиях. Афганцы настаивали на фраках, но им было сказано, что такая форма одежды в России не принята. Договорились, что официальные лица России будут одеты в обычные костюмы.

Падишах посетил и ленинградскую мечеть, о чем советские газеты, естественно, не писали. Но этот факт подтверждается фотоснимком, сохранившимся в семейном архиве потомков Мусы-эфенди Бигеева.

Торгово-экономические и культурные связи между Афганистаном и СССР в дальнейшем развивались, добрососедские и взаимовыгодные отношения между странами имели важное геополитическое значение в регионе и в целом мире. Высокое королевство Афганистан, несмотря на уговоры и угрозы со стороны

фашистской Германии и обещание оказать финансовую поддержку Афганистану, не дало втянуть себя в войну против СССР и объявило нейтралитет, таким образом доказав свою верность договору о дружбе и ненападении. После Второй мировой войны впервые афганские студенты начали учиться в вузах СССР. Одним из первых учебных заведений, принявших афганских студентов в 1956 году, был восточный факультет Ленинградского государственного университета (ныне СПбГУ). В 1960–1970 годах в Афганистане возрастал интерес к СССР и особенно к Ленинграду как центру культуры, науки и просвещения. Здесь побывали многие известные представители афганской интеллигенции, общественные деятели и политики.

Вот стихотворения двух известных афганских поэтов Сулеймана Лаека и Гуль Пача Ульфата,

побывавших в Ленинграде в 1970-х годах.

Полночь. Сумерки над Невой.
Мне не спится – сон не идет...
Я недремлющим прозван был,
Значит, верил в меня народ.
Эй, товарищи, встанем в ряд!
Парни, девушки, шире круг!
Чернокожий белому брат,
Белокурый смуглому друг!
(Сулейман Лаек)

Каждой нации свобода –
Это общее богатство.
Радость каждого народа –
Это равенство и братство.
Пусть у всех свои порядки,
Пусть уклад у наций разный –
Всем почет и уваженье,
Все по-своему прекрасны.
На планете – в доме дружбы –
Гнев и зависть станут прахом.
И сердца людей не будут
Из-за войн терзаться страхом.
(Гуль Пача Ульфат)

После апрельской революции 1978 года в Афганистане в отношениях между двумя странами начинается новая историческая эпоха, направленная на сближение позиций, особенно в области политики. Это имело очень большое значение для укрепления государственности нового революционного правительства. Однако координация действий в международной политике привела к усугублению социальной напряженности и к политическому кризису в Афганистане. С другой стороны, продолжающаяся холодная война между Западом и СССР привела к еще большей напряженности в регионе, что способствовало их вмешательству во внутренние дела Афганистана.

В истории Афганистана 80–90-е годы XX века являются самыми трагическими для афганского народа. Внутриполитические разногласия между различными силами, борьба за власть, политический террор уничтожили руководство Афганистана. Вмешательство советских, затем натовских войск, разрушение страны, восстановление средневековых порядков, свержение законного демократического правительства насильственными методами в 1992 году вопреки всем нормам международного права привели к хаосу в стране. Афганистан оказался полигоном для эксперимента и полем боя Востока и Запада, то есть стал опасной зоной для жизни афганцев. По статистике, из страны в тот период более 7 млн афганцев выехало в соседние страны, в том числе в Россию.

В частности, в Петербург приехало около 2000 афганских беженцев, большая часть которых считала Россию единственной дружеской страной и надеялась на понимание и поддержку со стороны государства. В какой-то мере эти надежды оправдались: они нашли здесь вторую родину и место, где можно работать и жить.

Другая особая категория афганцев – это оставшиеся в Петербурге выпускники российских вузов, наиболее интеллигентные, образованные и адаптированные в петербургский социум. Они работают юристами, врачами, педагогами. Есть среди них предприниматели, которые создали рабочие места не только для своих соотечественников, но и для местного населения.

Посещение афганской делегацией Соборной мечети в Ленинграде. 1928 г. Фото из семейного архива М. Бигеева

Многие из них активно участвуют в общественной жизни города. К сожалению, не все образованные афганцы смогли найти себе достойную работу, соответствующую их специальности.

Благодаря своему интеллектуальному и образовательному потенциалу афганская община считается одной из наиболее организованных, законопослушных, деполитизированных.

Для защиты законных интересов и прав афганцев в 1999 году была создана Региональная обще-

ственная организация «Союз афганских граждан в Санкт-Петербурге». Наша организация проводит мероприятия, направленные на сохранение и развитие национальных и религиозных традиций, культуры среди земляков. С момента своего создания наш союз стремился к адаптации афганцев к российской культуре и сближению с культурами других национальностей, проживающих в Петербурге. Мы участвуем в работе таких объединяющих общественных организаций города, как Дом национальных

культур и Лига наций. Мы также активно участвуем в реализации общегородских программ, проводимых ГУ «Санкт-Петербургский Дом национальностей».

В переписи населения РФ в 2010 году афганцы были выделены в отдельную этногруппу. Таким образом, впервые афганцы вошли в национальный состав Российской Федерации вместе с другими народами. Это накладывает большую ответственность в деле взаимного обогащения многонациональной культуры России.

Литература:

1. Тагирджанова А. Н. В костеле мог бы зазвучать азан // История Петербурга. 2000. № 2. С. 53–60.
2. Хараташвили Г. С. История российско-афганских отношений. Международная научная конференция. К 150-летию восточного факультета СПбГУ. СПб. 4–6 апр. 2007. С. 324–351.

«Проза 1812 года» и евреи России

В. Л. Вихнович

Отечественная война 1812 года, противостояние России французской, а точнее – всевропейской армии, возглавляемой великим полководцем и государственным деятелем Наполеоном, имели самые разнообразные последствия для всех слоев российского общества. Одним из таких последствий было осознание себя евреями, совсем недавно ставшими подданными Российской империи, *русскими* евреями.

Для лучшего понимания этого процесса надо вспомнить историческую обстановку в конце XVIII – начале XIX века. Польское государство, как известно, прекратило свое существование после третьего, окончательного раздела в 1795 году. К Российской империи были присоединены территории Белоруссии, правобережной Украины и Литвы. Однако собственно польские земли со столицей королевства Варшавой перешли под власть прусских королей. Австрийской империи досталась в основном Галиция. Конечно, польские патриоты тяжело переживали гибель своего государства и цеплялись даже за призрачную возможность его восстановления. Таковыми были, прежде всего, обе-

щания победоносного тогда Наполеона, хотя они и носили довольно туманный характер. Но тем не менее в его войсках отважно и ревностно сражались польские добровольцы.

После заключения Тильзитского мира с Россией 25 июня (ст. ст.) 1807 года, в основном на польской территории, отошедшей Пруссии, было образовано «Герцогство Варшавское». Естественно, многочисленные еврейские подданные этого государства стали надеяться на равные права с поляками. Было хорошо известно об идеях Французской революции, отменившей правовые ограничения евреев. Знали о собранном Наполеоном в Париже 15 июля 1806 года Великом Синедрионе еврейских депутатов из всех его владений, на котором от лица императора была провозглашена гарантия свободного отправления иудейской религии. Были также решены вопросы консисториального устройства еврейской религии под покровительством государства, поставившего ее в равное положение с христианскими конфессиями во Франции. Помимо этого, приход победоносных французских войск в любой стране означал разрушение

стен средневековых гетто и даже правовую эмансипацию евреев.

В польских землях уже появилось много европейски образованных евреев, радостно воспринявших новые веяния из Парижа. Этому также способствовала репутация вожда борцов за польскую независимость Т. Костюшко, прославленного героя двух революций – американской и французской. Он благосклонно приветствовал предложение Берека Йоселевича сформировать еврейский полк, который будет защищать Варшаву в составе его войск. В своем ответе Костюшко поддержал надежду на лучшую долю евреев в свободной Польше, правда, опять-таки в неконкретных выражениях. Полк Берека большей частью погиб при штурме Варшавы русскими войсками. Сам Берек спасся, затем доблестно сражался в польских легионах Наполеона и пал в схватке с австрийцами в 1809 году.

Однако вопреки всем надеждам власти созданного Наполеоном Герцогства Варшавского делали все возможное, чтобы погасить надежды еврейских подданных, или, как тогда их вежливо стали называть – «поляков старозаветного

закона». Прежде всего, было объявлено, что положения либеральной конституции, предусматривавшие равноправие граждан, на «исповедующих религию Моисея» не распространяются в течение десяти лет, хотя допускалась возможность отдельных исключений. Затем последовало восстановление всех прежних обидных ограничений, в частности, на право проживания в самой Варшаве, причем основной массе евреев было предписано в полугодовой срок выселиться с главных улиц столицы. Исключением стала семья Берека Йоселевича, а его вдове для пропитания домохозяев было разрешено «торговать там водкой». Восстановление еврейских гетто происходило и в других городах герцогства. Напрасно евреи обращались к властям: «Мы во всем обременены большими податями, нежели прочие жители, у нас отнята возможность иметь радость приобрести клочок земли, построить себе дом, основать хозяйство, фабрику, свободно вести торговлю, делать все то, что Бог и природа позволяют человеку <...> Неужели та земля, на которой родились наши предки и за это не раз дорого платили, останется чужою для нас?»¹

Напротив, уже перед началом войны правительство выработало законопроект, запрещавший евреям производство «питий» и торговлю ими, что лишало средств к существованию множество людей, не предоставляя им других возможностей пропитания. В качестве обоснования говорилось, что несомненная будущая победа Наполеона восстановит Польшу в старых границах, и надо заранее законодательно подготовиться к возврату территорий с многочисленным еврейским населением. Кроме того, евреев освободили от воинской повинности с издевательским комментарием, потребовав взамен коллективной ежегодной подати в размере 700 тысяч злотых.

В соседней Российской империи ожидания и надежды еврейского населения были на переломе веков иными. Еще не были забыты первые слова указа Екатерины II о переходе Белоруссии в 1772 году под власть Российской короны: «...разумеется, что и еврейские общества, жительствующие в присоединенных к Империи Российской городах и

землях, будут оставлены и сохранены при всех тех свободах, коими они ныне в рассуждении закона и имуществ своих пользуются, ибо человеколюбие ее императорского величества не позволяет их одних исключать из общей всем милости и будущего благосостояния под благословенною ее державою, доколе они с своей стороны, с надлежащим повиновением яко верноподданные жить и в настоящих торгах и промыслах по званиям своим обращаться будут»².

Екатерина II неофициально разрешала евреям приезжать по делам в Россию и даже в Санкт-Петербург. Более того, евреев под прозрачным псевдонимом «новороссийских купцов» российское правительство поощряло поселяться в только что присоединенной Новороссии, в том числе и в недавно основанной Одессе, где уже в 1794 году они составляли 10% всего населения. Наряду с подтверждением «кагальной» системы, то есть общинного (в «кагале» – общине) самоуправления, евреям было разрешено вместе с христианами записываться в купеческое или мещанское сословия. Тем самым они выводились из-под юридической и финансово-фискальной власти кагала, включались в общегражданскую жизнь, приобретали право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления. Правовое и гражданское значение этого разрешения было исключительно велико. По понятиям того времени, причисление к сословным группам населения – купечеству и мещанству – означало признание евреев равноправными в словесном отношении гражданами государства, а предоставление им избирательного права было вообще исключительным явлением в тогдашней Европе.

Еще более показателен ответ императрицы на жалобы еврейских обществ по поводу произвола местных властей, на недобросовестность выборов, запрещение евреям проживать вне городов, заниматься винными промыслами и ограничение власти кагала. При направлении прошения в Сенат она повелела секретарю объявить генерал-прокурору, что «ее величество приметить указала, что когда означенные еврейского закона люди вошли уже на основании указов ее

величества в состояние, равное с другими, то и надлежит при всяком случае наблюдать правило, ее величеством установленное, что всяк по званию и состоянию своему долженствует пользоваться выгодами и правами без различия закона и народа»³. На основании этого указания 21 января 1786 года было дано соответствующее решение Сената. Фактически оно на пять лет предвосхитило Декларацию французского Учредительного собрания о предоставлении евреям гражданского равноправия. Следует отметить, что, в отличие от французского акта, в решении Сената речь шла о равноправии не только религии, но и народа. Несомненно, однако, что в условиях крепостнического государства, безраздельного господства аристократии и церкви, бесправности основной части населения – крестьянства – и крайней слабости торгово-промышленного слоев России эти начинания не могли быть проведены в жизнь. Но тем не менее 23 июня 1794 года был обнародован Указ, подтвердивший прежний перечень территорий губерний, открытых для проживания лиц иудейского вероисповедания, и добавивший еще к ним три украинских – Киевскую, Черниговскую, Новгород-Северскую, а также две литовские губернии.

Еще более обнадеживающим было начало царствования императора Александра I. В ноябре 1802 года был учрежден специальный «Комитет по благоустройству евреев», целью которого было улучшение социального и экономического положения еврейского населения империи, достигшего к тому времени численности одного миллиона человек. В результате многих споров и обсуждений в журнале заседаний было отмечено, что «...в образовании евреев (следует) предпочесть средства тихого одобрения, возбуждения их собственной деятельности и пресечения только тех препятствий, кои зависят непосредственно от правительства и сами пресечься не могут»⁴. Более того, в столицу были приглашены представители еврейских общин. Когда они прибыли к лету 1803 года в Санкт-Петербург, там уже существовала столичная еврейская община из нескольких десятков человек. Датой ее возникновения считается 1 марта 1802

года, когда на Волковском кладбище евреям был отведен отдельный участок. В декабре 1804 года император подписал разработанное Комитетом «Положение об устройстве евреев». Новый акт, хотя и подтвердил существоющую в 13 западных губерниях черту оседлости, все же расширил ее границы, добавив к ней Астраханскую и Кавказскую губернии. Для поощрения предпринимательства отменялась двойная подать с евреев-фабрикантов, ремесленников и земледельцев. Разрешалось приезжать во внутренние губернии России по делам купцам, ремесленникам, фабрикантам и художникам с семьями. Хотя для этого требовалось получение специальных паспортов, все же такое разрешение послужило началом формирования еврейских общин в столице империи и в других собственно русских городах.

Важным новшеством было решение детям евреев обучаться наряду с другими детьми во всех российских училищах, гимназиях и университетах, при этом гарантировалась свобода вероисповедания. Однако этим правом религиозное еврейское население не желало воспользоваться десятки лет. Гораздо большее значение для тогдашнего еврейского сообщества имела реформа еврейского самоуправления. Кагальские старшины должны были утверждаться властями. Кагалы не имели право вводить новые налоги, раввинам запрещалось прибегать к наказаниям религиозного характера, преследовать своих оппонентов,

в частности хасидов. Последнее было особенно важным, поскольку это новое движение хасидизма встретило острейшее противодействие среди приверженцев традиционного руководства иудейских общин – «митнагдимов». Дело доходило до проклятий и клеветы, а также доносов петербургским властям.

В этом отношении наиболее благоприятное впечатление у еврейского населения оставило короткое царствование императора Павла I (1796–1801). В его царствование выдающийся руководитель и философ движения хасидизма Шнеур-Залман (Шнеерсон) из белорусского местечка Ляды был обвинен митнагдимами в государственной измене, арестован властями по их доносу, доставлен в Петербург для следствия и помещен в Петропавловскую крепость. В результате объективного изучения дела Шнеур-Залман был из-под стражи освобожден. До сих пор хасиды празднуют день его освобождения и рассказывают о доверительных беседах своего учителя с самим императором и высшими сановниками империи, а также о чудесах, которыми он их поражал.

Надвигающаяся угроза войны с Наполеоном также вынуждала правительство Российской империи считаться с настроениями подвластного еврейского населения. Так, оно негласно отменило намечавшееся запрещение традиционных промыслов, которыми евреи занимались,

находясь на службе у местных помещиков, в частности производство и продажу крепких напитков. При этом отменить исключительное право помещиков на винокурение дворянское государство не могло, да и не желало. Переселение же евреев для занятий земледелием на новых землях требовало значительных средств, которых у потенциальных переселенцев не было.

Надо сказать, что «Грозу 1812 года» Шнеур-Залман заранее ожидал и даже не сомневался в ее исходе. Вот как определял он личность завоевателя: Наполеон «мне глубоко ненавистен, ибо он – сатана, всю силою зла противящийся добру, воплощение злобы и суровости, как отрицания милосердия и добра». Российский император Александр I, напротив, в изображении Шнеура-Залмана, являет «противоположное тому свойство – милосердие, доброта к каждому <...> Когда его постигает успех, он приписывает его не себе лично, а единственно Всевышнему и на него одного возлагает свои надежды»⁵.

Шнеур-Залман был не только религиозным мыслителем, но и активным общественным деятелем, обладавшим огромным влиянием на своих последователей. Поэтому во время начавшегося похода Наполеона он обратился к ним с воззваниями оказывать русским войскам всемерное содействие. Русский перевод текста этого воззвания хранился в Военно-Ученом архиве Генерального Штаба под названием «Письмо рабина Зальмана Броховича ко всем евреям, в Белоруссии пребывающим». Перевод засвидетельствован полтавским губернатором П. Могилевским, что объясняется кончиной р. Шнеура-Залмана около г. Гадяч Полтавской губернии.

Документ, опубликованный полностью в книге С. М. Гинзбурга «Отечественная война 1812 г. и русские евреи», малоизвестен, но весьма интересен для характеристики настроений и надежд того времени (Орфография и стиль по возможности сохраняются):

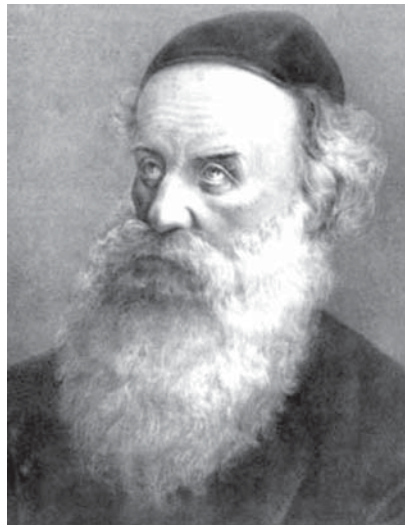
«По разрушении в прошедшем веке еврейского царства сделались нашим отечеством те земли, в которых предки водворились. Мы, пребывающие под благословенною державою Российской Государя Императора, не только не чув-

Шнеур-Залман из Ляд, основатель хасидского движения «Хабад»

ствовавали такого угнетения, какие в других царствах, даже и в самой Франции бывали; не нужно мне оных изъяснять: слухом земля полнится, следственно и вам известно. Но нам, в любезном отечестве нашем, России, чего недоставало? Трудолюбие и промыслы деятельных доставляли изрядные способы к содержанию наших семейств. Мы не только охранялись законом наравне с природными русскими, но и допущены были к правам и чинам, пользовались почестями и свободным оправлением веры нашей и обрядов; даже в самом царствующем граде Санкт-Петербурге, и там есть евреи и наша школа. В котором же царстве народ еврейский имеет такие выгоды? Поистине, ни в котором, кроме единой России.

Предки наши для защиты своего царства ополчались оружием, проливали кровь свою; история народа еврейского тако гласит, и в память несчастных приключений двукратного разрушения Иерусалима учредили посты, до днесь нами свято соблюдаемые. Теперь французский император Наполеон с силами союзных держав вошел разорить Россию, наше любезное отечество. Он проходил везде с оружием в руках и лестию в устах; противоборствуют ему все народы, России подвластные, не требуя от нас личного на то участия. Никогда не наполнялись Российские войска еврейским народом. Даже в теперешнюю жестокою войну не требует от нас Российский Государь, что бы мы стали в ряды солдатские, через что не могли бы отправлять мы свой шабаш (субботу. – В. В.) и наблюдать в яствах наших, но и все бы наши еврейские обряды, строго нами соблюдаемые, нарушились, а жены мужей и дети отцов бы лишились, падающих от меча Наполеона. Между тем как оный Наполеон ложными провозглашениями о разных выгодах старается прельщать народы, страшусь я, дабы из вас, мои любезные собратья, не поскользнулись иные пути истины, я увещаю вас самим Богом, яко учитель ваш, и увещаю вас всех тем, что вам любезно и свято есть – пребудьте верны Российскому Государю, служивайте Его военным начальникам всеми силами, уведомляя оных тайным и поспешнейшим образом друг через

А. Кац. Алтер ребе – Шнеур-Залман из Ляд

друга, о войсках неприятельских, о местах, где сколько их есть, о их намерениях, словом о всем, что нашему любезному Государю Александру Первому, Его славному царству, и нашему отечеству, может содействовать. Язык еврейский, которого письмена известны единым только нам, если только вы пребудете во взаимной друг другу верности, чего я не сомневаюсь, не откроет нас перед нашим врагом, алчностью своею разорившим всю Европу и наконец вторгнувшимся для того ж и в недра России, нашего любезного отечества. Монарху Российскому и Нашему Господю да поможет побороть врагов Его и наших, поелику Он справедлив и война начата не Россиею, а Наполеоном; доказательством же того есть наглый его сюда с войском приход. А я сам учитель ваш, из приверженности к Государю Александру и Его справедливости, перед нашествием войск вражиих удалился в глубину России, сколько для своей (безопасности? – В. В.) сколько же и для возможности подкреплять вас советами в духе вашем. Мужайтесь, крепитесь и усердствуйте всеми силами услуживать Российским военным командирам, которые в усердных подвигах не оставят, к возрадованию меня, извещать. Таковыи услуги послужат к очищению грехов, содеваемых нами, яко человеками, против приказания Божия. Наложите на себя посты по силе вашей, усугубите мольбы к Богу о успехах российского Оружия над неприятелем общим,

дабы таким образом пособить спасти свое отечество и водворить прежнее спокойствие. Тогда мы будем опять счастливы и более Государю нашему и россиянам любезны. Поспешите сие мое увещание, стисывая передавать один другому, дабы оное скорее повсюду распространилось и предупредило погибель народа еврейского. Бог Всемогущий да укрепит вас во всех качествах Ваших и добродетелях и силою Своею да поможет содействовать к защищению отечества. Десять Заповедей Господних вам то повелевают, а я усердно от вас желаю и требую»⁶.

Война с Наполеоном началась неожиданно. Показательно, что первое донесение императору Александру о переходе французов через пограничную реку Неман было доставлено в Вильно по так называемой «еврейской почте», существовавшей для оперативной связи между еврейскими торговцами и корчмарями. Таким образом, сразу как бы определялась позиция еврейского населения в ходе войны с Наполеоном. Особое значение имели надежды религиозных лидеров еврейства на то, что в ходе реализации либеральных реформ, точнее, намерений молодого Александра I будут удовлетворены чаяния евреев. Характерны в этом отношении слова руководителя белорусских хасидов р. Шнеура-Залмана: «Когда Всевышний поможет государю, и враги его будут повержены, он наверно вспомнит о евреях, улучшит их положение среди народных масс дарованием им всяких свобод навсегда»⁷. Следует указать, что тогда слово «наверное» означало «наверняка», а не сомнение, как в современном языке.

Антифранцузским настроениям населения способствовало также и то, что огромное войско Наполеона с самого начала в основном было ориентировано на обеспечение себя всем необходимым за счет местных ресурсов, то есть посредством конфискации у местного населения продовольствия и фуража. Такая практика была эффективной в богатых и многонаселенных странах Западной Европы, но была мало приспособлена к сравнительно малонаселенным и бедным регионам Российской империи. Поэтому мародерство и грабежи стали беспощадным бичом

наполеоновской армии, губительно действовавшим на армейскую дисциплину и вызывавшим общее озлобление населения.

Настроение евреев России имело большое значение для русской армии, поскольку военные действия проходили в Западном крае, где проживало многочисленное еврейское население, хорошо знакомое с местными условиями. Надо отметить, что сначала у русских правительственных чиновников были большие сомнения в отношении лояльности евреев, сравнительно недавно ставших подданными империи. Проявляя бдительность, генерал-губернатор Москвы граф Ростопчин приказал в августе 1812 года даже выслать в Рязань временно проживавшую в Москве и Московской губернии группу евреев в составе 22 мужчин, 6 женщин и 10 детей.

Однако опасения оказались напрасны. Услуги российским военным властям евреи оказывали еще до войны, передавая важную военную информацию о сосредоточении и составе наполеоновских войск русскому командованию. Одним из агентов был уроженец Белостока Гирш Альперн. В ходе разведывательной операции во время пребывания в Варшавском герцогстве он был арестован поляками и освобожден только после двухнедельного заключения. Доставленные им сведения оказались настолько ценными и важными, что его привезли в мае 1811 года в Санкт-Петербург, где он удостоился награды от имени самого императора. Военный министр сказал ему: «Исполняя сию Высочайшую волю, мне приятно надеяться, что вы и впредь потщитесь оказывать Ваше усердие». Таких агентов было достаточно много, так что неудивительно, что тактические передвижения наполеоновской армии во время войны были известны русскому командованию.

Хотя в то время на евреев Российской империи не распространялась личная воинская повинность, отдельные евреи вербовались в ряды русских войск по собственной инициативе. Характерный случай описан в воспоминаниях знаменитого поэта-партизана Дениса Давыдова: «Один из уланов гнался с саблей за французским егерем. Каждый раз, что егерь прицеливался по нем, каж-

дый раз он отъезжал прочь и преследовал снова, когда егерь обращался в бегство. Приметя сие, я закричал улану: «Улан, стыдно!» Он, не отвечав ни слова, поворотив лошадь, выдержал выстрел французского егеря, бросился на него и рассек ему голову. После сего, подъехав ко мне, он спросил меня: «Теперь довольны ли вы, ваше высокоблагородие?» <...> Странность состоит в том, что сей улан, получив за подвиг Георгиевский крест, не мог носить его <...> Он был бердичевский еврей, завербованный в уланы». Характерно добавление Давыдова к описанному: «Этот случай оправдывает мнение, что нет такого рода людей, который не причастен был бы честолюбия и, следовательно, не способен бы к военной службе»⁸. Но, конечно, главное содействие русским войскам евреи оказывали разведывательными сведениями.

О прорусских настроениях евреев Белоруссии был хорошо осведомлен и сам главнокомандующий М. И. Кутузов, бывший до войны губернатором края. 11 ноября 1812 года Кутузов известил партизана Сеславина: «Проходя уже Белорусскую губернию, вы в жидах (в то время наименование “жид” не носило оскорбительного характера, которое оно приобрело в России позднее. — В. В.) найдете большею частью к нам приверженных, обратите на сие внимание и, если встретите особливо усердных, то препроводите их ко мне для разведывания о неприятеле»⁹. Сеславин скоро убедился в правоте Кутузова. Хорошо известен случай нападения его отряда на город Ошмяны, где находился сам Наполеон, едва избежавший тогда пленения. По сообщению генерала Ермолова, проводником Сеславина был «еврей, житель города, знавший о пребывании в нем самого Наполеона и ничего о том, какой дом он занимает. Еврей провел отряд через лежащие в стороне мельницы, по тропинке, покрытой глубоким снегом, едва приметной. В городе было спокойно и в совершенной беспечности <...> Дом, на который ударил Сеславин, по количеству при нем войск принят был за квартиру Наполеона, но в нем был расположен был комендант города <...> В отдаленном конце города была квартира Наполеона, и он под конвоем гвардии, не теряя ни минуты, отправился в Вильну»¹⁰.

Удивительнее всего для властей было то, что многие евреи, оказывая важную помощь русской армии, делали это совершенно бескорыстно. Газета «Северная пчела» 28 декабря 1812 года сообщала: «Один из евреев, являсь к командовавшему авангардом г. генералу от инфантерии Милорадовичу, предложил ему свои услуги. Добрая воля его не была отринута, и он тотчас был употреблен к собранию некоторых сведений; а дабы приохотить его к тому более, упомянутый генерал, по известной щедрости своей, приказал выдать ему несколько денег. Но еврей, уклоняясь от сей милости, сказал: “Теперь такое время, ваше превосходительство, что и евреи должны служить без денег”. Последние слова оправдали ревность сего доброго Израильянина, и он во всей точности выполнял свое дело»¹¹. Не надо забывать, что разведывательная деятельность была крайне опасной и пойманных русских агентов немедленно расстреливали. Поэтому весьма справедливы слова полковника Бенкендорфа, который, высоко ценя заслуги евреев — русских разведчиков, отмечал, что они заслуживают «тем большей похвалы, что они должны были опасаться мщения французов и польского населения». Многие разведчики, отлично сознавая угрожающую опасность, отправлялись на выполнение задания с саваанами, а семьи оплакивали их как покойников.

На занятых французами территориях евреи с риском для жизни укрывали русских курьеров, солдат и офицеров. С другой стороны, нередко евреи даже под угрозой смерти отказывались быть проводниками для французов. Например, в Шклове был повешен еврей по фамилии Энтингон. В ответ на требование провести французский отряд к Могилеву он категорически заявил, что это противоречит заповедям Божиим.

Ценность еврейской помощи русским была тем более высока, что местное католическое польское и полонизированное население, в том числе и крестьянское, было на стороне оккупантов. Вот характерное донесение офицера Саблукова из Шклова 12 ноября 1812 года: «крестьяне здешние возмущались и большая часть пошла за армиями [то есть за отступившим неприятелем], а

оставшиеся здесь жида показывают к нам неложную приверженность»¹². Еще более показательно донесение генерала Витгенштейна царю 26 октября: «По распоряжению Кутузова, в Витебской губернии было оставлено Тульское ополчение «для надзора и укрощения зловредных замыслов многих из обывателей»». Причем «злобные поляки» якобы «двоекратно покушались истребить ополчение, но извещение полным кагалом жидовским о сем покушении спасло ополчение»¹³.

В последний период войны евреи Белоруссии и Литвы особенно много терпели от грабежей и насилий бежавших к границам французов. От бесчинств мародеров пострадало много синагог, а на еврейском кладбище в Вильно было уничтожено множество памятников и устроено пастбище для лошадей. Появление русских войск также могло сопровождаться эксцессами, но хотя бы означало установление стабильности и порядка. Неудивительно поэтому, что русские офицеры вспоминали: «Поляки воспринимали нас как победителей, жида же как спасителей. Более того, у города Лепель и у деревни Талеханы близ Пинска евреи по собственной инициативе восстановили для наступающих русских войск деревянные мосты, разрушенные французами»¹⁴.

В настроениях евреев – подданных Российской империи – французы скоро убедились сами, о чем в мемуарной литературе сохранились откровенные признания. Приведем характерное свидетельство взятого в плен французского офицера Генерального штаба русскому генералу Ланжерону: «Как мы можем знать что-нибудь, когда в качестве шпионов мы можем употреблять только евреев, а они все за вас!» – «Он был прав, – замечал по поводу этих слов генерал Ланжерон, – евреи были нам привержены, и для французов они могли быть опасными шпионами; они могли скорее обмануть их, нежели исполнить возложенную на них обязанность»¹⁵. Такая преданность евреев русским интересам однажды была использована французами, что привело к трагическому исходу. Это случилось при подготовке к переправе остатков французской армии и самого Наполеона через реку Березину. Тогда ка-

залось, что гибель или пленение его абсолютно неизбежны, поскольку французы практически были окружены русскими войсками. Но, зная настроения евреев, французский маршал Удино собрал группу евреев г. Борисова и стал расспрашивать о бродах через Березину, давая понять, что переправа французов будет происходить у местности, именуемой Игумен. При этом он стал вербовать проводников, а затем отпустил всех, приказав хранить все услышанное под строгим секретом, сознательно рассчитывая, что это будет немедленно сообщено русским. Расчет оказался точным. Три еврея из Борисова немедленно явились к русскому командующему Чичагову и передали ему все услышанное. Произошло передвижение русских войск к указанному месту, оставив открытым район действительной переправы у Студенки. После случившегося ярость сухопутного адмирала Чичагова была безмерна. Он обвинил трех евреев-патриотов в обмане, и они были по его приказу повешены как предатели. Так что эти трое пополнили собой немалый список евреев, своей жизнью заплативших за преданность Российскому государству в Первую Отечественную войну.

В высшем российском руководстве понимали значение еврейского населения для дела войны с Наполеоном. В 1812–1813 годах при императорской главной квартире постоянно находились два еврея – Зундель Зонненберг и Лейзер Диллон, носившие титулы «депутатов еврейского народа». Их обязанности состояли в координации деятельности кагалов и других еврейских учреждений по содействию русской армии, а также в посредничестве между евреями и центральными властями. Через них передавались указания и инструкции российских властей, а также решались вопросы снабжения армии и сбора пожертвований от еврейского населения. Об эффективности их работы свидетельствует похвальный лист Зонненбергу и Диллону от начальника Генерального штаба князя П. Н. Волконского. Они сопровождали русскую армию за пределы России и 29 июня 1814 года получили аудиенцию у императора Александра I, который выразил «еврейским кагалом свое милостивейшее расположение и

повелевал, чтобы та же депутация или подобная отправилась в Петербург, дабы там, во имя проживающих в империи евреев, выждать и получить выражение высочайшей воли и определение относительно их верноподданнейших пожеланий и просьб касательно современного улучшения их положения»¹⁶.

Одной из причин таких обещаний было то, что евреи много жертвовали на нужды армии. Сообщения о таких пожертвованиях сохранились в сообщениях из кагалов и отдельных евреев Екатеринослава, Люцина, Витебска, Могилева, Шклова, Минска, Петербурга, Житомира и других городов. В Лепеле Витебской губернии еврейская община взяла на свое попечение шесть раненых русских солдат, выброшенных французами из лазаретов, и тем самым спасла им жизнь¹⁷. Богатый банкир, откупщик и общественный деятель А. И. Перец (1770–1833) даже вложил все свое состояние в снабжение русской армии. Поскольку казна задерживала платежи, он разорился и обанкротился. В результате его имущество было продано за 1,5 млн рублей, в то время как задолженность ему казны составляла 4 млн рублей. (Кстати сказать, его старший сын Григорий принимал участие в декабристском движении и был осужден на вечную ссылку.)

Война с Наполеоном самым губительным образом сказалась на экономическом положении евреев, проживавших на театре военных действий. Главной причиной общего разорения еврейского населения Белоруссии и Литвы были грабежи французских войск как при наступлении, так и при беспорядочном бегстве. К тому же, конечно, не следует воспринимать отношения евреев с русской армией как сплошную идиллию. Прежде всего, казаки и башкиры, преследовавшие французов, не всегда разбирали, кого грабить, и, безусловно, евреи не были привилегированным исключением. Впрочем, доставалось и христианам. Например, граф Раstopчин в письме императору Александру I писал: «Бесчинства армии (русской. – В. В.) дошли до такой степени, что 15 числа (декабря 1812 г.) здешний священник отказался служить обедню, потому что за два дня перед тем, во время службы, человек 20 солдат пришли грабить церковь»¹⁸. Правда,

бывало и так, что отдельные евреи вознаграждали себя за счет казаков. Например, в занятой русскими войсками Вильне они скупали у них награбленное у французов за фальшивые русские облигации, в изобилии напечатанные по приказу Наполеона перед вторжением.

Следует отметить еще одно обстоятельство. Офицеров нередко поражала красота еврейских женщин. Вот воспоминание одного офицера: «К вечеру прибыли мы в местечко Неменчино, откуда осталось 30 верст от Вильны. Мы остановились ночевать, дабы доехать в Вильну днем. Хозяин корчмы, где мы остановились, был жид. Он имел двух прекрасных дочерей, из которых старшая называлась Белла. Брат Михайла весь вечер ухаживал за ней с Колошиным». Эта красавица прославилась тем, что ее удостоил поцелуя император Александр, когда проезжал через это местечко. Как отмечает далее историк С. М. Гинзбург, именно со времени похода 1812 года в русской литературе появляются стереотипные сюжеты о красавице-еврейке и грязном «жиде», продающем все за деньги, но мешающем счастью дочери, оценившей блага жизни в христианском обществе¹⁹. При этом преклонение перед еврейскими красавицами не мешало порой подвыпившим гулякам-офицерам оттащить ее отца или брата-корчмаря за пейсы.

Пленные воины Великой армии сразу же почувствовали пренебрежительное отношение многих русских офицеров к «жидам». В мемуарах сохранились воспоминания бывших пленных о временном проживании в еврейских домах. У хозяина-еврея можно было безнаказанно воровать живность и продукты, зная, что жаловаться ему некому. Особую проблему создавало нарушение пленными ритуальных обычаев, прежде всего, пользование посудой, становящейся непригодной для религиозного еврея при приготовлении в ней некошерной пищи. Пленные силой брали для приготовления пищи ту посуду, которая им приглянулось, отлично зная, что в случае сопротивления хозяев они могли рассчитывать на помощь конвоиров. Вот характерный пример из воспоминаний одного пленного: «В Бобруйске мы получили порядочную квартиру у одного еврея. Здесь у нас вышла ссора с нашим евреем: он

не позволял нам развести огонь (была суббота. – В. В.) и не давал посуды для варки пищи, покуда мы не позвали нашего конвойного офицера, который несколькими ударами кнута приучил его к порядку»²⁰.

Бывали и другие издевательства над еврейскими религиозными обычаями. Например, было замечено, что на дверном косяке каждого еврейского дома прикреплена записочка на еврейском языке. (Речь идет о *мезузе* – кусочке пергамента с написанными стихами из Второзакония). Некоторые французы стали утаскивать эти записочки и возвращать их только за водку. Такие факты вызвали у еврейского населения озлобление против пленных, хотя в воспоминаниях имеется и много примеров помощи погибающих в последний период кампании солдатам и офицерам Великой армии и спасения их.

Но тем не менее евреи радостно приветствовали возвращение русской армии. Тогда русские газеты писали: «При вступлении армии нашей в Белоруссию примечена была в евреях чрезвычайная всеобщая радость». Императора Александра всюду встречали еврейские делегации с хлебом-солью. Торжественные благодарственные богослужения состоялись в Бердичеве, Минске, Ковно, Люцине, Екатеринославе, Житомире и других городах. О преданности России еврейского населения сохранилось много свидетельств. Приведем только самое характерное – запись в дневнике

великого князя Николая Павловича, будущего императора Николая I, чье царствование оставило мрачный след в истории евреев Российской империи: «Удивительно, что они (евреи) в 1812 г. отменно верны нам были и даже помогали, где только могли, с опасностью жизни»²¹.

Еще более конкретно и проникновенно свидетельствовал о преданности евреев русскому делу знаменитый Денис Давыдов: «...все евреи, обитавшие в Польше (т. е., в данном случае, Белоруссии и Литве. – В. В.) были столь преданы нам, что во все время не хотели служить неприятелю в качестве лазутчиков и весьма часто сообщали нам важнейшие сведения о нем». Заняв Гродно, Давыдов издал следующее уникальное для того времени распоряжение: «Приказываю всем и во всем относиться к еврейскому кагалу. Зная преданность евреев к русским, я избираю кагального в начальники высшей полиции и возлагаю на него ответственность за всякого рода беспорядки, могущие возникнуть в городе <...> Дело кагального выбрать себе из евреев помощников <...> Кагальный должен помнить и гордиться властью, которою я облакаю его и евреев, и знать, что ревность его и усердие их будут известны высшему начальству»²².

Остается добавить, что тогда, после победы над Наполеоном, на это высшее начальство Российской империи возлагали самые светлые надежды не только евреи, но и все российское общество.

¹ Дубнов С. М. Новейшая история еврейского народа. Т. III. М.; Иерусалим, 2002. С. 266.

² Гессен Ю. История еврейского народа в России. М.; Иерусалим, 1993. С. 47.

³ Там же. С. 71.

⁴ Там же. С. 150.

⁵ Гинзбург С. М. Отечественная война 1812 г. и русские евреи. СПб., 1912. С. 56–57.

⁶ Там же. С. 59–61.

⁷ Там же. С. 51.

⁸ Давыдов Д. Дневник партизанских действий 1812 г. Л., 1985. С. 108–109.

⁹ Попов А. Н. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002. С. 278.

¹⁰ Гинзбург С. М. Указ. соч. С. 77.

¹¹ Там же. С. 78.

¹² Попов А. Н. Указ. соч. С. 304.

¹³ Там же. С. 279.

¹⁴ Прайсман Л. История евреев России. М., 2005. С. 118–119.

¹⁵ Гинзбург С. М. Указ. соч. С. 84.

¹⁶ Гессен Ю. Указ. соч. С. 177.

¹⁷ Гинзбург С. М. Указ. соч. С. 85–86.

¹⁸ Там же. С. 113.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 117.

²¹ Там же. С. 125.

²² Там же. С. 126.

Н. Н. Бенардос — создатель электрической дуговой сварки

И. Х. Кессиди

Некоторое время тому назад, в альбоме почтовых марок, которые я разбирал с детьми, я натолкнулся на марку, посвященную столетию (1881–1981) изобретения электродуговой сварки в России, автор которого – Николай Николаевич Бенардос. Мое внимание привлекла фамилия автора – Бенардос. Не родственник ли он одного из героев Отечественной войны 1812 года генерал-майора Пантелеймона Егоровича Бенардоса, грека по происхождению?

В свое время, изучая книгу «Военная галерея Зимнего дворца» (1981), я обнаружил среди более трехсот портретов генералов Отечественной войны 1812 года и портреты нескольких генералов греческого происхождения – Д. С. Дохтурова, Е. И. Властова (Властос), С. Х. Ставракова, Д. Д. Курута, А. П. Мелиссино, а также Пантелеймона Егоровича Бенардоса (1761–1839).

Изучая материалы о Н. Н. Бенардосе, обнаружил, что генерал-майор П. Е. Бенардос приходится ему дедом.

Из «Русского биографического словаря» (СПб., 1902) выяснилось, что Бенардос Пантелеймон Егорович, генерал-майор, грек по происхождению, родился в 1763 году в Морее (ныне полуостров Пелопоннес, Греция). Двенадцати лет от роду поступил в Греческую гимназию (позднее Корпус чужестранных единоверцев), которая открылась в Петербурге в 1775 году при артиллерийском корпусе, откуда в 1781 году был выпущен прапорщиком.

Образование петербургской Греческой гимназии было связано с планами Екатерины II создать новое Византийское государство со столицей в Константинополе, императором которого она намечала сделать своего внука Константина Павловича. Из обучавшихся в России мальчиков-греков предполагалось подготовить чиновников и офицеров нового государства. Проект не

Н. Н. Бенардос

осуществился, и всех их выпустили на русскую военную службу. Делая военную карьеру, П. Е. Бенардос в чине капитана в 1788 году участвовал в морском сражении с турками у Очакова, а в походах Суворова в 1790 году отличился при штурме и взятии Измаила.

С первых дней Отечественной войны 1812 года П. Е. Бенардос со

Герой Отечественной войны 1812 г.
Пантелеймон Егорович Бенардос

своим полком участвовал во многих сражениях, командовал пехотной бригадой в армии Тормасова. Особо отличился в сражении при Городечне. За свою боевую службу он получил много благодарностей и стал кавалером нескольких орденов Российской империи.

А теперь – о внуке, талантливом изобретателе Николае Николаевиче Бенардосе.

Электрическая дуговая сварка – выдающееся достижение прикладной электроники. Первым в мире электродуговую сварку осуществил Н. Н. Бенардос.

Николай Николаевич Бенардос родился 26 июля (7 августа) 1842 года в деревне Бенардосовка Херсонской губернии (ныне село Мостовое Николаевской области Украины) в семье военного. Его отец – полковник Николай Пантелеймонович, участник Крымской войны 1853–1856 годов. По материнской линии Екатерины Васильевны Свешниковой Николай Николаевич принадлежал к знаменитому роду Демидовых. Детство его прошло в имении родителей Новоукраинка Херсонской области. Был любознательным, проявлял большое влечение к разным ремеслам. Его любимыми занятиями были слесарное и кузнечное дело, целыми днями он пропадал в усадебных мастерских.

Но поступил учиться Николай в 1862 году по настоянию отца на медицинский факультет Киевского университета св. Владимира. Во время обучения на врача Бенардос сделал первое свое известное изобретение – зубную пломбу, которую он изготовил из серебра, а практически применил, избавив от зубной боли своего денщика.

Но в 1866 году Николай оставил медицину и перевелся в Москву в Петровскую земледельческую и лесную академию, где проучился три года, а затем, оставив учебу, целиком посвятил

себя изобретательской деятельности. В 1867 году Н. Бенардос побывал на Всемирной выставке в Париже, посетил Германию, Испанию, Великобританию. Вернувшись в Россию, в конце декабря по хозяйственным делам заехал в родовое поместье матери вблизи городка Лух Юрьевецкого уезда в Костромской губернии. Там он познакомился с Анной Алексеевной Лебедевой, дочерью хозяина Лухского постоянного двора, и в 1868 году женился на ней. Для семейной жизни Н. Бенардос выстроил усадьбу «Привольное». Здесь молодой изобретатель завел хорошо оборудованные слесарные, механические, деревообрабатывающие мастерские и кузницу. Он сконструировал, а затем соорудил собственными руками несколько оригинальных сельскохозяйственных орудий. Потом поставил изобретательство на поток, практически все свои средства расходуя на исследовательские работы и устройство жизни окрестных крестьян. Построил школу в усадьбе, где бесплатно учились крестьянские дети, оказывал медицинскую помощь жителям соседних деревень, организовал бесплатную аптеку.

В 1873 году Бенардос взялся за осуществление идеи постройки колесного парохода с поворотными лопастями, способного преодолевать речные перекаты, мель и обходить мельничные плотины и различные препятствия. Над этим проектом он работал более трех лет, и весной 1877 года пароход, названный в честь старшего сына – «Николай», был спущен на воду. Испытания прошли успешно, судно было доставлено в Петербург, но изобретателю не удалось получить поддержки чиновников и промышленников, и в конце концов пароход был продан на слом.

При постройке парохода требовалось производить сварку больших деталей. В то время существовала кузнечная сварка при высоком нагреве деталей в печи, а также клепка. Не имея больших печей, Н. Н. Бенардос пробовал греть кромки деталей вольтовой дугой, но при этом металл часто оплавлялся и соединял только небольшие участки. Упорный изобретатель решил идти до конца и в 1879 году, продав

значительную часть земли и заложив имение, переехал для продолжения опытов в Санкт-Петербург. Н. Н. Бенардос поступил на работу на электротехнический завод при товариществе «Яблочков-изобретатель и К^о». С Павлом Николаевичем Яблочковым – выдающимся русским изобретателем, автором всемирно известной электрической «дуговой свечи» – дуговой лампы, Н. Н. Бенардос познакомился еще в 1876 году. Их сотрудничество перешло в большую дружбу, что помогло Бенардосу в реализации многих его изобретений.

Весной 1881 года Н. Н. Бенардос поехал на открывшуюся в Париже Международную электрическую выставку. На выставке, работая над улучшением аккумуляторов для электрического освещения, он пришел к своему основному изобретению, принесшему ему мировую известность, – электросварке, названной им «Электрогефест» (Гефест – древнегреческий бог огня и кузнечного ремесла). Это изобретение получило золотую медаль и стало главным экспонатом Парижской международной электрической выставки.

Бенардос не смог сразу запатентовать своего «Электрогефеста». Лишь в 1884 году, продав усадьбу «Привольное», Бенардос смог подать заявку на получение патента на способ дуговой электросварки, доведя его до промышленного применения. В 1886 году Департамент торговли и мануфактуры выдал ему десяти-

летнюю привилегию за № 11 982. В описании к привилегии сущность изобретения излагалась так:

«Предмет изобретения составляет способ соединения и разъединения металлов действием электрического тока <...> основанный на непосредственном образовании вольтовой дуги между местом обработки металла, составляющим один электрод, и подводимой к этому месту рукояткой, содержащей другой электрод, и соединенной с соответственным полюсом электрического тока. С помощью этого способа могут быть выполнены следующие работы: соединение частей между собой, разъединение или разрезывание металлов на части, сверление и производство отверстий и полостей и наплавления слоями».

В течение двух лет Н. Н. Бенардос получил патенты на свое изобретение во Франции, Бельгии, Великобритании, Австро-Венгрии, Германии, Швеции, Испании, Италии, Норвегии, Дании, США, Швейцарии. Так как у него хватало денег только на патентование изобретения в России, патентование за рубежом финансировал купец С. А. Ольшанский, владелец доходных домов в Петербурге и Варшаве. С 1885 года способ дуговой электросварки получил распространение по всему миру, а имя Бенардоса стало широко известным в научных и технических кругах за границей.

Для осуществления электросварки Н. Бенардос создал угольные электроды самых разнообразных форм, а также комбинированные из

угля и металла. Ему принадлежит один из первых проектов ГЭС переменного тока на Неве (1892 г.).

В 1899 году Петербургский электротехнический институт присвоил трем знаменитым русским изобретателям звание почетных инженеров-электриков. Запись об этом в журнале заседаний ученого совета института гласит: «А. С. Попов, Н. Н. Бенардос и А. Н. Лодыгин заслуживают возведения в почетное звание инженеров-электриков, как выдающиеся русские изобретатели в области электротехники, первый по телеграфированию без проводов, второй по электрической сварке металлов и третий по устройству ламп накаливания».

В конце 1890-х годов состояние здоровья Николая Бенардоса сильно ухудшилось. Продолжительные работы с вредными веществами при изготовлении аккумуляторов привели к отравлению организма изобретателя, и по рекомендации врачей он переехал в г. Фастов, неподалеку от Киева. Там же он и скончался 8 (21) сентября 1905 года. Двое его сыновей получили инженерное образование и пошли работать по стопам отца электротехниками.

По силе и глубине изобретательского таланта, широте интересов, трудоспособности Бенардос занимает одно из ведущих мест среди изобретателей мира. Ему принадлежит около 200 оригинальных изобретений в различных областях техники, сельского хозяйства, транспорта, военного дела и т. д. Многие его идеи не потеряли своего значения и сейчас. Российский

Мемориальный музей Н. Н. Бенардоса в Фастове

патриот, все свои изобретения в военном деле он бесплатно предложил государству.

По решению ЮНЕСКО мировая научно-техническая общественность отметила в 1981 году столетие изобретения электрической дуговой сварки Н. Н. Бенардоса. Немного найдется изобретений, удостоенных столь высокой чести.

В Советском Союзе в 1981–1982 годах была осуществлена программа по увековечению памяти Николая Николаевича Бенардоса. Были выпущены юбилейные медали и почтовая марка, посвященная 100-летию изобретения электро-сварки в России, с портретом

Н. Н. Бенардоса (художник А. Калашников). Музеи Н. Н. Бенардоса открыты в поселке Лух, городах Фастове и Переяславе-Хмельницком. Памятники изобретателю сооружены в пос. Лух (скульптор А. А. Древнецкий, архитектор В. В. Костоглот) и в Фастове.

Помнят знаменитого земляка и в Ивановской области. В октябре 2006 года к 125-летию электрической дуговой сварки в Иванове был открыт бюст Н. Н. Бенардоса. В 2011 году, в связи со 130-летием изобретения, в Ивановском государственном энергетическом университете прошла международная научно-техническая конференция.

Литература:

1. Русский биографический словарь. Т. 2. СПб., 1902.
2. Патон Б. Е. Изобретение века // Наука и жизнь. 1981. № 10.
3. Константинова С. «Электрогест» Бенардоса // Изобретатель и рационализатор. 2006. № 7.

Александр Чачба и развитие русской национальной сценографии в начале XX века

Б. М. Аджинджал

Отец художника Константин Чачба (Шервашидзе)¹, прозванный на родине «Любимец народа», был младшим сыном Георгия Чачба — владельца Абхазского княжества, при котором Абхазия вошла (1810 г.) добровольно в состав Российской империи как автономия. Выпускник Пажеского корпуса Константин Георгиевич Чачба был арестован (1832 г.) за активное участие в дворянском заговоре, являвшемся выражением протеста против колониальной политики царизма на Кавказе. До конца своих дней (1883 г.) он находился под строгим секретным надзором, жил в стесненных материальных условиях.

В середине 1860-х годов К. Г. Чачба в чине майора подал в отставку, женился на дочери учителя-француза пианистке Наталии Матвеевне Данлуа и переехал в Крым, в Феодосию на постоянное местожительство, поскольку ему был запрещен въезд в Абхазию. В Феодосии в 1867 году родился будущий художник Александр Константинович Чачба.

Одно время юный Саша учился в Нижегородском кадетском корпусе, но военная карьера его не прельщала. За неуспеваемость и дерзкий характер он был исключен из 6-го класса кадетского корпуса. В конце 1880-х годов он окончил реальное училище в Киеве. Увлекаясь рисованием, поступил вольнослушателем в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где раскрылся его дар как живописца.

Русская реалистическая художественная школа, глубокое изучение европейской культуры во время поездок за границу, особенно многолетние занятия в Парижской академии, сформировали его как тонкого художника-профессионала. Созданные им живописные полотна, графические листы, многочисленные эскизы декораций, костюмов к

А. К. Чачба. Фото начала XX в.

театральным постановкам и художественные статьи о русском и французском изобразительном искусстве характеризуют его как выдающегося деятеля культуры XX века.

В 1906 году Александр Константинович Чачба был приглашен в Петербург для работы в Императорских театрах по совету главного художника А. Я. Головина². С тех пор А. К. Чачба навсегда связал свою жизнь с театром. Именно в нем полностью раскрылись его многогранный талант, его творческая индивидуальность.

Долгое время петербургский казенный театр испытывал большую зависимость от Запада. Декорации зачастую заказывали во Франции, Германии. Но в конце XIX века в Петербурге основали шесть специализированных художественно-декорационных мастерских, одну из которых возглавил А. К. Чачба. Первый официальный заказ дирекции Петербургских императорских театров он получил 18 декабря

1906 года — заказ на декорации к опере Ш. Гуно «Фауст». Работа продолжалась до середины 1908 года. Эскизы декораций к опере «Фауст» стали значительным достижением художника и пользовались большим успехом на выставках. Один из одесских критиков справедливо писал о «реформе декоративного искусства, которую произвели работы трех лучших декораторов нашего времени — К. Коровина, А. Головина и кн. Шервашидзе»³.

Важной вехой в творчестве А. Чачба стала опера Р. Вагнера «Тристан и Изольда», поставленная на сцене Мариинского театра В. Э. Мейерхольдом. Работа над оперой началась осенью 1908 года, шла очень напряженно и длилась более года. Генеральные репетиции спектакля вызывали жаркие споры. Чтобы внести ясность в свой план постановки, Мейерхольд выступил в театре с лекцией о принципах оперной режиссуры.

А. Чачба поддерживал режиссерские концепции Мейерхольда. «Обо всем, Вами высказанном, — писал он Мейерхольду, — лучше переговорить перед эскизами же — они уже сделаны. Многие в них изменено сообразно с Вашими указаниями <...> многое я ввел во время работы. Первая картина <...> должна быть ярко-красной, белой, на синем, синеющем, голубоватом фоне (чистый тон синего цвета невозможен при вечернем освещении). Вторая картина <...> зеленый и синий, серый; думаю, что она будет наподобие сказочной, — и по композиции, и по тону. Третья — серый, синевато-холодный свет, утреннее солнце или светлое утро»⁴.

После премьеры театральные критики отметили выдержанность колорита, но были недовольны тем, что спектакль решен в стиле XIII, а не XII века, когда была записана легенда, и не поддержали исполь-

зование в оформлении спектакля материала миниатюр XIII столетия. Упрек А. Н. Бенуа А. К. Чачба выразился в том, что тот «не изобразил Тристана вне всякой эпохи и стиля, руководствуясь лишь собственной фантазией»⁵.

Возражая Бенуа, критик А. А. Смирнов писал: «Мне не совсем понятно, как представить себе такую постановку “вне времени”»? Нет сомнения, символическая красота легенды о Тристане – вечная. Но разве эта вечная сторона страдает от костюма эпохи? Легенда бессмертной любви Тристана и Изольды воплотилась в французском Средневековье, в нем она родилась и с ним неразрывна»⁶. Другое замечание А. Н. Бенуа относилось к декорации II акта. «Кто-то сказал, что это идеальная декорация для “Макбета”, и это правда. Но что же общего между преступным, ибо мелким и не вдохновенным честолюбием узурпатора и всеощущающей божественной страстью Тристана? Эта декорация создана для “злых козней”. Фивандские скалы, корявые, осенние деревья, голые камни налезавших на зрителя башен, – все это говорит только о беде», – писал Бенуа. В ответ Мейерхольд заметил: «А разве не беда весь второй акт “Тристана”?»⁷.

Но большинство критиков приняли спектакль очень хорошо. «Декорации кн. Шервашидзе отлично помогают перенестись в XIII век, в духе которого задумана эта постановка, – отмечал один, – суровая несколько дикая красота их как нельзя более соответствует трагедии любви Тристана и Изольды. Может быть, даже слишком суровы, слишком серы, так что яркие квадраты на огромном парусе запоминаются как отрадные пятна <...> Костюмы (II акт) дают прекрасно найденную гамму красок»⁸.

Согласная работа режиссера и художника принесла обоим ощутимый успех прежде всего потому, что «Тристан», как выразился Н. Д. Волков, «был одним из самых первых спектаклей в России, где в основу всего сценического замысла был положен принцип музыки, где вся сценическая картина закономерно и пластично вырастала из требований партитуры»⁹.

Следующий спектакль – драма немецкого драматурга Эрнста Хард-

А. К. Чачба среди членов художественного объединения «Мир Искусства» в 1914 году.

Слева направо: А. К. Чачба, С. П. Яремич, А. И. Таманян, О. Е. Браз, В. В. Кузнецов, Б. И. Кустодиев, А. Т. Матвеев, В. В. Кузнецов, А. Ф. Гауш, Н. В. Милиоти, Е. Е. Лансере, Н. К. Рерих, М. В. Добужинский, И. И. Билибин, К. С. Петров-Водкин, М. И. Рабинович, Н. Е. Лансере, А. П. Остроумова-Лебедева

та «Шут Тантрис» (уже на Александринской сцене) – еще больше укрепил славу и режиссера, и художника. Вновь они вместе предварительно интенсивно работали над пьесой. Сам Мейерхольд делал наброски монтировки, планировки, составлял списки действующих лиц, на листках бумаги чертил схемы будущих сцен, советовался с А. К. Чачба, предлагал ему различные варианты оформления декораций¹⁰.

Премьера «Шута Тантриса» состоялась в Александринском театре 9 марта 1910 г. и была встречена восторженно. «Обозрение театров» сообщало: «Постановка в общем удалась г.г. Мейерхольду и кн. Шервашидзе. Последний дал великолепные декорации и костюмы»¹¹. Журнал «Аполлон» отмечал, что «как-то независимо от пьесы, в этих позах, взятых со статуй королей и святых, в декорациях Шервашидзе воскресла подлинная строгая легенда Средневековья»¹².

«В общем получилось нечто цельное и интересное, главным образом благодаря художнику кн. Шервашидзе, автору декорации костюмов, – писал Л. Ростиславов. – Ценнее всего то, что в них чувствуется не внешняя точность копирования увражей, не одно знакомство с древними миниатюрами, а очень цельное проникновение, как бы личное переживание образованного художника, непосредственно хорошо знакомого с целевшей ста-

риной, непосредственно воспринявшего в ней дух эпохи <...> Волеяневолей художник в этой постановке выдвигается на первый план... Перед нами еще лишнее свидетельство того, сколько строгости и красоты вносят настоящие художники в театральные постановки»¹³.

Мейерхольд и Чачба сотрудничали не более трех лет, но этот короткий срок оказался весьма плодотворным. Он стал временем творческих побед обоих.

«Тристан» и «Шут Тантрис» упрочили за А. К. Чачба репутацию вдумчивого, тонкого и проницательного театрального художника. «И, разумеется, не один талант и не одна случайность объяснение тому, что А. К. Шервашидзе так поразительно удалось, в смысле духа, декоративные постановки рыцарских “Тристана и Изольды” в Мариинском театре и “Шута Тантриса” в Александринском. Благородный дышит вольно только там, где благородное», – отмечал Н. Н. Евреинов¹⁴.

В сезон 1910–1911 годов в Александринском театре была поставлена «Трагедия о Гамлете, принце Датском» В. Шекспира (режиссер Ю. Озаровский) с декорациями и костюмами А. К. Чачба. Художник создал более ста эскизов к спектаклю. Трудился он, как всегда, самозабвенно. «Вся моя жизнь прошла в стороне от реальной жизни, потому что я много работал в театре и не знал другого воздуха и другого

Эскиз костюма Анучкина к комедии Н. В. Гоголя «Женитьба»

мира, как мир сцены и мир мастерской декорационного зала. Я думал лишь о том, чтобы лучше прошел спектакль и чтобы артистам было хорошо на сцене, и больше было им аплодисментов», – писал художник дочери 14 октября 1958 года.

Сценический костюм Александр Константинович считал существенным элементом театрального действия. Он должен соответствовать цветовому решению декорации. В целом костюм, по его убеждению, создает «музыку цвета», созвучную

Тамара Карсавина в костюме по эскизу А. К. Чачба (балет Р. Дриго «Талисман»). 1909 г.

музыкальному и драматическому замыслу. Эту особенность произведений художника постоянно отмечали многие его современники. М. А. Волошин писал о костюмах А. К. Чачба для «Тристана и Изольды»: «Это ценный исторический труд, выполненный при серьезном изучении древних миниатюр и иллюминации. Ценность его увеличивается еще тем, что кроме костюмов он дает еще ряд характерных поз и жестов, которые могут быть неоценимы при постановке хоров и массовых сцен»¹⁵.

Эскиз костюма Изольды к опере Р. Вагнера «Тристан и Изольда». 1909 г.

Те же принципы неизменно прослеживаются во всех работах А. К. Чачба. За 12 лет художник оформил более 50 спектаклей как в петербургских, так и в других театрах дореволюционной России. В их числе, кроме уже упомянутых, оперы «Миранда» (Н. Казанли) и «Чудо роз» (П. Шенк); балеты «Синяя борода» (Ж. Оффенбах), «Царь Кандавл» (Ц. Пуньи) и «Талисман» (Р. Дриго) в Мариинском театре; драматические спектакли «Завтрак у предводителя» (И. Тургенев), «Невеста» (Г. Чулков), «Тот, кто

Эскиз к костюму Софьи (комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума»)

получает пощечины» и «Профессор Сторицын» (Л. Андреев), «Жулик» (И. Потапенко), «Кукушкины слезы» (А. Толстой) в Александринском театре; «Горе от ума» (А. Грибоедов) в Харьковском драматическом театре и многие другие.

А. К. Чачба принял самое деятельное участие во втором театральном сезоне (1911–12) «Старинного театра», организованного Н. Н. Евреиновым и Н. В. Дризенем в 1907 году. Там Александр Константинович встретил друзей по «Миру искусства»: Н. К. Рериха, И. Я. Билибина, Е. Е. Лансере, В. А. Щуко, Н. К. Калмакова, которые тоже были приглашены в новый театр. Там же он познакомился с будущей (второй) своей женой Н. И. Бутковской, известной актрисой «Старинного театра».

А. К. Чачба оформил комедию Тирсо де Молины «Благочестивая Марта, или Влюбленная святоша» (режиссер К. М. Миклашевский, музыка И. А. Саца, хореограф В. И. Пресняков). Премьера «Благочестивой Марты» состоялась 25 ноября 1911 года. Положительно оценивая работу художника, Э. Старк писал: «По эскизу князя Шервашидзе был воспроизведен прелестный двор «венты» (постоялый двор) при удачной планировке сцены под прямым углом от зрителя, причем левую сторону угла составляет стена дома, а правую – высокий каменный забор; между этими забором и навесом первого

этажа сооружен на бочках помост; под навесом столики и за ними посетители таверны; несколько подалее музыканты; таким образом, показаны были не только представление, но смотрящая публика, которая вела себя соответствующим образом»¹⁶. Эффект «театра в театре» в этом спектакле подчеркивает и современный исследователь Р. И. Власова¹⁷.

А. Н. Бенуа поддерживал и подбадривал создателей театра: «Это редкое зрелище и в высшей степени почтенное предприятие, делающее честь его бесстрашным создателям. Хотелось бы, чтобы дело

это имело дальнейшую и долгую жизнь <...> С такими энтузиастами театра, как Евреинов, Бутковская, Миклашевский, Дризен, с такими художниками, как Рерих, Лансере, Билибин, Шервашидзе и Калмаков, можно создать нечто, не имеющее себе подобного, нечто, что станет русскому обществу поистине нужным и <...> питательным»¹⁸.

Художникам вообще в «Старинном театре» принадлежала главенствующая роль: они создавали стиль спектаклей, притом столь высокий, что публикой прежде всего были деятели театрального и изобразительного искусства¹⁹.

Хотя по истечении второго сезона театр прекратил существование, есть все основания утверждать, что «деятельность <...> в нем художников сыграла значительную роль в формировании творчества мастеров, группировавшихся вокруг «Мира искусств» – одного из самых значительных и устойчивых объединений того времени. «Старинный театр» стал в истории одним из первых коллективных предприятий, поднявших значение художника для сцены»²⁰.

И была в том немалая заслуга выдающегося абхазского художника А. К. Чачба.

¹ Шервашидзе – грузинская форма фамилии абхазских владельцев князей Чачба – в письменной традиции Грузии с позднего Средневековья. Художник подписывал свои произведения и как «Шервашидзе», и как «Чачба».

² Головин А. Я. Встречи и впечатления. Л.; М., 1960. С. 193.

³ Камышников Л. Одесский Салон // Аполлон. 1909. № 3. С. 19.

⁴ РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Д. 2615. Л. 1.

⁵ Бенуа А. Н. Художественные письма. Постановка «Тристана» // Речь. 1909. 5 ноября.

⁶ Смирнов А. А. Эпоха в постановке «Тристана и Изольды» // Еженедельник Императорских театров. 1909. Вып. V. С. 93.

⁷ Мейерхольд В. Э. Статьи, письма, речи, беседы. Т. I. С. 199.

⁸ Ауслендер С. Декорации «Тристана и Изольды» // Аполлон. 1909. № 3. С. 38.

⁹ Волков Н. Д. Мейерхольд. М.; Л. 1929. Т. 2. С. 77.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Д. 2615. Л. 3.

¹¹ Осипов И. Александровский театр // Обзорение театров. 1910. 12 марта. С. 7.

¹² «Шут Тантрис» Э. Хардта // Аполлон. 1910. № 6. С. 34.

¹³ Ростиславов Л. О постановке «Шута Тантриса» // Театр и искусство. 1910. № 12. С. 256.

¹⁴ Евреинов Н. Н. Оригинал о портретистах. М., 1922. С. 61.

¹⁵ Волошин М. А. Картины выставки. Салон // Новая Русь. 1909. № 35. С. 2.

¹⁶ Старк Э. (Зигфрид). Старинный театр. Пг., 1922. С. 50.

¹⁷ Власова Р. И. Русское театрально-декоративное искусство начала XX века. Л., 1984. С. 38.

¹⁸ Бенуа А. Н. Художественные письма. Старинный театр // Речь. 1911. 23 дек.

¹⁹ Петровская И., Сомина В. Театральный Петербург. СПб., 1994. С. 311–312.

²⁰ Власова Р. И. Указ. соч. С. 41.

Интернационализм в действии. Из анкет слушателей политехнических курсов Петроградского Пролеткульта 1918—1919 годов

И. А. Лапина

Мало кому известно, что в Петроградском Пролеткульте в 1918–1919 годах, в тяжелейшие годы Гражданской войны и разрухи, существовал отдел общесоциалистического образования (ООСО), который ставил перед собой те же цели, что и пролеткультовское движение в целом – развитие естественнонаучного мировоззрения и

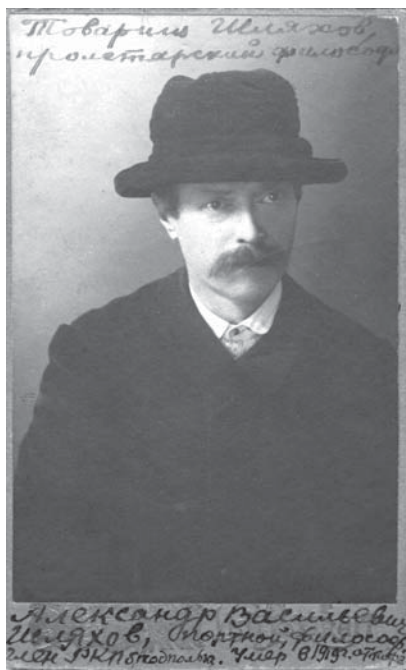
социалистического мироотношения. Его непосредственной задачей была организация Пролетарского университета, а первыми шагами в этом направлении – организация учебных заведений для рабочих, отвечающих принципам, проводимым научным отделом Всероссийского Совета Пролеткульта: соединение науки и практики, деятельностный

подход в обучении, сотрудничество преподавателей и учащихся.

В голодном и холодном Петрограде, где трудности войны были обострены до крайности, происходила кристаллизация новых принципов и организационных форм новой, «пролетарской» школы. Отделом социалистического образования при Петроградском Пролеткульте

была создана Студия мироведения, Первая пролетарская гимназия для взрослых и школа-мастерская, включавшая три отделения: электротехническое, дорожно-строительное и механическое. В пояснительной записке к смете на оборудование общеобразовательного и электромеханического отделения школы-мастерской было записано: «Сочетать науку и труд, построить гармоническую культуру на основе трудового опыта и показать великое трудовое и практическое содержание т.н. “чистой науки” – вот основное стремление, связывающее в единое здание все школы и студии Пролеткульта. Та научная армия, которая способна будет проводить в жизнь эти основные идеи, должна пройти суровую школу труда, но не автоматического труда, сводящего человека на роль придаточного механизма, а труда сознательного и творческого <...> Наша задача создать на этой, отчасти уже испытанной основе настоящую систематическую школу. Одним из звеньев таковой является создаваемая школа-мастерская электротехнического типа. Бесспорно, электротехника является очень удобной областью для введения слушателей в круг теснейших связей, существующих между наукой и трудом. Задачей школы является создание гармонического специалиста, в совершенстве владеющего техникой своего дела, мастера высшей школы – с одной стороны. И человека, в совершенстве уяснившего связь своей специальности с общими культурными завоеваниями современной науки, – с другой. Такой специалист перестает быть автоматом, исполняющим работу на определенных станках и установках, но является творческим организующим центром, инструктором для своих товарищей по работе <...> Только осознание, что труд – умение, является существенной частью общего образования, что без умения всякое знание носит несовершенный и кажущийся характер, может привести к целесообразному синтезу труда и науки, к сообщению твердых основ знаний слушателям».

Открывая в январе 1919 года электромеханическое отделение школы-мастерской, ООСО выпустил обращение «Всем рабочим организациям», призывая рабочих поступать в такое учебное заведе-

А. В. Шляхов – ответственный организатор отдела социалистического образования Петроградского Пролеткульта.
Фото 1905 г. ГМППИ

ние, «где бы учащиеся – рабочие с фабрик и заводов – наряду с пополнением специальных практических знаний и умений, которые должны стать основой их умственного развития, получали бы теоретическое обоснование их практических умений, научились бы познавать сущность материала и целесообразность его обработки, и вообще получали бы хорошее общее образование в новых формах и на новой основе». В школу принимались рабочие, командированные профсоюзами и Советами депутатов. Обучение было бесплатным, заявления принимались во Дворце Пролеткульта по адресу Екатерининская ул. (ныне – Малая Садовая), 2 (Дворец Пролеткульта). Кроме нескольких помещений в здании Благородного собрания, Отдел общесоциалистического образования располагал аудиториями и лабораториями в бывшем Пажеском корпусе (Воронцовском дворце). Желательным условием была возможность работать на своем предприятии по сокращенному рабочему графику. Но анкеты учащихся школы-мастерской говорят о том, что главным ее контингентом в условиях экономического кризиса стала безработная молодежь и красноармейцы.

Эти анкеты являются интереснейшим человеческим документом. За ними – человеческие судьбы. Вопросы анкеты были разработаны ЦК Всероссийского Совета Пролеткульта для всех пролетарских университетов: это был исследовательский инструментарий Научного отдела Пролеткульта. Первые заполненные анкетные листы на бланках Пролетарского университета им. К. Маркса относятся к октябрю 1918 года. Кроме прочих, в них содержался вопрос о национальности учащихся. Ответы на этот вопрос и списки фамилий учащихся свидетельствуют об интернациональном составе образовательных учреждений Пролеткульта в Петрограде и представленных там этнических группах: русские, евреи, эстонцы, поляки, латыши, литовцы, белорусы, грузины и др. В списках принятых на электромеханическое отделение школы-мастерской значилось 75 человек. По другим сведениям, в 1919 году там числилось 98 человек, на дорожно-строительном отделении – 38, на механическом – 29, в Трудовой рабочей гимназии для взрослых – 84 человека.

Определить точное процентное соотношение этнических групп сложно, так как в графе «национальность» часто указывалось вероисповедание – «православный», «магометанин» или «иудей», а за фамилиями и именами, звучащими как польские или белорусские, стояли люди, обладавшие как минимум двойной идентичностью. Кроме того, любой критерий определения этнической принадлежности может показаться некорректным, учитывая, что многие из этих людей стояли на позициях пролетарского интернационализма. И все же, на основании антропологии, этнического и/или конфессионального самоопределения анкетированных, можно установить приблизительное количественное соотношение представителей разных этнических меньшинств: 12–16% – евреи, около 2% – эстонцы, примерно по 1,5% – латыши, белорусы, литовцы, по 1% – мусульмане и грузины, около 0,5% – финны, был даже один француз. Встречаются фамилии русских немцев. Преобладающей группой были учащиеся с русскими именами и фамилиями.

Анкеты позволяют провести и качественный анализ состава учащихся, показывая их возраст, социальный и профессиональный статус, политические предпочтения, образовательный уровень и мотивы учебы. С учетом того, что новая форма образования предлагалась взрослым, возрастные рамки не удивляют. Самым младшим было 14–18 лет, самым старшим – 37–41.

Среди стремившихся изучать дорожное или электротехническое дело – Герц Миронович Алянский, «17 лет, иудейского происхождения», работал на «афтамабилном заводе»; Сергей Николаевич Рудазе, «17 лет, грузин – почтовый служащий»; Моисей Аронович Ковнатч, 18 лет, «иудейского происхождения, родился в Иркутске, был парикмахером»; Шефтель Юдович Пайкин, 17 лет, «иудейского происхождения», работал в «Абухавском заводе», потом в г. Режице в мануфактурном магазине, где вступил в Союз торгово-промышленных служащих; Рудольф Готфридович Абель, «14 лет. Естонец. При родителях»; Сергей Кириллович Авдеев, «17 лет. Православный, русский. Линейный корабль «Гангут»; Петр Дмитриевич Ульянов,

18 лет, русский, работал контролером Центрального контрольно-учетного отдела СНХ и др. Самые взрослые – Иван Алексеевич Лизинский, 41 год, латыш, работавший чертежником на Обуховском заводе; Наум Осипович Трейвас, 37 лет, «еврей, безработный бухгалтер, служил в г. Вильна в еврейском кооперативе по оказанию помощи пострадавшим от войны»; Эдуард Васильевич Кибувиц, 37 лет, эстонец, работал в Петроградском военном порту, а также слесарем-механиком по швейным машинам.

Иногда приходили семьями. Например, в анкетах, поданных в декабре 1918 года в электротехническую мастерскую, – три брата: Борис Вениаминович Блоштейн, 28 лет, «еврей, вернулся из плена, безработный 2 месяца»; Давид Вениаминович Блоштейн, 38 лет, «еврей, монтер у Дашкова; Венямин Веняминонович Блоштейн, «20 лет, деревообделочник и монтер, Союз деревообделочников, без работы 1,5 месяца». Или еще два брата: Казимир Иосифович Волянин, «24 года, поляк, механик на оптическом и механическом заводе, состоял в профсоюзе металлистов» и Станислав Иосифович Волянин,

«римско-католическое вероисповедание, работал на заводе». Технические специальности готовы были осваивать и женщины, но их, конечно, было мало, например: Рахиль Исаковна Храпковская – 24 года, «еврейка, член профсоюза служащих в аптеках»; Эмилия Петровна Корсак – «27 лет, латышка, конторщица».

Профессиональный состав учащихся, если учесть классовые приоритеты программы пролетарской культуры, достаточно интересен. «Станочными» профессиями владели в основном русские. Владимир Захарович Андреев – 39 лет, православный, слесарь-механик, Патронный завод; Прокофий Прокофьевич Артемьев – 37 лет, «русский, до военной службы крестьянствовал в Витебской губернии, работал в качестве слесаря в Военно-санитарном дезинфекционном отряде Петроградского военного округа, член Союза младших служащих санитарного дела»; Федор Николаевич Афанасьев – 45 лет, «на Путиловском заводе машинист на электротехническом кране». Среди них – и обрусевшие немцы, например, Александр Фердинандович Шетлер, «31 год, Комиссар городского хозяй-

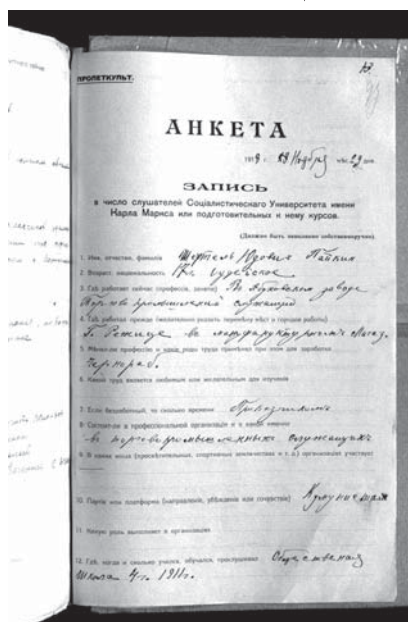

Вторая Петроградская конференция культурно-просветительных организаций. Июнь 1918 г. Фото из ГМПГИР

ства, заведующий конфискованными домами. Работал машинистом, токарем, токарем-механиком и проч. преимущественно в заводах. Союз муниципальных и городских рабочих и служащих». Такие люди, обладающие производственным и организаторским опытом, были чрезвычайно полезны, на них в школе-мастерской возлагали организаторскую работу и работу мастеров-инструкторов.

Традиционной сферой занятости евреев были типографское дело, аптеки, деревообделочная промышленность, торговые кооперативы, парикмахерские, всевозможные конторы. Например: Абрам Львович Кур, «29 лет иудейского исповедания, наборщик 4-й Государственной типографии в Петрограде, Союз рабочих типографского дела»; Абрам Мануилов Рабинович, «19 лет, иудейская. В союзе печатников, военная типография Главного штаба»; Григорий Леонидович Израилев, «22 года, еврей. Электромонтер. Безработный. Работал в Центральном Бюро по организации празднования годовщины Октябрьской революции, иллюминационный отдел. Образования не имею» и др. Были, конечно, исключения, как среди евреев, так и среди русских: например, Иосиф Ильич Цыван, 29 лет, работал слесарем в Главных мастерских Северо-Западной железной дороги. Он был членом Союза металлистов и Союза социалистической молодежи, поддерживал платформу советской власти. Желательным для изучения считал железнодорожный труд; Семен Иванович Калинин, 31 год, православный, служил конторщиком в Городском ломбарде, состоял в Союзе конторщиков, член партии большевиков.

Эстонцы, латыши, литовцы, поляки, а также грузины чаще были заняты в транспортной сфере, работали связистами и санитарами: Александр Адамович Гинтовт, «28 лет, литовец, служил на Почтамте, а до эвакуации из Лифляндской губернии – в том же ведомстве, состоял в Союзе почтово-телеграфских служащих, закончил Виленское городское училище»; Вильям Вильямович Нирстен, «1894 г. рождения, эстонец. Красноармеец. Прожесторная команда Петроградского артвзвода; Станислав Викентьевич Климас, 20 лет, лито-

Анкета слушателя
Социалистического университета.
1918 г.

вец, служил в приемном покое при Контрольной научно-технической лаборатории в качестве санитара, а также на монетном дворе, состоял в профсоюзе советских учреждений; Сергей Иванович Гудушаури, «18 лет, грузин. Петроградский почтамт, почтово-телеграфский служащий. Всероссийский почтово-телеграфский союз. Член Клуба рабоче-крестьянской социалистической молодежи. Секретарь Домового Комитета Бедноты. Петроградское Выборгское начальное училище». Мусульмане чаще работали дворниками и черноработчиками: Хасайн Хасанов Байбазаров, «магометанин – Екатерининский канал, 37, дворник, состою в союзе служащих городского хозяйства»; Сафс Саберович Саберов, «18 лет, магометанин, Северо-Западная железная дорога, подручный слесаря».

Жизненные обстоятельства заставляли менять профессию: Григорий Яковлевич Эпштейн, «26 лет, православный. Николаевская железная дорога, сцепщик. Работал в Керчи в портовом управлении. Менял работу – работал столяром. Состою в профсоюзе младших служащих».

Свое место в жизни и пролетарской культуре искали беженцы, раненые и вернувшиеся из плена: Леонард Болеславович Григорцевич, «30 лет, белорус. Варшавский Коммерческий банк, конторщик.

Знаком с лесоводством. Союз больных и раненых воинов. Закончил городское училище в Новогрудке, знаком с курсом в объеме 6 классов гимназии. Любимое искусство – музыка. Интересуют естественные науки»; Виктор Викентьевич Дзергач, «30 лет, делопроизводитель товарищеского суда участка охраны Николаевской железной дороги. Служил волостным писарем в г. Дриссен Витебской губернии»; Иосиф Иосифович Багрин-Каминский, «27 лет, поляк военнопленный»; Василий Яковлевич Былинский, «30 лет, белорус. Красноармеец Петроградского Авто-броневой коммунистического отряда. Работал в г. Вележе Витебской губернии, служил в Петроградском Университете».

Двуязычие давало определенные преимущества. Некоторые, кроме родного и русского, знали и другие языки: Эмиль Эрикович Ханнонен указывал: «19 лет, финляндский гражданин. Путиловский завод, электромонтер. Состою в союзе металлистов. Сочувствую коммунистам. Образование: Валивское училище, 5 классов. Знаю шведский, финский, русский»; Иосиф Войцехович Водняк, «16 лет. Контора «Артур Копплъ», конторщик. Союз металлистов. 4-классное училище – 2 класса. Языки: немецкий, польский». Двойная идентичность облегчала переход на интернационалистские позиции. Есть анкеты, прямо свидетельствующие о внутреннем конфликте: Илья Борисович Кучеров, «26 лет, иудейская (зачеркнуто. – И. А.). При отделе всеобщего обучения губернской инспекции. Инструктор-организатор (конторщик). Завод Арсенал. В союзе металлистов. Чернорабочий. В партии сочувствующих коммунистам. 4 класса городского училища. Из русской литературы знаю Толстого, Горького, Тоголя, Тургенева. Хочу изучать устройство машин (авто)».

Образовательный уровень большинства слушателей ограничивался народным, или городским четырехлетним училищем. Иногда участники могли очертить круг своих знаний: математические знания включали четыре действия арифметики, в лучшем случае – простые дроби, упоминалась русская история и география, классики

русской литературы. Было несколько студентов, желавших освоить ставшую престижной и дающую заработок рабочую профессию: Илья Яковлевич Щербаков, «1897 г. рождения, русский. Красноармеец. Союз Коммунистической молодежи. Слушатель Военно-инженерного техникума»; Николай Рувимович Демич, «19 лет, студент-технолог, работал в Петроградских мастерских Северо-западной железной дороги, чертежником на заводе старый Лесснер, хочу освоить труд шофера-механика».

В анкетах имелись также вопросы о том, какие виды искусства являются любимыми, занимаются ли слушатели какими-либо из них. Это было принципиально важным моментом для программы Пролеткульта, исходившего из убеждения в необходимости развития не только рациональной, но и эмоциональной сферы личности. Вот как выглядел полный ответ Алексея Александровича Баранова – одного из первых учащихся, подавшего заявление 31 августа 1918 года и, вероятно, уже обучавшегося в какой-то из творческих студий Пролеткульта и в студии мироведения: «22 года, белорус (Смоленская губерния). Работал на заводе в качестве подручного токаря в Петрограде. Работал при Дворце Пролетарской Культуры. Служу в Красной Армии. Учился в начальном городском училище – с 1905

Интернационал несет смерть войне.
Плакаты на здании
Городской думы. Петроград, 1919 г.

по 1908 год, потом слушал курсы у Лутугина в «Маяке» и отчасти – на частных лекциях. Изучал русский язык, арифметику, Закон Божий (отрицаю), русскую географию, естествознание, элементарные понятия алгебры и геометрии. Историю – немного русскую. Социальные знания – пожалуй, что – никаких. Что читал: Толстого, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Кольцова, Крылова, Немировича-Данченко, Салтыкова-Щедрина, Жюль Вер-

на, Луи Буссенара, Шоколио, Г. Уэллса и т. п. Желательно изучение технических ремесел и производства. Интересуют естественные и физико-математические науки, а также сельское хозяйство. Любимые искусства – рисование, живопись, музыка, поэзия. Делал опыты по живописи и поэзии, занимался музыкой, но сейчас по причине нахождения в армии не имею времени. Желая заняться сельским хозяйством и приложить возможно больше знаний к земле».

Важно отметить мотивировку потенциальных студентов Пролетарского университета: с приобретением естественнонаучных, математических и технических знаний они связывали свое профессиональное будущее. На вопрос о том, кем они хотят стать в жизни, давали вполне достойные ответы: «приложить возможно больше знаний к земле», «освоить труд инженера-механика», «быть дорожным техником», «быть электротехником», «освоить профессию водителя-механика», «стать инженером путей сообщения», «стать врачом», «как был рабочим, так и желаю им остаться», «приносить пользу своими знаниями трудовому народу». Эти пути становились равнозначными для всех и казались вполне реальными. Но шла война, в Петрограде непрерывно проводились мобилизации, и город готовился к «разгрузке»...

Литература:

1. Анкеты учащихся Социалистического университета им. Карла Маркса, или подготовительных к нему курсов // ЦГАЛИ СПб. Ф. 255. Оп. 1. Д. 6. Л. 33–160.
2. Анкеты учащихся школы-мастерской ООСО Петроградского Пролеткульта // ЦГАЛИ СПб. Ф. 255. Оп. 1. Д. 9. Л. 27–206.
3. Богданов А. А. Пролетарский университет // Пролетарская культура. 1918. № 5. С. 9–22.
4. Лапина И. А. Пролеткульт и проект «социализации науки» // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 2. С. 43–47.
5. Обращение ЦБ Петроградского Пролеткульта «Всем рабочим организациям» // ЦГАЛИ СПб. Ф. 255. Оп. 1. Д. 6. Л. 23.
6. Объяснительная записка к смете на оборудование общеобразовательной школы-мастерской Петроградского Пролеткульта // ЦГАЛИ СПб. Ф. 255. Оп. 1. Д. 6. Л. 27–28.
7. Отчет о деятельности студии мироведения с октября 1918 по март 1919 гг. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 255. Оп. 1. Д. 6. Л. 13–21 об.
8. Списки учащихся электротехнического, механического отделений, дорожно-строительного отделений и Трудовой рабочей гимназии при Отделе общесоциалистического образования Петроградского Пролеткульта (В отдел организации питания учащихся) // ЦГАЛИ СПб. Ф. 255. Оп. 1. Д. 6. Л. 163–166). Л. 164.
9. Смит М. Н. Пролетаризация науки // Пролетарская культура. 1919. № 11–12. С. 27–32.

Петроградский комиссариат по делам национальностей: дела и люди (1918—1923 гг.)

Н. М. Романова

Россия в начале XX столетия являлась одним из самых многонациональных государств мира, на территории которого проживало 189 народов (по переписи 1913 года). Национальный вопрос в стране всегда стоял чрезвычайно остро, поскольку сущность его заключалась, с одной стороны, в коренном различии социально-экономического и культурного положения этносов и этнических групп, проживающих на обширной территории, а с другой – обуславливалась русификаторской политикой царского правительства – политикой национального неравенства, извечным принципом которой было «разделяй и властвуй». Управлять населением с национально-самобытной культурой, разными вероисповеданиями, обычаями и традициями, историческими судьбами было непросто. Деятельность административной системы включала разветвленную сеть государственных учреждений, в компетенции которых были вопросы регулирования национальных проблем. Для этих целей было разработано специальное законодательство «Свод законов об управлении инородцами» в нескольких томах, в каждом из которых были собраны законодательные акты, учитывающие особенности культуры и быта нерусских народов отдельных территорий и губерний, статьями которого руководствовались правительственные чиновники. К концу XIX века сложилась целая система государственных учреждений по надзору за инородцами с центром в Министерстве внутренних дел, в котором существовали управления и отделы, контролирующие ситуацию в губерниях и по отдельным направлениям. Учреждались специальные советы и должности для представителей национальной знати и духовных лидеров, которые выступали

в роли советников по управлению своими народами правительством (например, при киевском губернаторе была введена должность «ученого еврея»). В полицейских структурах повсеместно были организованы отделы по надзору за инородческой печатью и т. д.

С другой стороны, «национальная карта» всегда разыгрывалась лидерами освободительного движения и политическими партиями. Еще в дореволюционный период национальным проблемам уделялось большое внимание в программных документах большевистской партии. Как отмечал В. И. Ленин, «национальный вопрос в России стоит по важности на втором месте после аграрного¹. Закономерно, что после Октябрьской социалистической революции в составе первого советского правительства – Совета народных комиссаров – был образован Народный Комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) – государственный орган, которому в истории России не было аналога. Главой Наркомнаца был назначен И. В. Сталин.

Задачей комиссариата были разработка и проведение в жизнь мероприятий, призванных обеспечивать мирное строительство и братское сотрудничество трудовых масс «всех национальностей и племен РСФСР»; материальное и духовное развитие национальностей, удовлетворение культурно-просветительных задач с учетом особенностей их быта, культуры и экономического состояния; изучение и сбор материалов о жизни народов и информирование как государственных органов о нуждах данной национальности и путях их удовлетворения, так и национальностей о всех мероприятиях советской власти; защита прав национальных меньшинств и представление ин-

тересов народов в высших органах Советского государства².

Народный комиссариат по делам национальностей был создан в Петрограде и, соответственно, распространял свои полномочия на город и губернию. После переезда советского правительства в Москву в марте 1918 года возникла необходимость в образовании территориального органа власти по национальным делам – Петроградского комиссариата по национальным делам (Комнаца).

Петроградский комиссариат по делам национальностей был утвержден 27 апреля 1918 года на заседании СНК Петроградской Трудовой коммуны, комиссаром был назначен Я. Я. Анвельт (Ээсааре Ааду). В конце апреля 1918 года был образован Союз Коммун Северной области (СКСО), в состав которого вошли Петроградская, Новгородская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская и Псковская губернии. Соответственно, Петроградский комиссариат по делам национальностей в мае был преобразован в Комнац СКСО.

Создание Петроградского комиссариата по делам национальностей было обусловлено многими причинами, и в первую очередь – многонациональным составом населения города и губернии. В Петербурге всегда преобладало русское население (более 80%), и со дня своего основания он был одним из центров русской культуры. Но одновременно в городе проживали представители нескольких десятков других национальностей, образуя этнополикультурный конгломерат. В начале XX века русские составляли 83,3%, жителей Петербурга, поляки – 3,4%, белорусы – 0,5%, украинцы – 0,2%. Евреев было 1,8%, эстонцев – 1,2%, латышей – 1,0%, финнов – 0,9%, литовцев – 0,6%,

Второй съезд Советов Северной области, Президиум съезда.

Нижний ряд, слева направо: Урицкий М. С., Троцкий Л. Д., Свердлов Я. М., Зиновьев Г. Е., Лашевич М. М. Верхний ряд, слева направо: Харитонов (М. М.), Лисовский М. И., Корсаков, Зарин С. С., Восков С. П., Гусев С. И., Равич С. Н., Бакаев И. П., Кузьмин Н. Н. (ЦГАКФФД СПб)

татар – 1,4% и др.³ Более половины населения Петрограда являлось русскоязычным. Этническая ситуация в уездах Петроградской губернии также характеризовалась этнической пестротой.

«Положение о Комнаце» было утверждено ЦИК СКСО 15 июля 1918 года, хотя практическая работа началась раньше⁴. В § 1 «Положения» указывалось, что комиссариат «имеет целью удовлетворять нужды политического, правового, культурного и бытового характера национальных меньшинств в пределах Северной области», среди которых были перечислены наиболее крупные (эстонцы, поляки, латыши, армяне, грузины, татары, евреи, финны, белорусы, украинцы, литовцы), большинство из которых определили название отдельных национальных комиссариатов (с 1920 года – отделы).

При формировании структуры комиссариата вначале было образовано семь национальных комиссариатов: польский, литовский, латышский, эстонский, белорусский, финский и еврейский, летом – мусульманский, а осенью – украинский и армянский. Некоторые отделы, например, карельский (октябрь 1920 – 15 ноября 1921 года), галицкий, мордовский, существовали не продолжительное время, а грузинский так и не был создан. Интересы коренного населения представлял

финский отдел, а немцы и коми имели своих представителей в Комнаце. Количество отделов не было постоянным, что обуславливалось изменением административных единиц Союза Коммун Северной области, военными мобилизациями, сокращением государственного аппарата, уменьшением финансирования и т. п.

В 1919 году к перечисленным комиссариатам добавились еще два национальных – украинский и армянский, а также три общих отдела, все это – при резком сокращении числа служащих Комнаца (со 152 до 68 человек). Два последующих года количество национальных отделов колебалось от шести до восьми, в 1922 году остались финский, эстонский, латышский, татарский, еврейский и польский, а в 1923 году был достигнут минимум – всего два отдела (финский и эстонский). Численность служащих также снижалась: 1921 год – 47 человек, 1923 год – 10 человек⁵.

Каждый национальный комиссариат состоял из отделов: общего делопроизводства; политико-правового; агитации, печати и издательства; культурно-просветительного. В центральном аппарате были созданы отделы (позднее преобразованы в подотделы): общий, финансовый, статистический, хозяйственный, печати; работал юрист. Функции

культурно-просветительных подотдел постепенно перешли к Народному комиссариату просвещения (Наркомпросу).

Наиболее стабильным было существование политико-правового подотдела, который должен был обеспечить правильную постановку дела среди отдельных национальностей, главным образом, с точки зрения соблюдения их национальных и бытовых особенностей, общественной, «революционной и международной жизни». Отделу вменялись в обязанность оказание юридической помощи, выдача различных документов, переводы с национального языка на русский (и наоборот) и т. п.

Одним из основных направлений работы отдела в первые два года было оказание помощи беженцам и военнопленным в их реэвакуации или оптации гражданства. Сотрудники выдавали удостоверения личности, справки о местонахождении родственников, организовывали общежития для военнопленных, оказывали материальную помощь и устройство на лечение. Специальные уполномоченные обследовали условия лагерей беженцев и военнопленных в Пскове, Ямбурге, Орше, Себеже и других пунктах, оказывали им помощь в отправке на родину, но при этом следили, чтобы эта помощь в первую очередь предназначалась пролетарским элементам и коммунистам. О громадном объеме работы комиссариата в этом направлении свидетельствуют цифры. Так, за неполный 1918 год было зарегистрировано 57 434 беженца, выдано 7348 удостоверений личности и 690 требований на получение одежды, отправлено на родину 30 033 человека (13 эшелонов только до 10 октября). Особенно интенсивная работа с беженцами велась в украинском и белорусском отделах, которые ежемесячно отправляли 1–2 эшелона⁶.

Подотделы агитации и печати национальных комиссариатов имели «целью вести агитацию среди широких народных масс для правильного освещения национальных вопросов с помощью лекций, митингов, систематических курсов пропагандистов и агитаторов; изданием газет и журналов на родном языке»⁷.

В компетенцию культурно-просветительного отдела входили

административное руководство национальными учебными заведениями, различными культурно-просветительными учреждениями, общий надзор за соблюдением декретов советской власти, выработка программ национальных школ (совместно с национальными секциями Губернского отдела народного образования (Губоно), открытие новых школ, организация учительских съездов, издание учебной литературы, контроль за деятельностью добровольных общественных культурно-просветительных объединений. Постепенное разделение функций между Наркомнацем и Наркомпросом привело к тому, что национальные комиссариаты чаще стали решать вопросы организационного и материально-финансового характера, не упуская при этом из виду идеологический фактор, а функции «управления культурно-просветительными учреждениями и учебно-воспитательными заведениями национальных меньшинств, инициатива открытия их и контроль над ними в деле осуществления начал просвещения среди национальных меньшинств на местах» по соглашению между комиссариатами от 31 октября 1918 года перешли к Наркомпросу⁸. Но Комнац продолжал активно участвовать в культурно-образовательной деятельности местных органов власти. Работа особенно активизировалась после выхода постановления Совнаркома об усилении деятельности Наркомнаца в области культуры и народного образования 30 октября 1920 года⁹.

Национальные комиссариаты инициировали открытие детских учреждений. На 1920 год в Петрограде насчитывалось 17 детских домов национальных меньшинств (1944 ребенка), преимущественно латышских (пять учреждений, 579 детей) и польских (пять и 849), а также 11 детских садов (546 детей)¹⁰.

Важным направлением работы Комнаца была ликвидация неграмотности. И если взрослое население города отличалось относительно высоким уровнем грамотности – 77,5%¹¹ по сравнению с другими регионами страны, то положение в области просвещения детей, русских и национальных меньшинств, требовало серьезных усилий со стороны властей. Це-

ленаправленно работа началась с организацией Совета по просвещению национальностей нерусского языка при Коллегии Наркомпроса (Совнацмен) в конце 1918 года, в котором действовали 14 национальных бюро.

Постановка дела просвещения национальных меньшинств в Петрограде облегчалась тем, что еще до революции здесь существовали школы для немцев, евреев, финнов, эстонцев, поляков, при храмах работали приходские школы. На 1920 год в Петрограде насчитывалось 29 советских национальных школ I и II ступеней с количеством учащихся 3806 человек. В губернии по численности учащихся лидировали финны (234 школы с 8397 учащимися)¹².

В школах национальных меньшинств предписывалось обязательное изучение языка большинства населения данной области, то есть русского, «с целью культурного сближения и развития классовой солидарности трудящихся разных национальностей», на основании постановления Наркомпроса «О школах национальных меньшинств» за № 238 от 31 октября 1918 года¹³. Цель просвещения диктовалась классовыми задачами.

Агитационно-пропагандистская работа велась разными способами. Если в начальный период преобладала устная агитация и пропаганда, организация митингов, зрелищных мероприятий, то с налаживанием издательской базы в просветительную работу включилась и печать. Все сотрудники аппарата имели звание «лектор», «агитатор» и постоянно курсировали по территории всей Северной области с просветительными лекциями, беседами, в которых стремились соотнести темы выступлений с особенностями национального и социального состава слушателей, среди которых были колонисты (жители сельскохозяйственных колоний), беженцы, военнопленные.

По примеру Наркомнаца, издававшего журнал «Жизнь национальностей», в 1919 году Комнац выпустил первый номер «Известий Петербургского комиссариата по делам национальностей». Всего вышло два номера журнала, в которых была помещена информация о деятельности всех национальных отделов, правительственные доку-

менты Советских республик, статьи по национальному вопросу сотрудников аппарата, статистические и информационные материалы.

Более регулярно выходили газеты и журналы национальных комиссариатов, часть из них – параллельно на родном и русском языках. Наиболее преуспел в этом Белорусский комиссариат, в котором работали Е. С. Канчер, А. Т. Вазилло, П. И. Каравайчик, Д. Ф. Жилумович, Б. А. Тарашкевич и др. Все они являлись не только талантливыми организаторами издательского дела, но и авторами научной-публицистических работ по истории и культуре Белоруссии. Белорусский комиссариат издавал журналы «Чырвоны шлях» на русском и белорусском языках (вышло 10 номеров с июля по декабрь 1918 года) и «Белорусская криница» на русском языке (вышло два сдвоенных номера – в ноябре 1918 года и январе 1919 года), газету «Дзянница» (вышло пять номеров в 1918 году). Польский комиссариат выпускал двухнедельный журнал «Справа Роботнича» (№ 1 вышел 6 декабря 1918 года) и «Бюллетень Комиссариата». Тираж изданий колебался от 2 до 10 тысяч экземпляров. Журналы и газеты бесплатно распространялись на заводах и учреждениях Петрограда и в близлежащих губерниях, регулярно отсылались в Москву и Белоруссию.

Помимо периодики, комиссариаты наладили издание брошюр на национальных языках, тематика которых была разнообразной (от политических до методических рекомендаций по растениеводству и животноводству). За 1918–1920-е годы было выпущено 565 изданий на национальных языках¹⁴.

Национальные отделы стремились привлечь трудящихся на сторону советской власти и через рабочие клубы, библиотеки, читывая естественное стремление к познанию собственной истории, культуры, искусства. В 1918 году в Петрограде насчитывалось 10 национальных клубов, а к 1923 году они работали уже во всех уездах¹⁵. Клубы, библиотеки, избы-читальни, как правило, располагались в районах и населенных пунктах с наибольшей концентрацией населения данной национальности. При клубах обычно работали несколько кружков

разной направленности (драматический, музыкальный, женского рукоделия, спортивный), стремящихся привлечь в свои члены людей с разными интересами, но при этом обязательными были политические кружки. Комплектовалась библиотека, в том числе и книгами на национальных языках, проводились различные мероприятия (лекции, диспуты, клубные недели, концерты), причем планы мероприятий предварительно согласовывались и утверждались в отделе национальных меньшинств.

Комиссариаты решали поставленные перед ними задачи совместно с национальными секциями РКП(б) и Губоно, что приводило к дублированию работы, но в то же время это было объединение усилий, без чего нельзя было выполнить задачи, поставленные перед исполнительными органами власти. В 1918 году в Петрограде активно работали 10 секций, по инициативе которых в основном создавались, реформировались и ликвидировались национальные комиссариаты. Так, по ходатайству Украинской секции РКП(б) комиссар Комнаца В. П. Спунде обратился в Москву за разрешением о создании украинского комиссариата в связи с большой работой с беженцами. Украинский отдел во главе с И. И. Красниковым был утвержден 17 августа 1918 года. Заведующие Украинским отделом довольно часто сменялись – вместо Красникова был назначен Д. Клойзнер, затем Г. Твердохлебов, а 16 января 1919 года – снова Клойзнер. Впрочем, уже 10 апреля 1919 года решением украинской партийной секции отдел был упразднен «за ненадобностью», поскольку, по мнению секции, он выполнил свои задачи по работе с беженцами¹⁶, что не соответствовало действительному положению дел, поэтому отдел был вскоре воссоздан. Такая ситуация не являлась исключением, так как реорганизации и сокращению штатов перманентно подвергались все национальные отделы.

Национальные секции Губкома РКП(б) осуществляли идейно-политическое руководство работой комиссариатов. В отчете за 1919 год отмечалось, «что деятельность Комнаца так тесно переплетена с деятельностью партийных сек-

ций, что все, относящееся к работе первого, относится равно и к работе последних, ибо персонально работают те же работники и тут, и там»¹⁷. Все важные вопросы обсуждались в Коллегии Комнаца совместно с представителями секций, а руководители национальных комиссариатов состояли на партийном учете в Губкоме РКП(б).

Классовым принципом определялась и кадровая политика учреждения, штаты которого на 30–40% состояли из коммунистов. Согласно постановлению фракции коммунистов Комнаца и ее бессменного секретаря А. И. Раевой, беспартийные и представители небольшевистских партий уже с января 1919 года не могли занимать руководящие посты ни в одном из отделов комиссариата, за исключением хозяйственного.

Но все же социальный состав сотрудников комиссариатов был разнородным. В аппарате преобладали бывшие служащие, студенты, не имевшие опыта работы и специальной подготовки, но считалось, что эти качества могут быть возмещены революционным энтузиазмом. Однако потенциал культурно-просветительных обществ национальной интеллигенции практически не был использован. В 1919 году В. И. Ленин, характеризуя в целом государственный аппарат, отмечал, что «не хватает культурности тому слою, который управляет»¹⁸. Ситуация с кадрами в Петрограде была лучше, нежели в целом по России, так, в Комнаце 14% сотрудников были с высшим образованием, преимущественно юридическим, 48% – со средним школьным образованием.

Кадровый состав Комнаца (с 1920 года – Губотнац) во многом определял направления и характер деятельности учреждения: исполнительские качества и коммунистическая принадлежность сотрудников аппарата ценились выше, нежели профессиональные критерии оценки которых не существовали. Вместе с тем, в силу своих революционных убеждений, они выступали защитниками интересов соответствующих национальностей в соответствии с должностными обязанностями и положением учреждения. В послереволюционные годы, период экономической разрухи, голода это было весьма трудным делом. Кро-

ме того, именно эти люди стояли у истоков формирования системы культурно-просветительных и образовательных учреждений для национальных меньшинств, являлись проводниками политики национального равноправия молодого Советского государства. Имена и судьбы этих людей заслуживают самого пристального внимания и требуют изучения.

Статус комиссариата и его полномочия зависели и от изменений административно-территориального устройства Северо-Запада. Так, 24 февраля 1919 года III съезд Советов Северной области принял постановление о ликвидации СКСО. Соответственно, исполком Петросовета вынес постановление о преобразовании Комнаца СКСО в Петроградский отдел Наркомаца (Петроградский Комнац, или Петрогуботнац). В развитие декрета СНК от 19 мая 1920 года было принято Постановление ВЦИК (№ 109 от 22 мая 1920 года) о реорганизации Наркомаца и два постановления СНК – от 27 июля и от 30 октября 1920 года «Об уравнении отделов НКН с другими отделами Губисполкома»¹⁹. На основании этих документов Президиум Петроградского исполкома 16 июня 1921 года признал Петроградский отдел НКН отделом Петрогубисполкома (выписка «О преобразовании Губотнаца в областной отдел» от 28 июня 1921 года). Еще раньше в системе Наркомпроса был образован Совет по просвещению национальных меньшинств, коллегия которого состояла из семи секций, возглавлявшихся заведующими национальных отделов Губотнаца. Совет последовательно возглавляли И. А. Гейл, М. Чулит и М. Г. Анвельг.

В январе 1922 года областной отдел был опять преобразован в губернский отдел Наркомаца, а в августе 1922 года реформирован в Отдел национальных меньшинств. Президиум Петроградского губисполкома 3 ноября 1922 года принял решение все национальные отделы преобразовать в подотделы Губотнаца. Ровно через год, 3 ноября 1923 года из Москвы было получено Предписание за № 6608 об упразднении Петрогуботнаца, а накануне заместитель наркома С. М. Бройдо в письме к комиссару А. И. Раевой писал: «К сожалению, а может быть к счастью, в ответ на Вашу просьбу

о присылке денег, Наркомнац предлагает Вам ликвидировать Губотнац». Начало работ по ликвидации предписывалось начать 15 ноября, передав дела и функции Президиуму исполкома.

Центральный Народный комиссариат по делам национальностей прекратил свое существование в соответствии с декретом ВЦИК и СНК от 9 апреля 1924 года, как «выполнивший свою основную миссию по подготовке дела образования национальных республик и областей». В этом же документе предписывалось «...в губерниях с разнородным составом населения образовывать при отделах народного образования специальные секции по делам просвещения национальных меньшинств»²⁰.

Ликвидация Наркомнаца и его отделов, в том числе и в Петрограде, была преждевременным актом, поскольку ему не удалось выполнить в полном объеме поставленные перед ним задачи, а также стать органичной и нужной для других ведомств административной структурой. Возможности комиссариата по осуществлению культурно-просветительных мероприятий советской власти с привлечением представителей национальной интеллигенции, этнокультурных общественных организаций не были использованы полностью, поскольку и сами организаторы такой работы – первое поколение советских чиновников – не имели достаточного уровня образования и культуры, не говоря уже о владении знаниями в той области, в которой они трудились. Для подготовки кадров требовалось время. Не способствовали успешной работе частая смена руководителей подразделений, реформирование структуры учреждения, сокращение штатов и недостаточное финансовое обеспечение, а также постоянный контроль за деятельностью учреждения со стороны национальных секций РКП(б). Но все же это были попытки в масштабе страны создать эффективный механизм регулирования национальных отношений, определить основные векторы развития этнокультурных процессов. К сожалению, позитивный опыт этой работы мало учитывался в дальнейшем, а в 1930–1940 годах во многом даже отвергался на государственном уровне.

Исторический опыт деятель-

ности Петроградского комиссариата по делам национальностей актуален и в настоящее время, поскольку сохраняются базовые условия: многонациональный состав населения и нерешенность многих проблем в сфере межнациональных отношений, что требует наличия специализированных административных структур, разработки стратегии национальной политики и технологии ее реализации.

Назовем поименно руководителей и сотрудников Петроградского комиссариата по делам национальностей (хотя информация о некоторых крайне скудная), в силу их заслуг и самоотверженной работы по защите интересов многонационального населения города и губернии в трудные послереволюционные годы. Многие из них погибли на фронтах Гражданской войны, были репрессированы, но все они стояли у истоков формирования государственных органов власти молодой Советской республики. Приведенный список показывает, как часто сменялись руководители комиссариатов (отделов), чаще всего – в связи с мобилизацией на фронт на основании постановлений бюро национальных секций РКП(б) или откомандировкой на другую работу по заданию партии.

Первым комиссаром Петроградского комиссариата по делам национальностей был Ян Янович Анвельт (литературный псевдоним Ээсааре Ааду) (18.04.1884 – 11.12.1937).

Я. Я. Анвельт родился в дер. Оргу Феллинского уезда Лифляндской губ. (ныне уезд Вильяндимаа в Эстонии) в крестьянской семье. В 1905 году окончил Юрьевскую учительскую семинарию, два года работал народным учителем. В 1912 году экстерном окончил юридический факультет Петербургского университета, работал присяжным поверенным. Член РСДРП(б) с 1907 года, организатор и редактор большевистской газеты «Кийр» («Луч») в г. Нарве (1912–1914). Во время Февральской революции 1917 года – председатель Временного ревкома Нарвы и Нарвского Совета, член Ревельского и Всеэстляндского комитетов РСДРП(б). В октябре 1917 года, когда власть перешла к Советам, стал председателем Военно-Революционного комитета и председателем исполкома Эстлянд-

Ян Анвельт. 1925 г.

ского краевого совета. 28 ноября 1917 года началось наступление Красной гвардии в Прибалтике, а 29 ноября на совместном заседании ВРК Эстонии и ЦК эстонских секций РКП(б) была провозглашена Эстляндская трудовая коммуна, председателем которой был избран Я. Анвельт. 18 февраля 1918 года в Прибалтику вторглись немцы. В Петрограде формировались эстонские коммунистические стрелковые полки Красной армии, и Я. Анвельт был назначен военным комиссаром Северо-Западной области. В этом же году учился на Вторых Петроградских артиллерийских курсах комсостава.

27 апреля 1918 года на Совете Петроградской Трудовой коммуны Я. Анвельт был утвержден комиссаром Петроградского комиссариата по делам национальностей, но уже в ноябре 1918 года уволился из Комнаца в связи с отъездом в Эстонию по партийной мобилизации. С ноября 1918 года – председатель СНК и нарком по военным делам Эстонской Советской республики (Эстляндской Трудовой коммуны). В 1919–1921 годах – политработник в Красной армии. В 1921–1925 годах находился на нелегальном положении в буржуазной Эстонии. Один из руководителей восстания 1 декабря 1924 года. В 1925 году эмигрировал в СССР, в 1926–1929 годах – комиссар Военно-воздушной академии им. Жуковского, в 1925–1935 годах – заместитель начальника и начальник

Главного управления Гражданского воздушного флота. С 1935 года – член и ответственный секретарь Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. Делегат XIV, XV и XVI съездов ВКП(б), а также III, IV и VII конгрессов Коминтерна. Награжден орденом Ленина.

Писатель, печатался с 1904 года (новеллы «На лесной опушке» (1919), «В пути» (1920), «В свете молний» (1922), роман «На птичьих правах» (1923)).

Арестован в 1937 году и умер в тюрьме 11 декабря 1937 года. Реабилитирован в 1956 году.

КОМИССАРЫ КОМНАЦА / ЗАВЕДУЮЩИЕ ГУБОТНАЦЕМ

Анвельт Ян Янович – комиссар с 27 апреля по 29 ноября 1918 г.
Циховский Казимир Генрихович – заместитель комиссара с 7 июня до октября 1918 г.
Пенес Август Петрович – комиссар с октября по 26 декабря 1918 г.
Сонье М. – заведующий Губотнацем с 7 февраля 1921 г., отозван в Москву в распоряжение Наркомнаца
Раева (Раппопорт) Анна Ивановна – заместитель комиссара с 14 октября 1918 г., заведующая Губотнацем с 23 февраля 1921 г. до ноября 1923 г.
Рахья Яков Абрамович – с 1922 г. – заместитель заведующего Губотнаца.

КОМИССАРЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОМИССАРИАТОВ (ЗАВЕДУЮЩИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛОВ)

АРМЯНСКИЙ

Каракашьян Ерванд Иоаннессович – с 16 октября 1918 г.

БЕЛОРУССКИЙ

Лагун (Логун) Иосиф Васильевич (1894–1919) – 22 мая – июнь 1918 г.
Ковшилло Григорий Григорьевич – с 16 июля 1918 г.
Соболевский Дмитрий Михайлович (род. 1886) – 8 апреля – 15 сентября 1918 г.
Канчер Евсевий Степанович (1882–1979) – май – 4 июня 1918 г. – зав. агитационно-пропагандистским и издательским подотделом, затем до 1920 г. – зав. статистическим отделом Комнаца
Вазилло Александр Тимофеевич (1888–1937) – 4 июня – 15 сентября 1918 г., зав. агитационно-пропагандистским и издательским подотделом
Устилович (Устинович) Александр Харитонович (Николаевич) (1897 – 1937) – с 15 ноября 1918 г. – инструктор по школьному образованию
Червяков Александр Григорьевич (1892–1937) – в 1918 году комиссар Белорусского комиссариата Наркомнаца

ГАЛИЦКИЙ

Кассий В. Н. – ноябрь 1921 г.

ЕВРЕЙСКИЙ

Раппопорт Соломон Яковлевич (род. 1882) – 8 июня – сентябрь 1918 г.
Вальнер Артур Гансович – с сентября 1918 г.
Раева (Раппопорт) Анна Ивановна (5 мая 1881 – 23 декабря 1931) – осталась из состава НКН с марта 1918 г., была заместителем комиссара еврейского отдела, а с 13 декабря 1918 г. – комиссаром; совмещала обязанности комиссара отдела и Комнаца (Губотнаца) до его ликвидации в 1923 г.
Чешкес – с 8 сентября 1919 г.
Мирзон Г. К. – с 1 июля 1920 г.
Мацкин Михаил Павлович – с 7 декабря 1920 г.
Мандельсберг Виктор – с 28 декабря 1920 г.
Айзенман Абрам Иосифович – с февраля 1921 г.
Лейтман Самуил Исакович (род. 1888) – с 26 июля 1921 г.
Сосис Израиль Давидович – сентябрь 1921 – 15 декабря 1922 г.

КАРЕЛЬСКИЙ

Хурскайнен Иван – с 18 сентября 1920 г. периодически возглавлял отдел
Кунжин Петр Иванович – 15 октября 1920 – февраль 1921 г.
Картавцев В. В. – февраль 1921 г.
Хотакка Александр – с 28 июня 1921 г.

ЛАТЫШСКИЙ

Эрис Карл – с мая по июнь 1918 г.
Розе Дитрих Иосифович (род. 1879) – с 8 июня по октябрь 1918 г.
Пенес Август Петрович (род. 1873) – с 1 октября 1918 до февраля 1919 г.
Спунде Александр Петрович (род. 1892) – с 25 декабря 1918 г.
Гайкис Юлиус Иванович – сентябрь 1919 – 15 февраля 1920 г.
Циныс – с 15 февраля по 3 марта 1919 г.
Чодерайн – с 3 марта 1919 г.
Крастинь (Лайн Туркс) Ян Петрович (род. 1896) – 8 октября 1919 г. – май 1920 г.
Даумант Юлий Иванович – февраль 1921 г.

ЛИТОВСКИЙ

Гедрис Казимир Иосифович /Осипович (род. 1891) – с мая по 15 ноября 1918 г.
Бернотас Антон Геронимович (род. 1882) – с 15 ноября 1918 – февраль 1919 г.
Диджулис Юлиан Петрович – с 5 февраля 1919 г.

МУСУЛЬМАНСКИЙ

Чингис-Хан-Ильдрим-Султан бек (Султанов И.) (род. 1890) – 21 мая – 15 октября 1918 г.
Яруллин (Еруллин) Нурулла – 16 октября 1918 г. – 21 апреля 1919 г.
Мансуров – апрель – май 1919 г.
Гайнуллин Х. – с 15 мая 1919 г.
Таканаев Хаким – 15 июня 1919 г. – 1 января 1920 г.
Рахимов Зариф Арифулович (род. 1892) – 1 января 1920 г. – 1 января 1922 г.

ПОЛЬСКИЙ

Циховский Казимир Генрихович – май – 15 октября 1918 г.
Пропше Роберт Августович (род. 1879) – с 16 октября 1918 г. заместитель комиссара
Сосновский Ян Теодорович – 15 октября – 2 декабря 1918 г.
Корейво Антон Владиславович (род. 1898) – с 1 декабря 1918 г.
Трач – 1919 г.
Панек – 27 августа – декабрь 1919 г.
Краевский Феликс Константинович (род. 1890) – январь 1920 – 1 мая 1922 г.

УКРАИНСКИЙ

Кулик Израиль Юделевич – до 20 августа 1918 г. комиссар Украинского комиссариата Наркомнаца.
Красников Иван Иванович – с 20 августа 1918 г.
Авраменко Илларион Наумович – 23 октября 1918 г. – 1 января 1919 г.
Твердохлебов Г. – 1–15 января 1919 г.
Клознер Д. – с 16 января 1919 г.

ФИНСКИЙ

Саастамойнен Юргин Францевич (Иоанн Янович) (род. 1876) – июнь 1918 г.
Хурскайнен Иван Федорович (род. 1887) – 1 июля 1918 г. – январь 1920 г.
Рахья Яков Абрамович – 15 сентября 1921 г. – 1923 г., с 1922 г. – заместитель заведующего Губотнаца.

ЭСТОНСКИЙ

Плау Даниель Даниелович (род. 1896) – с 20 апреля по август 1918 г.
Вальнер Артур Гансович – август – ноябрь 1918 г.
Венникас – 11 – 22 ноября 1918 г.
Петерсон Петр Адамович – 22 ноября 1918 г. – 1 апреля 1919 г.
Тейтер Георг Юрьевич (род. 1889) – 28 марта 1919 г. – 27 августа 1920 г.
Ренке Эдуард – 1 сентября – 8 ноября 1920 г.
Роотс Август – с 10 ноября 1920 г. по февраль 1921 г.
Тамм Иван Петрович – с 8 февраля 1921 г.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 277.

² Справочник народного комиссариата по делам национальностей. М., 1925. С. 3–12.

³ Юхнева Н. В. Многонациональная столица империи // Многонациональный Петербург: История. Религии. Народы. СПб., 2002. С. 26–27.

⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб.). Ф. 75. Оп. 1. Д. 10. Л. 11.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 71. Л. 24, 60, 73–74.

⁶ Известия Петербургского комиссариата по делам национальностей. Пг., 1919. С. 26 – 27.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 10. Л. 11.

⁸ Известия ВЦИК. 1918. 31 окт.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 342.

¹⁰ Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922. С. 296.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 91. Л. 1–2.

¹² Материалы по статистике Петрограда. Вып. II. Пг., 1920. С. 86; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922. С. 295; отчет ПГОНО. Пг., 1923. С. 287.

¹³ Жизнь Национальностей. 1923. № 10. С. 19.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 16. Л. 162–164; Д. 43. Л. 131; Д. 54. Л. 9; Д. 57. Л. 5, 89, 109, 123, 135; Д. 58. Л. 112; Д. 68. Л. 20–21; Д. 91. Л. 81; Д. 93. Л. 55; Скалабан В. В. Издательская деятельность Белорусского национального комиссариата. (1918–1920) // История книги, книжного дела и библиографии в Белоруссии: Сб. науч. ст. Минск, 1986. С. 26–49.

¹⁵ Михайленко В. В., Смирнова Т. М. Культурно-просветительная работа среди национальных меньшинств Петрограда и Петроградской губернии в 1918–1920 гг. (Проблемы и тенденции) // Вестник ЛГУ. Серия гуманитар. № 6. 1991.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 41. Л. 64; Д. 43. Л. 39; Д. 46. Л. 31, 44; Оп. 2. Д. 46. Л. 15.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 57. Л. 43.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 95.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 65. Л. 100.

²⁰ Там же. Д. 91. Л. 1–2.

Санкт-Петербургское общество южных славян «Югославия»

Г. И. Бутурович, А. Р. Тогуняц

Первым крупным объединением югославов в Ленинграде было Землячество студентов и курсантов Югославии, организованное в 1946 году. Тогда, в соответствии с Договором о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией от 11 апреля 1945 года первые югославы приехали учиться в военные и гражданские вузы Ленинграда. Все они были антифашисты, партизаны армии Тито, прошедшие Вторую мировую войну с оружием в руках. Лучшие из лучших, победители в войне с фашизмом и нацизмом, молодые, жизнерадостные – они были выбраны своей страной для получения высшего образования в СССР. Тогда то была большая честь и награда. Землячество занималось организационными, информационными и культурными вопросами, помогало в решении бытовых проблем. При землячестве был организован студенческий ансамбль песни и танца. Его репетиции проходили в Государственном университете, а выступали на праздниках, торжественных вечерах, которые обычно проводились в Выборгском доме культуры. Ансамбль исполнял партизанские и народные песни и танцы, а подпевали и танцевали, конечно, все присутствовавшие. Землячеством было проведено и то знаменитое собрание, на котором югославские студенты узнали подробности печально известной Резолюции Информбюро 1948 года, ставшей переломным моментом в их жизни. Они были поставлены перед тяжелым выбором – вернуться в Югославию, не закончив образования, прерывая сложившиеся уже у некоторых отношения с любимыми девушками, рисковать своей свободой, или остаться, надеясь, что отношения между Югославией и СССР вскоре наладятся и они смогут вернуться домой. Конечно, на решение этого вопроса влияли и другие личные факторы, и тогдаш-

ние политические приоритеты, но как бы то ни было, примерно половина студентов осталась в СССР. К сожалению, конфликт между Югославией и СССР затянулся, а жизнь брала свое. Складывались семьи, рождались дети, заканчивалась учеба – жизнь продолжалась. После окончания вузов все югославы, кто хотел, получили советское гражданство, и многие бывшие студенты и курсанты разъехались по стране к месту работы или службы. Землячество прекратило свою деятельность.

В конце 1950-х годов, после XX съезда КПСС и последовавшей за этим нормализацией отношений между СССР и Югославией, некоторые югославы вернулись на родину, другие получили возможность навещать своих родственников. Были и такие, для кого путь назад оказался закрытым до конца 1980-х годов. Но для всех, кто остался в СССР, Ленинград навсегда стал родным городом. Многие военные возвращались сюда, выйдя в запас. Так постепенно в Ленинграде вновь образовалась одна из наиболее многочисленных югославских диаспор в России. Югославы, конечно, дружили между собой, но далеко не все знали друг друга. В 1991 году инициативная группа их детей предложила организовать общественное объединение петербургских югославов. Эту идею поддержали многие югославы и члены их семей. 29 ноября 1991 года состоялось первое общее учредительное собрание, на котором присутствовало около 60 человек. То была незабываемая встреча. Некоторые югославы не виделись много лет, даже со студенческих времен. На собрании было принято единодушное решение создать и официально зарегистрировать общественную организацию под названием «Петербургское культурно-просветительное общество «Югославия», позднее переименованное в связи с распадом Югославии в

«Санкт-Петербургское общество южных славян «Югославия»». Было избрано правление общества из девяти человек, а председателем стал, как и 55 лет назад, Малич Ненад, теперь уже доктор геологических наук.

Общество было зарегистрировано 6 февраля 1992 года.

Но, не дожидаясь официальной регистрации, мы начали действовать. Почти каждый месяц мы устраивали общую встречу, которая посвящалась одной из республик Югославии. Были организованы курсы сербохорватского языка для детей и взрослых, лекторий по истории и культуре народов Югославии. Большую помощь в этом нам оказали преподаватели кафедры славистики Санкт-Петербургского государственного университета, в частности С. В. Зайцева, М. Л. Бершадская, Г. А. Лилич. Они сами и их студенты активно участвовали в наших мероприятиях, посвященных выдающимся деятелям культуры Югославии – Алексе Шантичу, Иво Андричу, Меше Селимовичу, Десанке Максимович, Ивану Мештровичу и др. С интересными докладами о хорватской и боснийской письменности (глаголице и босанчице) неоднократно выступала Светлана Олеговна Вялова, научный сотрудник Российской национальной библиотеки.

Мы установили связи с югославскими предприятиями, работавшими тогда в Петербурге, а также со студентами из Югославии, обучающимися в наших вузах. Поначалу они охотно принимали участие в деятельности нашего общества, но в связи с распадом Югославии и начавшейся войной это сотрудничество прекратилось.

Так как основу общества составляли югославы – ветераны Второй мировой войны, то и многие наши мероприятия были связаны с партизанским движением в Югославии. Мы отмечали знаменательные даты, свя-

Встреча 29 ноября 2001 года.

Слева направо: стоят – Борислав Радославлевич, Александр Кнежевич, Милан Деспот, Драгиша Дуймович, Горана Бутурович, Божидар Живич, Иванко Щепанович, Драгослав Милосавлевич, сидят – Аня Кнежевич, Сидония Бутурович, Ольга Войнович, Инна Хреляц, Борислав Ицич

занные с антифашистской борьбой в Югославии в 1941–1945 годах, например, 29 ноября – День освобождения Белграда и национальный праздник СФРЮ и др. С воспоминаниями о своем участии в той борьбе выступали все югославы, пели партизанские песни. Иногда оказывалось, что некоторые члены общества воевали где-то рядом, участвовали в одних и тех же боях, были у них даже общие знакомые, но тогда они не знали друг друга. А встретились в Ленинграде в нашем обществе! Интересно, например, как переплелись судьбы Анге Мишкича и Сидонии Бутурович-Здравец. Оба они родились в г. Шибенике (Далмация), почти одновременно их семьи переехали в Сплит, они жили неподалеку друг от друга и ходили в одну гимназию. Потом оба вступили в антифашистскую борьбу, пошли в партизаны, даже участвовали в обороне ставки Тито от немецкого десанта (Дрвар, май 1944 года). После войны они приехали в Ленинград на учебу, остались жить в СССР, а встретились и познакомились только в 1990-х годах благодаря нашему обществу.

Мы поддерживали связи и с другими ветеранскими обществами, в частности со Всероссийской организацией ветеранов антифашистского движения борцов Сопротивления в Европе. Наши югославы участвовали во встречах партизан-интернационалистов в городе Орле в 1993 и 1995 годах.

На такой встрече в мае 1995 года, посвященной 50-летию Победы во Второй мировой войне, нашим югославам-партизанам, как и всем советским воинам-интернационалистам, были вручены памятные медали «Партизан Второй мировой войны в Европе 1941–1945 гг.» с удостоверениями, подписанными председателем Российского комитета ветеранов войны, Героем Советского Союза, генералом армии В. Л. Говоровым. Таким образом, официально были

Встреча партизан-интернационалистов в мае 1995 года в г. Орле. (В усадьбе И. Тургенева «Спасское-Лутовиново»)

признаны боевые заслуги партизан-югославы, граждан СССР. В дальнейшем они были приравнены к ветеранам Великой Отечественной войны СССР, получили достойные пенсии и другие льготы.

После окончания гражданской войны в Югославии Общество наладило связи с посольством Республики Хорватия. Мы содействуем мероприятиям, проводимым посольством Хорватии и другими хорватскими организациями в Петербурге, участвуем в презентациях новых хорватских книг, в туристических акциях, выставках и других акциях.

Замечательное событие произошло 8 мая 2005 года. Тогда на празднование 60-летия Победы над фашизмом в Москву приехали главы европейских государств. Посол Хорватии Божо Ковачевич пригласил в Москву на встречу с Президентом Хорватии Степаном Месичем всех наших ветеранов войны. И хотя приехать смогли немногие, встреча была знаковой – впервые после разрыва отношений между Югославией и СССР в 1948 году официально, на самом высоком уровне были отмечены их заслуги перед своей Родиной в борьбе с фашизмом. В Хорватии сейчас есть национальный праздник «День борьбы с фашизмом». Он отмечается 22 июня, в день, когда в 1941 году в Хорватии был создан первый антифашистский партизанский отряд в окрестностях города Сисак. Президент

В посольстве Республики Хорватия. Слева направо: Драгиша Дуймович, Горана Бутурович, Иванко Щепанович, Президент Хорватии Степан Месич, Милан Деспот, Анте Мишкич. Москва, 2005 г.

Слева направо: Анте Мишкич, летчик-космонавт Алексей Леонов, Милан Деспот, Драгиша Дуймович. Москва, 2005 г.

Президент Республики Хорватия Степан Месич (справа) и Анте Мишкич. Москва, 2005 г.

Степан Месич не понаслышке знает о Второй мировой войне. Его отец воевал против немецко-фашистских захватчиков в партизанском отряде, а он сам ребенком испытал ужасы фашистской оккупации и зачисток.

Посольство Хорватии проявило максимальную заботу о поездке наших ветеранов в Москву. Оно взяло на себя все расходы на поездку и их пребывание в Москве. Утром 8 мая на Ленинградском вокзале их встретил представитель Хорватии и доставил в посольство. Вечером они были приглашены на торжественный прием, где присутствовали Президент Хорватии Степан Месич, мэр Москвы, космонавты Валентина Терешкова, Алексей Леонов, президент Российской Академии художеств Зураб Церетели, режиссер Юрий Любимов и др. Президент Хорватии Месич в начале приема подошел к нашим ветеранам и долго разговаривал с ними, а затем первый тост провозгласил за них и за Победу. То была незабываемая встреча.

А для Анте Мишкича то было уже второе поздравление главы государства: в далеком 1945 году в Сплите его лично поздравил Иосип Броз Тито.

На встрече в Москве в Обществе родилась идея создания книги воспоминаний наших ветеранов. То была нелегкая работа, так как многие из них уже ушли из жизни, некоторые живут за границей. Тем не менее в 2009 году книга «Из Югославии в СССР, или Непридуманные истории из жизни одного поколения» была издана. Экземпляры книги переданы во многие крупные библиотеки России (Российскую национальную библиотеку, Президентскую библиотеку, Библиотеку Академии наук и др.), бывших стран СССР и Югославии, в другие страны. И мы, дети ветеранов, очень рады тому, что останется память о поколении наших отцов и матерей, об их необычной и героической судьбе.

Так постепенно для многих петербургских югославов Общество стало «малой Родиной». Война и национальная рознь разрушили Югославию, а наша «Югославия» выжила. Югославская трагедия 1990-х годов воспринимается нами как общая беда. Мы стараемся быть вместе и в радости, и в горе.

Автор благодарит президента фонда «Пискаревский мемориал» В. Я. Дзюцева и администрацию Государственной педиатрической медицинской академии и ДГБ № 2 (Святой Марии Магdalены) за предоставленную информацию.

Памятники мусульманам в Петербурге: от мавританского стиля XIX века до городской скульптуры XXI века

А. Н. Тагирджанова

Санкт-Петербург – город европейской культуры, тем не менее мусульманская община в нем существует со времен Петра Великого, то есть с первых лет основания города. Татар-строителей, прибывавших из Казанской губернии, со временем сменили татары-солдаты, призванные по рекрутскому набору.

Екатерина II начала активно привлекать мусульман на государственную и военную службу, вернув дворянство бывшим татарским мурзам (князьям). В столицу империи прибывали посольства восточных владык, была налажена взаимовыгодная торговля. Купцы открывали «азиатские» магазины.

С 1819 года в Императорском Санкт-Петербургском университете появились мусульмане – носители языков, которых приглашали преподавать восточные языки¹.

Несмотря на то что Российская империя занимала огромные территории Азии, хорошо известные всем таежными просторами суровой Сибири, императорский двор и русская аристократия охотно перенимали модные увлечения культурой Востока из Европы. С середины XIX века в убранстве интерьеров жилых помещений и фасадов зданий появились древнеегипетские, мавританские, и турецкие мотивы, пришедшие на смену китайским. В тот период начало формироваться новое архитектурное направление – эклектика (от греч. *eklektikos* – выбирающий), в котором сочетались различные стили.

В 1839–1840 годах архитектор А. П. Брюллов создал в Зимнем дворце «мавританскую» ванную комнату. В 1852 году его ученик И. А. Монигетти спроектировал в

Царском Селе павильон Турецкая баня, в виде маленькой мечети с минаретом, а во дворце создал Азиатскую комнату, предназначенную для коллекции оружия цесаревича Александра Николаевича, будущего императора Александра II. К работе над оформлением интерьера был привлечен профессор университета араб шейх ат-Тантави.

В домах и квартирах состоятельных горожан появились мавританские курительные комнаты, кабинеты, будуары, гостиные, оформленные с использованием восточной мебели, турецкого и персидского шелка, ковров, безделушек и оружия.

В мавританском стиле построены самый экзотический петербургский доходный дом Мурузи (Литейный пр., 24/27). Дом был заложен в 1874 году по проекту архитектора А. К. Серебрякова, разработку отделки здания снаружи и внутри выполнили архитекторы П. И. Шестов и Н. В. Султанов. В испанской Гранаде они скопировали высеченные во дворце Альгамбра надписи из Корана и арабски, которые стали украшением фасада здания. Сейчас доступны для обозрения «мавританские залы» Юсуповского дворца на Мойке, 94; Дома ученых на Дворцовой наб., 26 (бывший дворец великого князя Владимира Александровича); театра «Санкт-Петербург Опера» на Галерной ул., 33 (бывший дом фон Дервиза). Мавританский стиль оказал большое влияние и на построенную в 1893 году синагогу (Лермонтовский пр., 2. Проект архитекторов И. Шапошникова и Л. Бахмана при участии В. Стасова и Бенуа). В 1910 году в Петербурге состоялась закладка соборной мечети, главной мечети

Российской империи, освящение которой состоялось в дни празднования 300-летия дома Романовых. Над проектом в стиле северного модерна работали гражданские инженеры Н. В. Васильев и С. С. Кричинский. В художественном оформлении мечети были использованы мозаичные панно, скопированные русскими художниками в Самарканде. Мозаики были выполнены и доставлены со ст. Кикерино (Волосковский район Ленинградской области), где находились мастерские П. К. Ваулина, одного из выдающихся художников-керамистов.

За последнее десятилетие в нашем городе появились памятники и мемориальные доски мусульманам, жизнь и деятельность которых так или иначе была связана с Петербургом-Ленинградом. Автор, будучи краеведом, не ставит перед собой цели отразить художественные достоинства современной монументальной городской скульптуры. Речь идет об увековеченных личностях, их роли и месте в истории Петербурга.

Идея установки памятника великому поэту и мыслителю XII века Низами Гянджеви возникла у петербургских азербайджанцев в 1992 году. Памятник создан в соавторстве бакинским скульптором Герушем Бабаевым и петербургским архитектором Феликсом Романовским. Оба автора – выпускники Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии (ЛВХПУ им. В. И. Мухоминой). Осенью 2011 года в Российской национальной библиотеке была развернута выставка «Бог среди поэтов», посвященная 870-летию Низами, на которой были пред-

Низами Гянджеви.
Фото автора. 2011 г.

ставлены книги поэта из фондов библиотеки.

Великий азербайджанский поэт и мыслитель Шейх Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф Низами² Гянджави (ок. 1141–1209) – современник Ш. Руставели, жил в Гяндже³, писал на персидском языке, который был литературным языком мусульманских народов, населявших огромные территории от севера Индии до Средней и Малой Азии и Закавказья. Над могилой поэта установлен величественный мавзолей, на протяжении веков она была местом паломничества. Низами был автором сборника (дивана) лирических стихотворений и пяти больших поэм, объединенных в «Хамсе» («Пятерицу»). В «Пятерице», признанном шедевре мировой литературы, содержатся ценные сведения по теологии и философии, астрономии и химии, истории, географии и риторике, они же являются основным источником биографических сведений об авторе. Одна из поэм, «Искандер-наме», рассказывает о жизни и походах Александра Македонского. В течение нескольких веков в литературе Востока жанр поэмы развивался под влиянием Низами, а его «Хамсе» имела большое число подражаний.

Низамиведение зародилось в Петербурге, в одном из мировых центров ориенталистики, еще в середине XIX века. Тогда в каталоге Императорской публичной

библиотеки были описаны рукописные книги поэта, датированные XV–XVIII веками, а библиотека факультета восточных языков университета гордилась шестью старинными изданиями. В наше время в Государственном Эрмитаже хранится рукописная книга «Хамсе», датированная 1431 годом. Это произведение книжного искусства было создано в Иране, считается «частью знаменитой рукописи и представляет собой один из высших образцов мусульманской миниатюрной живописи»⁴. Рукопись содержит 38 миниатюр, выполненных гуашью и золотом, большое количество узоров, орнаментов и украшенных заголовков.

В конце 1930-х годов в СССР началась подготовка к празднованию 800-летия Низами. Советские ученые из Института востоковедения, отдела Востока Эрмитажа совместно с коллегами из Баку под руководством члена-корреспондента АН СССР Е. Э. Бертельса работали над творческим наследием Низами, занимались составлением научнокритического текста «Хамсе», истолкованием сложных мест поэм и подготовкой текстов подстрочных переводов для поэтов, переводивших Низами на русский язык. Проведению в Ленинграде торжественного заседания, посвященного 800-летию со дня рождения Низами, не помешали начавшиеся война и блокада города. Директор Эрмитажа востоковед-иранист И. А. Орбели был инициатором проведения заседания, намеченного в мирное время. Он сумел убедить руководство города, что заседание необходимо и его можно провести в перерыве между налетами, организовал печатание пригласительных билетов. 19 октября 1941 года в 14 часов собрались 95 ученых⁵. К этому событию академик подготовил выставку «Эпоха Низами» из оставшихся после эвакуации основного фонда экспонатов. Выступили академик И. О. Орбели, поэт Н. С. Тихонов, востоковеды А. Н. Болдырев⁶, Г. В. Птицын и М. М. Дьяконов⁷, вызванный с Ленинградского фронта. На это событие откликнулись газеты «Правда» и «Ленинградская правда». Как выяснилось потом, аналогичные мероприятия в других городах были отложены, поэтому памятник Низами можно считать

данью памяти мужеству ленинградских ученых-востоковедов, их беззаветному служению науке. Памятник был открыт в июне 2002 года президентами В. Путиным и Г. Алиевым, при участии азербайджанской общественности Санкт-Петербурга. Местом для установки выбрали сквер на Каменноостровском проспекте между домами № 25 и № 27. Этот сквер теперь носит имя Низами. Здесь часто звучит азербайджанская речь, сюда приезжают молодожены.

Еще одним памятным для азербайджанцев Петербурга местом стал адрес: Гороховая ул., 6. Здесь 14 июня 2005 года представители азербайджанской общественности и городского правительства открыли памятную доску в честь советского и азербайджанского деятеля Гейдара Алиевича Алиева (1923–2003). В этом доме находилась Высшая школа МГБ СССР, в которой в 1949–1950 годах проходил переподготовку будущий государственный деятель, первый секретарь ЦК КП Азербайджанской ССР (1969–1982), член Политбюро ЦК КПСС и президент Азербайджана (1993–2003). Нужно отметить, что два раза в году, в день рождения и в день кончины Г. А. Алиева, здесь на возложение цветов собирается общественность.

Имя Джамбула Джабаева (1846–1945) помнят все ленин-

Джамбул Джабаев.
Фото автора. 2011 г.

градцы, пережившие блокаду, все ленинградские школьники послевоенных лет.

Из далекого Казахстана 95-летний старец, побывавший незадолго до войны в Ленинграде и полюбивший величественную архитектуру бывшей столицы империи, обратился к жителям города со словами сострадания и поддержки. 6 сентября 1941 года, за два дня до начала блокады, газета «Ленинградская правда» опубликовала трогательное поэтическое послание «Ленинградцы, дети мои! Ленинградцы, гордость моя!». В переводе это стихотворение звучало по радио, листовки с портретом автора и текстом были вывешены на улицах. В 1952 году в память о Великой Отечественной войне ряд улиц города был переименован. Имя Джамбула стал носить Лештуков переулок. 30 мая 2003 года безымянный сквер в переулке получил художественное оформление. Здесь состоялось открытие памятника, на котором присутствовал президент Казахстана Н. Назарбаев. Памятник создан петербуржцами: скульптором В. Свешниковым и архитектором Ф. Романовским при участии казахского художника Б. Абишева по инициативе петербургского казахского общества «Ата-Мекен». Маленький сквер получил обрамление в виде семикрылой юрты, рядом с которой стоит казахский акын с домрой в руках, а перед ним – журчащий фонтан. Интересно отметить, что памятник Джамбулу установлен в районе вокруг Пяти углов, одном из мест компактного проживания татар в городе в конце XIX века – первой половине XX века. Осенью 2011 года Российская национальная библиотека устроила выставку к 165-летию со дня рождения казахского народного поэта.

Символом памяти погибших в дни блокады Ленинграда стало Пискаревское мемориальное кладбище-музей, администрацией которого в 1998 году был создан фонд «Пискаревский мемориал». В рамках программы «Памяти павших будьте достойны» возникла идея создания «Аллеи памяти» – каменной летописи, посвященной героизму защитников города, представителей разных народов и национальностей, трудовых коллективов и земляков. В настоящее время установлены

74 памятные гранитные плиты, в том числе сотрудникам Эрмитажа. Традиционно на торжественно-траурные церемонии возложения венков и цветов к монументу Родине-матери и Вечному огню приходят представители землячества и мусульманское духовенство. Открытие памятных гранитных плит уроженцам Азербайджана, Казахстана, Татарстана и других регионов, где проживают мусульмане, дает возможность воздать должное памяти своих земляков. В братских могилах кладбища захоронены почти две с половиной тысячи мусульман. Их фамилии по собственной инициативе выписала из архивных книг общественница татарской национально-культурной автономии, житель блокадного города Фарида Абулякар-кызы Мамина. Автор этих строк знает, что старики-татары ушедших поколений, пережившие те страшные испытания, посещали братские захоронения на Богословском, Серафимовском, Смоленском и Ново-Волковском кладбищах, чтобы помануть молитвой, не привлекая внимания, всех мусульман, умерших от голода и погибших на фронтах.

Памятник великому сыну татарского народа, защитнику Ленинграда, поэту-воину антифашисту Мусе Джалилю (1906–1944) был открыт 17 мая 2011 года в сквере между домами № 16 и 18 по Гаванской улице. Авторы – петербургские скульпторы, выпускники Академии художеств Ян Нейман и Ахнаф Зиякаев, архитектор Г. К. Челбагашев.

Муса Джалиль (Залилов) родился в д. Мустафина Оренбургской губернии, учился в Оренбурге в известном медресе «Хусаиния», созданном купцами Хусаиновыми. Здесь наряду с конфессиональными изучались светские дисциплины. Уровень обучения был высок. Например, оборудование для физической лаборатории купцы-меценаты выписывали из Европы. Муса принял революцию, был членом волостного комитета РКСМ, в начале 1920-х годов стал курсантом Оренбургской военно-партийной школы, затем студентом Татарского института народного образования, созданного на базе медресе «Хусаиния». Тогда были опубликованы его первые стихи. В 1926 году Джалиль был избран членом татаро-башкирской

Муса Джалиль.
Фото автора. 2011 г.

секции ЦК ВЛКСМ и поступил на литературное отделение МГУ. В предвоенные годы работал завлитом в Татарском оперном театре, был депутатом Казанского горсовета и руководителем татарской писательской организации. Поэт-доброволец прибыл на Волховский фронт корреспондентом армейской газеты «Отвага», закончив краткосрочные курсы политработников. В марте 1942 года он писал дочери: «...мы выгоним этих мерзавцев-фашистов из Ленинградской области, а потом совсем с советской земли...»⁸ В июле связь с ним прервалась, Джалиль оказался в окружении с остатками 2-й ударной армии⁹ и, будучи тяжело раненным, попал в плен. Опустим страшные подробности этого периода, отметим лишь, что за участие в подпольной группе, созданной при Волго-татарском легионе, Джалиль был казнен в берлинской тюрьме Моабит. Бывшие военнопленные сохранили его стихи, объединенные в цикл «Моабитская тетрадь». Судьбой Джалиля заинтересовался К. М. Симонов. В 1956 году за исключительную стойкость и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне, Мусе Джалилю посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, а через год он первым среди поэтов был удостоен Ленинской премии за цикл стихотворений «Моабитская

тетрадь». Стихи Джалиля переводили на русский язык А. Ахматова, П. Антокольский, Э. Багрицкий, С. Маршак, А. Тарковский, В. Тушнова и др.

Памятник еще одному татарскому поэту Габдулле Тукаю (1886–1913) был установлен по инициативе руководства Республики Татарстан в июне 2006 года в сквере на пересечении Зверинской ул. и Кронверкского пр., то есть на территории бывшей Татарской слободы. Авторы памятника – скульпторы Ян Нейман и Ахнаф Зиякаев, архитектор С. П. Одновалов. Тукая в народе называют «татарский Пушкин». Год спустя, 24 июня 2007 года, на Казанской ул., 5, была открыта мемориальная доска (скульптор А. Зиякаев), по этому адресу в меблированных комнатах поэт останавливался в 1912 году.

Габдулла Тукай (Тукаев) родился в дер. Кушлауч Казанской губернии в семье муллы. В четырехлетнем возрасте он осиротел. Воспитывался у родственников, учился в медресе Уральска. Поэтический дебют Тукая состоялся в 1905 году на страницах небольшого сборника. Он быстро стал известным благодаря публикациям в разных татарских периодических изданиях. Стихи, публицистика, литературно-критические статьи и фельетоны были оценены по достоинству: поэт стал знаменит. Власть стала пресекать вольнодумство периода Первой русской революции, и, как следствие, в ноябре 1911 года был наложен арест на сборник «Стихотворения Г. Тукаева». В 1912 году представители татарской интеллигенции, проживавшие в Петербурге, пригласили Тукая в столицу. В своем дневнике поэт записал: «...Вот тебе и Петербург. Николаевский вокзал. В городе нет ни малейшего шума, грохота и треска, темно и туманно. Когда едешь в фаэтоне на мягких резиновых шинах по дощатой мостовой, кажется, что идешь в валенках с толстой войлочной подошвой. А какие высокие здания! Черт его знает, где небо, где солнце? Облачно или ясно? Ничего не определишь... Я был потрясен. Меня поразило величие города. Однообразные дощатые мостовые. Проходят конки <...> тут же трамвай, а за ним следом автомобили! <...> Петербург место просвещения. В нем изящны и стройны улицы науки. В разные часы днем, вечером, всю ночь во многих местах

Габдулла Тукай.
Фото автора. 2011 г.

идут какие-то лекции, учеба. <...> Хотя и приближался конец апреля, петербургский холод был январским холодом, а сырость – настоящей сыростью. Поэтому прогулка по улице для меня была мучительно тяжела, хотя бы даже на фаэтоне. Приходилось случайно выходить на Невский проспект. Эта улица и поражала и пугала меня. <...> Как не пугаться, когда улица словно див¹⁰ ежедневно уносит несколько жертв. Если присмотреться к ним, оказывается, что большинство из них рабочие. Потому что они так же как и я, не привыкли ходить по таким улицам пэри¹¹. Это улица богатых! Это улица гладеньких!..»¹²

Габдулла Тукай был болен туберкулезом. Муса Бигеев, один из лидеров прогрессивного движения среди мусульман, обратившийся к поэту с предложением сначала подлечиться в санатории¹³ за счет состоятельных татар, а затем стать редактором одной из мусульманских газет, не мог знать истинного состояния здоровья Тукая. Врачи настоятельно рекомендовали поэту покинуть Петербург. Через год по возвращении из Петербурга 15 апреля 1913 года выдающийся татарский народный поэт, литературный критик, публицист и переводчик скончался в Казани. Стихотворение Тукая «Родной язык» – гимн татарского народа. Интересно отметить, что у этого гимна нет композитора – музыка народная.

Современником Габдуллы Тукая был Ахмед-Заки Валиди (1890–1970), памятник которому был установлен правительством Республики Башкортостан во внутреннем дворе здания Двенадцати коллегий в связи с открытием при университете в 2007 году Центра тюркских исследований им. А.-З. Валиди. Автор бюста – уфимский скульптор Владимир Дворник, выпускник Российской академии живописи, ваяния и зодчества И. Глазунова.

Ахмед-Заки Валиди (Валидов) родился в д. Кузяново Стерлитамакского уезда Уфимской губернии в семье муллы. Как любой мусульманский ребенок, с раннего детства он начал получать глубокие конфессиональные знания, много занимался самообразованием, но лишь отчасти пошел по стопам отца. Валидов преподавал в созданном отцом медресе (училище при мечети), в котором изучались арабский язык, богословие, история и география Востока. В 1908–1912 годах молодой человек учился в казанском медресе Касимия, посещал вольнослушателем лекции в Казанском университете и затем начал преподавать в медресе тюркскую историю и историю арабской и тюркской литературы. В 1912 году, после публикации книги «История тюрков и татар», он стал известен в кругу ориенталистов. Валидов принял участие в двух научных экспедициях, предпринятых Академией наук: в 1913 году – в Ферганскую

Ахмед-Заки Валиди.
Фото автора. 2011 г.

область и в 1914 году – в Бухарское ханство. Это положило начало его научным исследованиям по истории и культуре Туркестана. Во время второй экспедиции им была обнаружена рукопись перевода Корана на тюркский язык, относящаяся к X веку. Коллекция рукописей, привезенная им в Петербург, вошла в золотой фонд как собрание Валидова. В предреволюционные годы он жил и работал в Петрограде, был экспертом и помощником депутатов мусульманской фракции Государственной думы. В свободное время молодой человек сотрудничал с востоковедами, посещал еженедельные заседания «Радловского кружка», много работал в архиве Академии наук, разбирая старинные восточные рукописи, занимался этнографией башкир. Знаменитый исследователь профессор В. В. Бартольд, проводивший раскопки в Самарканде, пригласил его на факультет восточных языков, но на первом месте у молодого человека тогда была политика. В годы революции Валидов был в гуще событий. Он воевал на стороне атамана А. И. Дутова и адмирала А. В. Колчака, в 1919 году перешел на сторону советской власти. Валидов стал председателем Башкирского ревкома и членом РКП(б), но в июне 1920 года, добровольно оставив пост и письменно сообщив об этом в Центральный Комитет, присоединился к басмаческому движению в Туркестане. В 1923 году, разочаровавшись в басмачах, Валидов эмигрировал. Он был тепло встречен единомышленниками-эмигрантами в Париже, окупился было в политическую жизнь, но в конце концов вернулся в науку. Защитил диссертацию в Венском университете, был удостоен звания почетного профессора исламоведения Боннского университета. Свои труды он подписывал Тоган Заки Валиди. В мае 1939 года он перебрался в Турцию, а через год в Каире был издан его труд по истории Туркестана. Вклад в науку Валиди был оценен по достоинству: он был профессором Боннского, Геттингенского и Стамбульского университетов и почетным доктором Манчестерского университета. В 1951 году под его председательством в Стамбуле состоялся 21-й Международный конгресс вос-

токоведов, а через два года Ахмед-Заки Валиди основал Институт исламских исследований, который возглавлял до своей кончины в 1970 году.

Неподалеку от памятника Валиди 20 декабря 2011 года установили бюст Атауллы Баязитова. Автор – петербургский скульптор, выпускница Академии художеств, руководитель мастерской Венера Абдуллина. Деятельность Атауллы Баязитова при жизни нашла отражение на страницах Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Автор в начале статьи сообщил читателям: «писатель, магометанин, происхождения татарского, род. в 1846 г. в Касимовском уезде, Рязанской губ., где отец его был имамом. Учился в медресе близ Касимова, потом сам стал преподавать в нем, преимущественно логику и философию...»¹⁴ Далее, в 1870 году земляки пригласили Баязитова в Петербург, чтобы он возглавил второй магометанский приход. Община арендовала квартиру для проживания настоятеля и коллективных намазов по адресу: наб р. Мойки, д. 22, кв. 28, рядом с Капеллой у Певческого моста. Ахун Баязитов, кроме своих прямых обязанностей, служил переводчиком и преподавателем на курсах тюркских языков в Министерстве иностранных дел, читал лекции по мусульманскому праву, преподавал магометанский Закон Божий в военных учебных заведениях. Городскому обывателю он был знаком как автор изданных в Петербурге на русском языке книг «Отношение ислама к науке» и «Ислам и прогресс». Кроме того, ахун, откликаясь на публикации в прессе, писал статьи в газеты «Санкт-Петербургские ведомости», «Голос», «Сын Отечества» и др. Он стремился опровергнуть домыслы, передать суть религии, объяснить происходившие за рубежом события и оградить единоверцев от необоснованных нападок.

В период Первой русской революции ахун получил разрешение на издание газеты, для которой выбрал название по двадцать четвертой суре Корана «Нур» («Свет»). Первый номер газеты вышел 2 (15) сентября 1905 года. Это издание просуществовало до 1914 года. В 1906 году при Петербургском мусульманском благотворительном обществе был

Атаулла Баязитов.
Фото автора. 2011 г.

создан Комитет по постройке соборной мечети, членом которого стал Баязитов. Ахун 2-го магометанского прихода Баязитов скончался в апреле 1911 года и был похоронен на магометанском участке Волковского кладбища. На это печальное событие некрологами откликнулись городские газеты.

Память о Баязитове жива среди горожан-татар. В 1990 году татарская интеллигенция Ленинграда возобновила издание газеты «Нур – Свет», и в честь этого события день 19 мая в Республике Татарстан объявлен Днем печати. В дни празднования 300-летия Петербурга имя Баязитова было увековечено мемориальной доской (скульптор А. Зиякаев) на Большом проспекте Петроградской стороны, д. 45. В этом здании вышел первый номер газеты «Нур». В нем тогда размещалась восточная лито-типострофия Ильяса-мурзы Борганского¹⁵, совмещавшего издательскую деятельность с преподаванием на факультете восточных языков университета. Инициаторами установки памятника Атаулле Баязитову в год столетия со дня его кончины стали предприниматели-татары при поддержке Постоянного представительства Республики Татарстан в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Фамилии жертвователей высечены на постаменте.

Нельзя обойти вниманием две мемориальные доски памяти Гирея Алиевича Баирова (1922–1999),

установленные учениками талантливейшего детского хирурга, легенды детской медицины. Г. А. Баиров первым в стране начал проводить сложные операции новорожденным. За разработку и внедрение в клиническую практику новых методов оперативного лечения он стал лауреатом Государственной премии. В день 85-летия ученого, 25 мая 2007 года на одном из корпусов Государственной педиатрической медицинской академии по инициативе учеников Г. А. Баирова ректора профессора В. В. Левановича, профессора И. А. Комиссарова, профессора И. Б. Осипова, проф. В. И. Гордеева и др. появилась памятная доска (скульптор Станислав Голованов и Елена Берсенева): «В этом здании с 1949 по 1994 год работал выдающийся детский хирург Гирей Алиевич Баиров».

Родившийся в Крыму в Алуште, Баиров детские годы провел в Опочке Псковской области. Его мама была дочерью И. И. Игнатовича, талантливого ученика С. П. Боткина. В 1938 году Гирей Баиров поступил в 1-й Московский медицинский институт. С марта по август 1943 года находился на фронте в действующей армии, затем работал в госпитале. После демобилизации переехал в Ленинград, где в разные годы работал в больнице им. Раухфуса, в институте им. Турнера, в Педиатрическом институте. В 1960 году защитил докторскую диссертацию, в 1963 году был избран членом-корреспондентом АМН СССР. Неоднократно избирался членом парткома института и райкома КПСС. Для студентов-медиков книги Баирова стали хрестоматийными. Его научная деятельность широко известна как в нашей стране, так и за рубежом. Коллеги отмечают любопытный факт: около половины диссертантов Гирея Алиевича, а их численность превысила 130 человек, были с Востока.

Бывший ученик Г. А. Баирова доктор медицинских наук Э. В. Ульрих говорил об учителе: «...Он все знал и умел в детской хирургии, много оперировал, писал свои труды, читал лекции студентам, работал с диссертантами. Он был беспощаден к себе, требователен к другим, всегда хотел многого и, самое главное, умел его добиться. Он жил работой, был в ней с головой,

буквально как маршал в решающей битве. Когда шли операции по поводу атрезии пищевода у новорожденных, а также другие уникальные баировские хирургические неотложные вмешательства, мы обязаны были докладывать о поступлениях в клинику детей круглосуточно. Представляете себе: два-три звонка за ночь на квартиру. <...> Конечно, это была работа на износ. Но Баиров тащил воз добровольно. Он просто не мог иначе...»¹⁶

В 2009 году в день 10-летия со дня кончины Г. А. Баирова была установлена вторая мемориальная доска на 2-й линии Васильевского острова, 47 (скульптор А. С. Иванов) у входа в Детскую больницу № 2 (Святой Марии Магдалены). На доске высечено: «Основоположник уникальной школы детской хирургии, ученики и последователи которой трудятся и сегодня. Баиров Гирей Алиевич, профессор, доктор медицинских наук, член корреспондент Академии медицинских наук СССР, лауреат Государственной премии СССР, Главный дет-

ский хирург Ленинграда–Санкт-Петербурга работал в стенах детской городской больницы № 2 Святой Марии Магдалены (бывшей детской государственной больницы имени Н. К. Крупской) с 1959 по 1999 г.».

Сейчас можно сказать, что в Петербурге медицинскую помощь детям и взрослым оказывает династия Баировых, так как по стопам Гирея Алиевича пошли не только его сыновья.

В настоящее время мы наблюдаем интересное явление, когда в условиях возросшего национализма и ксенофобии национальная интеллигенция (врачи, научные сотрудники, преподаватели, деятели культуры), ассимилируясь в городском пространстве, но не теряясь и не исчезая в нем, стремится сохранить свою культуру, язык предков и, самое главное, память о выдающихся земляках, которыми они гордятся. Таким образом, горожане получают своеобразный урок по истории коренных народов СССР, представители которых издавна жили и живут в Петербурге.

¹ См. подр.: Тагирджанова А. Н. Восток – Запад. Извилистыми тропами к океану знаний // Многонациональный мир Петербургского университета. СПб., 2010.

² Низами – (пер. с перс.) «усовершенствующий».

³ Гянджа – один из древнейших городов Азербайджана, с 1935 года по 1991 год – Кировбад.

⁴ Цит. по: Битва Науфалия – иллюстрация к «Хамсе» // Пиотровский М. Б. О мусульманском искусстве. СПб., 2001. С. 96.

⁵ Полный список присутствовавших приведен по: Векилов А. П. Юбилей Низами в блокадном Ленинграде. СПб., 2003.

⁶ Болдырев А. Н. Осадная книга (блокадный дневник). СПб., 1998.

⁷ Векилов А. П. Юбилей Низами в блокадном Ленинграде. СПб., 2003.

⁸ Цит. по: Джалиль М. Красная ромашка. Казань, 1984. С. 455.

⁹ Паньков И. П. Рядом с поэтом // Трагедия Мясного бора. Сборник воспоминаний участников и очевидцев Любанской операции. СПб., 2010. С. 122–129.

¹⁰ Див – мифическое существо, дьявол.

¹¹ Пэри – злой дух.

¹² Цит. по: Тагирджанова А. Н. Книга о Мусе-эфенди, его времени и современниках. Казань, 2010. С. 52–54.

¹³ Императорский санаторий «Халила» – первый государственный санаторий для легочных больных в северной части страны открылся 1 июля 1889 года в деревне Халила Выборгской губернии (ныне пос. Сосновый Бор в Выборгском районе Ленинградской области). Канцелярия императора Александра III выкупила земельный участок с постройками и корпусами у доктора Владимира фон Дитмана, исследователя легочных заболеваний. Для расширения санатория Канцелярией Николая II были приобретены два земельных участка. В 1900 году санаторий «Халила» был передан благотворительному ведомству императрицы Марии Федоровны.

¹⁴ Новый энциклопедический словарь / изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., [1911]. Стб. 515–516.

¹⁵ Тагирджанова А. Н. Немного о восточных вечерах и издательской деятельности // Знаменитые универсанты в духовной жизни России. СПб., 2011.

¹⁶ Цит. по: Большаков А. Сердце хирурга (беседа с Г. А. Баировым) // Вақыт. Время. Санкт-Петербургский исламский альманах. СПб., 1993. С. 117.

Русский букварь для мигрантов

И. П. Лысакова

Кафедра межкультурной коммуникации РГПУ им. А. И. Герцена с 2005 года занимается проблемой адаптации мигрантов через свои образовательные программы (бакалавриат и магистратура). В 2006 году при кафедре создан Центр языковой адаптации мигрантов, который осуществляет помощь учителям поликультурных школ города по методике преподавания русского языка как неродного: проводит курсы повышения квалификации учителей, создает учебные пособия. Мы издали более 10 учебных пособий, среди которых «Мы говорим по-русски» (2 выпуска), «Технологии адаптации мигрантов» и др.

Большой резонанс получил выход в мае 2010 года в московском издательстве «Кнорус» учебно-методического комплекса (УМК) «Русский букварь для мигрантов». УМК состоит из четырех частей: 1. Учебное пособие (Лысакова И. П., Бочарова Н. А., Розова О. Г.), 2. Рабочая тетрадь для ученика (Лысакова И. П., Уша Т. Ю., Розова О. Г., Матвеева Т. Н., Филимонова Т. А., Рашидова Д. Т.), 3. Игровой мультимедийный тренажер «Мой веселый день» (Миловидова О. В., Рашидова Д. Т.), 4. Методическое руководство для преподавателя (Лысакова И. П., Бочарова Н. А., Розова О. Г., Уша Т. Ю., Миловидова О. В.). Этот комплекс может использоваться в качестве корректировочного сопровождения к «Азбуке» для русских школ на уроке и на дополнительных занятиях в группе детей-мигрантов.

Необходимость создания для российских полиэтнических школ такого УМК обусловлена тем, что русские «Азбуки» обычно ориентированы на базовый культурный уровень семилетнего носителя русского языка, на развитие его речи и привитие ему культуры чтения, расширяющего детский кругозор и формирующего у ребенка русскоязычную картину мира. Поэтому первые уроки в азбуках для российских общеобразовательных школ сделаны на материале русских фоль-

И. П. Лысакова

клорных произведений (сказок, прибауток, потешек, поговорок), известных русскоязычным детям по занятиям в российских дошкольных учебных заведениях и в семье. Этот материал *незнаком* детям-инофонам и является причиной возникновения *культурного шока* на первых

же занятиях по русскому языку, не способствуя социокультурной адаптации ребенка-инофона.

Созданный нами букварь адресован детям, которые не знают по-русски слов, не знают по-русски букв. И поэтому методика обучения в этом букваре отличается от русской азбуки тем, что мы прежде всего учим детей фонетике, как произносить звуки: в букваре много заданий на фонетическую зарядку, чтобы научить мягкости и оглушению согласных, фонетическим законам русского языка. Есть упражнения и для овладения русской интонацией.

Предлагаемый учебно-методический комплекс поможет подготовить ребенка, не владеющего русским языком, к поступлению в первый класс российской школы и может использоваться в качестве корректировочного сопровождения к «Азбукам» для русских школ на уроках и на дополнительных занятиях в группе детей-мигрантов для подготовки домашних заданий.

Знание русского языка является основным показателем

Коллектив кафедры межкультурной коммуникации РГПУ им. А. И. Герцена с наградами за «Букварь для мигрантов»

способности мигрантов адаптироваться в России: не случайно Правительство Санкт-Петербурга включило в бюджет программы «Толерантность-2» (2011–2015 годы) статью о закупке Комитетом по образованию Санкт-Петербурга «Русского букваря для мигрантов». Первого сентября 2011 года 6400 комплектов этих учебников были подарены поликультурным школам города.

Выход в свет «Русского букваря для мигрантов» был расценен журналистами как выполнение настоящего социального заказа. Высокое профессиональное исполнение этого заказа получило признание и педагогической общественности. 26 октября 2011 года коллектив авторов этого пособия был удостоен медали лауреата на Всероссийской выставке «Образовательная среда 2011», а 18 апреля 2012 года наш проект «Русский букварь для мигрантов» получил Гран-при на VI Международном конгрессе-выставке «Global Education – Образование без границ 2012».

Таким образом, опыт кафедры межкультурной коммуникации РГПУ им. А. И. Герцена, инициированный в 2006 году созданием Цен-

Призы VI Международного конгресса-выставки «Global Education – Образование без границ 2012»

тра языковой адаптации мигрантов, получил признание.

Однако осталось еще много проблем, важных для решения социальных вопросов в области обучения мигрантов русскому языку для их интегрирования в поликультурный социум современного мегаполиса. Это маленькие тиражи вышедших учебных пособий, отсутствие финансирования дополнитель-

ных занятий по русскому языку с мигрантами (дети и взрослые), отсутствие финансирования семинаров для учителей по работе с «Русским букварем для мигрантов», отсутствие финансирования Центра языковой адаптации мигрантов. Мы надеемся, что Правительство Санкт-Петербурга с помощью программы «Толерантность-2» поможет решить эти проблемы.

Библиотека — путь к взаимопониманию

Г. И. Бутурович

Наш город – многонациональный. Это значит, что рядом с нами живут люди разных национальностей и вероисповеданий, и общаться всем нам надо без предвзятости. А помочь в этом могут книги. Только книги не имеют себе равных по полноте информации, по глубине проникновения во внутренний мир человека. Именно они могут оградить нас от бездуховности, предвзятости, озлобленности, охватившей наше общество в последнее время. Книги помогут понять и услышать друг друга, построить мосты дружбы, вместе попутешествовать во времени и пространстве культур и традиций разных народов.

С распадом СССР в массовых библиотеках города резко сократи-

лись или исчезли совсем разделы литературы не только наших бывших республик, но и национальностей, сейчас входящих в состав России. Единственный в городе отдел национальных литератур в РНБ работает в режиме читального зала, что существенно ограничивает круг пользователей.

В нашем городе только по переписи 2010 года проживает около 1 млн жителей из числа национальных меньшинств (20%), а реально их еще больше.

В конце 80-х годов прошлого века в Ленинграде на общественных началах стали создаваться первые общественные национально-культурные объединения (НКО), а позднее в 1989 году была создана

объединяющая организация «Дом дружбы народов СССР», позднее преобразованная в Дом национальных культур.

Дому национальных культур было предоставлено большое помещение в ДК им. С. М. Кирова. И вот здесь НКО впервые получили возможность иметь свои офисы, а следовательно, и создавать свои библиотеки, ведь библиотека, прежде всего, требует постоянного помещения. Пионерами библиотечного дела были евреи – уже в 1989 году они имели большую полноценную библиотеку. Создали свои библиотеки украинцы, латыши, абхазы, греки, корейцы и др. Фонды этих библиотек в основном формировались на общественных началах – из

домашних библиотек. Часть книг поступала также из библиотек разоренных крупных предприятий и НИИ города. Но в 2001 году здание ДК им. С. М. Кирова было продано, а Дом национальных культур практически оказался на улице. НКО, базировавшиеся в ДК им. Кирова, вынуждены были в одиночку решать свои проблемы, искать крышу в своих консульствах, представительствах, в церквях, арендовать помещения постоянно или время от времени. Часть библиотек пришлось раздать по домам, законсервировать в гаражах и на дачах до лучших времен.

Только в 2005 году ситуация разрешилась созданием государственного учреждения «Дом национальностей», который получил свое помещение в центре города на Моховой улице 15. Но создание полноценной массовой библиотеки там не предполагалось, а организована лишь небольшая специализированная библиотека при методическом кабинете (в основном издания ГУ «Дома национальностей», юридические, законодательные и т. д.).

В итоге за прошедшие 20 лет из более 50 НКО города только 7–8 сумели сохранить или создать вновь свои библиотеки. Как правило, они существуют на базе национально-культурных центров (НКЦ), а это возможно только для тех НКО, которые имеют достаточно сильную финансовую поддержку. Это еврейский, литовский, польский, финский НКЦ. Действует библиотека при консульстве Латвии. Армянская и грузинская библиотеки работают при своих церквях. У таких библиотек есть свои достоинства. Однако в большинстве случаев профессиональный и организационный уровень таких библиотек не высок – сказываются отсутствие каталогов, соответствующих помещений, оборудования, техники, квалифицированных библиотечных кадров и, главное, средств на систематическое приобретение книг и периодической печати. Некоторые библиотеки работают только по выходным дням или вообще нерегулярно. Кроме того, из-за своей обособленности они малодоступны читателям, не связанным с НКО.

Таким образом, в городе практически отсутствовала общедоступная, достаточно эффективная система

Горана Бутурович – куратор проекта «Библиотека национальных литератур» МЦБС им. М. Ю. Лермонтова. Апрель 2012 г.

библиотечного обслуживания представителей различных национальностей.

Поэтому понятен энтузиазм НКО, с которым была воспринята совместная идея Ассоциации НКО СПб «Лига наций» и МЦБС им. М. Ю. Лермонтова создать объединенную библиотеку национальных литератур (БНЛ) на базе уже действующей городской библиотеки.

В 2006 году такая библиотека была создана при активной поддержке Комитета по культуре Правительства Санкт-Петербурга в рамках городской программы «Толерант-

ность». МЦБС им. М. Ю. Лермонтова предоставила помещение библиотеке и сделала все возможное, чтобы она отвечала современным требованиям библиотечного дела. Сейчас мы располагаем большим красивым залом в филиале № 5 – Библиотеке им. А. С. Грибоедова, расположенной в самом центре города вблизи метро. Компьютерное оборудование, демонстрационная техника, электронный каталог, Интернет, новая библиотечная мебель, возможности для проведения культурно-массовой работы – все это создает идеальные условия и для читателей, и для проведения мероприятий.

И НКО сразу восприняли библиотеку как свою. Именно они принесли сюда первые книги, те, что когда-то собирали в своих обществах. Они помогали в переводах с национальных языков при создании электронного каталога, в благоустройстве библиотеки. Еще до официального открытия библиотеки в декабре 2006 года здесь начали работать литературные клубы, творческие объединения.

МЦБС стала целенаправленно приобретать соответствующие нашей тематике книги. Однако таких книг в продаже тогда было немного, тем более на национальных языках. Поэтому мы обратились к национальным библиотекам России и ближнего зарубежья с просьбой помочь нашей библиотеке в формировании книжных фондов. И везде

Национальные издания современного Петербурга

Детская выставка «Палитра подвига»

тателей. Так, сейчас велик интерес к истории своего народа и края. И мы приобретаем новые книги по истории разных народов, например, десяти томную «Историю казачества», уникальные энциклопедии – «Тартарика. Этнография»; Атласы истории, культуры, этнографии Башкортостана, Сибири; Северная энциклопедия, карты, в том числе объемные, и многое другое. Интересны подборки книг по национальным проблемам, по религиям, например, по истории, философии и искусству ислама, семитомник «Толкования Корана», энциклопедия «Ислам в Петербурге».

Одним из направлений нашей деятельности является формирование фонда «Регионы России». Уже сейчас у нас есть книги о краях, областях, городах России от Хабаровска до Калининграда. В Петербурге проживает немало выходцев из разных регионов нашей страны. Надеемся, и это наше начинание будет востребовано и поддержано городскими региональными общественными организациями.

Особая наша миссия – сохранение периодических изданий национально-культурных объединений Петербурга. Это уникальные издания, порой издаваемые просто на компьютере, иногда недолговечные или на время прекращающие свою деятельность (обычно из-за недостатка финансирования), но в материалах этих изданий бьется

мы встречали понимание и реальную помощь. В настоящее время не менее 30% фонда – это дары Российской национальной библиотеки, Национальных библиотек Татарстана, Чувашии, Карелии, Литвы, Латвии, министерств республик Ингушетии и Северной Осетии, Генеральных консульств и представительств Литвы, Эстонии, Украины, Казахстана, Татарстана, Чувашии, Якутии, Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ, Союза журналистов Узбекистана и многих других организаций. Наши читатели, доброжелатели, заинтересованные лица и организации и сейчас часто дарят книги, порой очень ценные и редкие, как на русском, так и национальных языках.

Сейчас наша библиотека в основном сама приобретает книги, и у нас появилось много современной литературы, изданной как в России, так и в странах ближнего зарубежья. У нас представлена литература народов более 40 национальностей, проживающих в Петербурге. Наш фонд постоянно пополняется новыми книгами не только на русском языке, но и на украинском, белорусском, армянском, литовском, татарском и других языках. Это и художественная литература, и научно-популярная, а также словари, учебники национальных языков, в том числе учебники русского языка для мигрантов, энциклопедии,

справочники. Фонд насчитывает более 7000 книг и 20 периодических национальных изданий.

По просьбе Санкт-Петербургского общества эстонской культуры и Генерального консульства Эстонии в 2009 году мы выделили специальное помещение для библиотеки эстонской книги – это более двух тысяч книг на эстонском и русском языках. Большинство этих книг – собственность Санкт-Петербургского общества эстонской культуры.

Мы стараемся откликаться на интересы и потребности наших чи-

День эрзянской культуры

пульс жизни национального движения Петербурга. Хочется сохранить эту «живую историю» нашего многонационального города.

Уходит то время, когда библиотеки были в основном книгохранилищами, а взаимоотношения библиотекаря и читателя ограничивались операцией «прием-выдача литературы». Сейчас библиотеки все чаще становятся культурными центрами, где посетители могут не только удовлетворить свой интерес к чтению или потребность в информации, но и поучаствовать в разных мероприятиях – презентациях книг, встречах с писателями, поэтами, художниками, интересными людьми, открытиях выставок, круглых столах, конференциях, лекциях. Таким центром является и Библиотека национальных литератур.

С самого начала нашей деятельности библиотека стала местом встреч для людей неравнодушных, творческих, тех, кто интересуется культурой, литературой, искусством, языком, краеведением, историей своего народа, края. Люди к нам приходят не только поучаствовать в тех или иных наших мероприятиях, но и со своими инициативами, предложениями, и мы с удовольствием с ними сотрудничаем, поддерживаем интересные начинания.

У нас собрался довольно большой круг партнеров, друзей, коллег – культурные, национальные, краеведческие объединения, научные и другие творческие коллективы, вузы, общеобразовательные и художественные школы, музеи, библиотеки, с которыми мы организуем совместные мероприятия у нас в библиотеке и на других площадках города.

Вот только несколько наших мероприятий в 2011 году: лекции-концерты «Татарское классическое искусство в мировой культуре», организованное Татарской НКА и Обществом «Зов к культуре»; «Махтумкули Фраги – великий туркменский поэт, основатель туркменской письменности» (Общество культурных связей с Туркменистаном); День чувашской письменности, посвященный замечательному чувашскому просветителю, основоположнику современной чувашской письменности И. Я. Яковлеву (Чувашская молодежная инициативная группа СПб и Ленобласти); круглый стол «Русский язык как фактор граждан-

Карта-путеводитель
«Многонациональный Петербург»

ской идентичности РФ» (Научный центр «Петрополь»); демонстрация и обсуждение документального фильма «Добро пожаловать!» о послереволюционной русской эмиграции в Сербию; выставка рисунков детей Чечни «Война в моей жизни». А за несколько месяцев 2012 года – это круглый стол «Национальная политика в современной РФ» (НЦ «Петрополь»); диктант по латышскому языку (к Международному дню родного языка), презентация книги Игоря Кондратьева «В поисках невымышленного Сампо» (к Международному дню Калевалы), молодежный конкурс плакатов на тему толерантности (редакция

газеты «Туран»), Гоголевский вечер (1 апреля – день рождения Н. В. Гоголя) и др.

В наших залах проходят выставки – художественные, тематические, книжные, этнографические, краеведческие, детские. Несколько выставок организованы совместно с нашим партнером – мемориальным музеем «Разночинный Петербург», в том числе выставка под названием «Мы все петербуржцы, мы все – земляки». Это девиз и нашей Библиотеки национальных литератур.

Благодаря поддержке МЦБС им. М. Ю. Лермонтова мы совместно с РОО «Дом национальных культур» и НЦ «Петрополь» начали осуществление давно задуманного уникального проекта – издание Карты-путеводителя «Многонациональный Петербург», призванной показать влияние представителей «наших» национальностей на формирование облика Петербурга, их участие в различных сферах жизни и деятельности города. Первый выпуск, изданный в 2010 году к Дню толерантности, охватил в основном Адмиралтейский район города. Сейчас подготовлен второй выпуск, посвященный Центральному району.

Совместно с РОО «Дом национальных культур» мы уже несколько лет осуществляем проект «Всех нас связующий язык...», посвященный русскому языку, без которого немыслима многонациональная Российская Федерация и мирное сосуществование в нашем

Урок русского языка для афганцев ведет студентка из Хорватии

многонациональном городе. Цель проекта – популяризация национальных культур через русский язык, пропаганда русского языка и содействие мигрантам в его изучении. В рамках этого проекта была создана выставка «Всех нас связующий язык...», рассказывающая о национальных писателях и переводчиках, благодаря которым национальные литературы становятся доступными нам. В этом году мы проводим конкурс творческих работ – сочинений на тему русского языка как языка межкультурной коммуникации среди школьников, студентов, всех желающих. Мы организуем занятия по русскому языку для мигрантов. Наш постоянный партнер – кафедра межкультурной коммуникации РГПУ им. А. И. Герцена, где был создан первый в РФ русский букварь

для детей-инофонов, для которых русский язык не является родным.

У нас также проходят занятия по национальным языкам и культуре.

В содружестве с национально-культурными объединениями Петербурга наша библиотека участвует и в общегородских мероприятиях. Несколько лет к Международному дню толерантности МЦБС им. М. Ю. Лермонтова организует цикл мероприятий в библиотеке и на площадках города, готовит передвижные баннерные выставки, посвященные культуре и литературе разных народов: например, «Всех нас связующий язык...», «Магия национальной сказки», которые затем демонстрируются в школах, библиотеках, других учреждениях города. Ежегодно МЦБС им. М. Ю. Лермонтова участвует в

мероприятиях на Международной книжной ярмарке в Ленэкспо. Совместно с НКО Петербурга мы неоднократно проводили публичные чтения стихов на национальных языках, а в 2011 году провели презентацию Карты-путеводителя «Многонациональный Петербург».

Библиотека национальных литератур всегда рада новым читателям, новым идеям, предложениям, совместным проектам. Будем друзьями!

Все наши новости, афиши, новинки книг представлены на сайте МЦБС им. Лермонтова <http://www.lplib.ru/bnl/>.

Наш адрес: м. «Сенная пл.»,

Гороховая ул., 41

(вход во дворе, слева,

Библиотека им. А. С. Грибоедова, тел./факс: 310-05-64).

Свидетели социализма (по материалам воспоминаний жителей Кировского района Ленинградской области)

В.А. Бунакова

Все дальше от нас уходит в прошлое первая половина XX века, остается все меньше в живых тех, кто жил и трудился в то время. Тем ценнее становятся для потомков воспоминания о повседневной жизни очевидцев 30–40-х годов прошлого столетия.

Предлагаемый читателям материал основан на воспоминаниях жителей Кировского района Ленинградской области, района, непосредственно примыкающего к Санкт-Петербургу. Эта территория в 1927–1941 годах административно относилась к Мгинскому району, после войны входила в Тосненский район, а в 1977 году был образован Кировский район.

В годы первых пятилеток продукция областной промышленности стала намного разнообразнее, чем в дореволюционное время. Ведущее место в экономике занимала добыча местных видов

топлива, в первую очередь – торфа. В решении 4-й объединенной областной и городской Ленинградской конференции ВКП(б), проходившей в январе 1932 года, особо подчеркивалась задача «всемерного расширения и углубления топливной и энергетической базы ленинградской промышленности, своевременного пуска всех строящихся электростанций, широчайшего использования местных топливных ресурсов (торф, уголь, сланец, шунгит)».

Добыча торфа возрастала с каждым годом. В 1924 году она составляла 100 тысяч тонн, в 1929 году – 430 тысяч, в 1939 году – 3,9 млн тонн. Усиленно разрабатывались торфяные месторождения на Ириновских, Синявинских и Назиевских болотах. Последние два месторождения находились на территории Мгинского (ныне – Кировского) района области.

Торфоразработки стали не только местом экономической борьбы за социализм, но и плацдармом для формирования «нового советского человека», а также «перековки» «попутчиков» и «социально далеких элементов». Предполагалось, что высокая цель строительства социализма должна была изменить мировосприятие людей, ставших добровольно или принудительно строителями новой жизни. Однако условия труда и быта были чрезвычайно тяжелы, особенно для тех, кто должен был «перековываться». Об этом можно судить по сохранившимся воспоминаниям жителей Кировского района, находившимся в 1930-е годы на Синявинских и Назиевских торфоразработках.

Отдел трудовых переселений Управления НКВД по Ленинградской области (ОТП УНКВД ЛО) начал формирование кадров для торфоразработок в 1930 году. На

Железнодорожная школа в пос. Мга. 1947 г. Фото из музея школы

Синявинских торфоразработках находилось 6374 спецпереселенца. Среди них были и бывший зажиточный хуторянин И. П. Шевелев с семьей, поселенные на Медвеьем острове Синявинских болот в спецпоселке № 8. Сохранились воспоминания его сына – Анатолия Ивановича Шевелева, записанные в 1992 году.

Спецпоселок находился на песчаном острове площадью около двух кв. км и насчитывал примерно 60 зданий, включая бараки для жилья, дома для администрации и административно-служебные здания (комендатуру, пожарное депо, филиалы обувной и швейной артелей, магазин, столовую, Дом культуры, два здания школы, детский сад, поликлинику, больницу, баню, сушилку – «вошебойку», две «кипятки»). Все спецпереселенцы, проживавшие в области, размещались во временных помещениях.

«По технологическим условиям добычи гидроторфа, – вспоминал Анатолий Иванович, – везде стирались ровные, как стол, так называемые поля разлива, перерезанные осушительными канавами. Все другие поселки торфопредприятия прижимались к лесу, а наш был специальным, поэтому от бывшего леса остались 2–3 березы, одна из которых росла возле комендатуры. Вокруг поселка не было никакой растительности, и мы, ребяташки, очень скучали по лесу». Вспоминая, какие мысли посещали тогда его, мальчишку, он писал, что однажды взбежал на горюшку в Синявине,

глянул с высоты на торфоразработки и подумал: «И в этой черной яме обречены жить? За какие грехи?» Гиблые места наводили тоску одним своим видом. Мать А. И. Шевелева, дочь священника, работала парикмахером, «раскулаченный» отец – «на торфе», на формовочной машине по 12 часов в сутки.

Ограничений у спецпереселенцев было немало. Выезжать за пределы торфопредприятия можно было только с разрешения коменданта поселка. Единственная тропа вела к поезду «Синявино – Ленинград», на ней выставлялись специальные «заставы». Нарушители режима строго наказывались. В магазинах были спецотделы для сезонных вольнонаемных рабочих с разнообразным ассортиментом продуктов и промышленных товаров (за сезон их

Железнодорожная школа в пос. Мга. 1930 г.

приезжало из центральных районов России в район Синявино до шести тысяч человек), однако члены семей спецпереселенцев не имели право покупать там продукты.

Центром духовной жизни был местный Дом культуры, который посещали все жители поселков. Там показывали кинофильмы, работала библиотека, кружки художественной самодеятельности, фотокружок. Дети учились в неполной средней школе, в которой одна из учительниц называла детей спецпереселенцев «кулацким отродьем». Результатом подобного отношения части населения к спецпереселенцам было стремление последних во что бы то ни стало вырваться из этих мест. Формирование преданных власти людей явно затягивалось самими условиями существования спецпереселенцев. Как насильственное, так и добровольное формирование «нового человека» шло, по существу, в одних и тех же производственных и бытовых условиях, с той только разницей, что вольнонаемные могли поменять «среду обитания», в то время как путь строительства социализма в болотах для спецпереселенцев был предопределен.

Учительница Н. У. Титова, работавшая в Назиевской школе с 1931 года, в своих воспоминаниях писала о том, как тяжело было детям из соседних деревень совершать ежедневные переходы в школу по 6–10 км. Однако хуже всего было детям рабочих, жившим в бараках-общежитиях на первой линии Назиевстроя. Внутри барака во всю длину помещения располагалась, по сути, одна комната. Посреди нее – проход, а по стенам стояли топчаны, у самого входа находилась одна большая плита, на которой женщины готовили ужин (обедали все в общественной столовой). В таких бараках постоянно стояли гул и крики. Жилищные условия самих учителей были ненамного лучше: отдельные комнаты имели только семейные учителя. Молодежь жила в комнатах по два-три человека. «Однако, – вспоминала Н. У. Титова, – несмотря на трудные условия, настроение учителей и учеников было хорошим, работали и учились, как тогда говорили, «с огоньком». Школа была центром воспитания детей. Директор школы П. Р. Севердалкин не допуская

никаких поблажек, не ущемляя в то же время достоинства и интересов детей, приучая их к ответственности за свои поступки. Так, когда сын одной из учительниц разбил гипсовый бюст в рабочем клубе, директор устроил его работать на стадион, чтобы он мог заработать нужную сумму и уплатить штраф, хотя мать предлагала свои деньги.

Ощущения молодежи относительно их будущего и важности происходящего отражены в воспоминаниях жительницы Кировского района Н. С. Степановой. Когда началось строительство Назийского горфопредприятия (1928–1929 гг.), ей было 14 лет. Отец погиб в годы Гражданской войны, мать одна воспитывала пятерых детей, поэтому юная Надя пошла работать «на изысканиях», где визировали, прорубали просеки для канав и узкоколейки. Она вспоминала: «Бывало, по грудь находились в воде. А мастер говорил, что “пройдет пять лет – и никто уже не вспомнит, как тут было. Когда по этим местам пойдут поезда, то пассажиры будут только спешить занять лучшее место в вагоне. Хорошая будет жизнь!”»

Вера в лучшее счастливое будущее помогала переносить тяготы повседневной жизни. Государ-

ственная пропаганда формировала у работавших людей чувство хозяина своей страны. Значительная часть молодежи ощущала, что это их власть, поскольку она давала молодежи возможность массового образования, повышения своего социального статуса. И хотя мироощущение жертв репрессий было существенно иным, часть из них под влиянием большевистской идеологии, реальных успехов в экономике, социальной сфере и культуре начала разделять позитивные эмоции населения по поводу реальных и мнимых успехов советской власти.

В годы Великой Отечественной войны Ленинградская область пострадала очень сильно. На территории Мгинского района находились немецкие войска (взятием Шлисельбурга 8 сентября 1941 года замкнулось кольцо блокады), здесь осуществлялся прорыв блокады, а затем и ее полное снятие (Мга была освобождена 21 января 1944 года). После окончания войны население области стало восстанавливать разрушенные врагом города, поселки, села и деревни. То был невероятно тяжелый и зачастую опасный труд.

Очень важно было наладить электроснабжение Ленинграда и области, поэтому стали быстро вос-

становиваться ГЭС и Дубровская ГРЭС им. С. М. Кирова. Первыми к стенам электростанции на Неве пришли саперы. От миноискателей им пришлось отказаться, поскольку в наушниках стоял непрерывный писк от мин, которыми была напичкана вся земля. В поселке при ГРЭС ходили лишь по узким протоптанным дорожкам, так как вокруг все было заминировано. Житель г. Кировска И. Соколов, тогдашний монтажник одного из цехов станции, вспоминал: «Горько было смотреть на гордость нашей энергетики. Поселка Невдубстрой (давнего начало нынешнему городу Кировску. – В. Б.) не существовало. Пустыми глазницами окон смотрели только шесть коробок теплобетонных домов. Довоенный Парк культуры с вековыми деревьями был уничтожен».

Жительница еще довоенного Невдубстроя А. Ф. Малиновская в своих воспоминаниях отмечала, что очень трудно было вести восстановительные работы не только потому, что «кругом были одни только камни и земля <...> станция вся висела на арматуре», но и бытовые условия были очень тяжелыми. «Жили мы в землянках и юртах из трех листов фанеры, куда помещались только

Педагогический коллектив Мгинской железнодорожной школы. 1940 г.

две кровати. Затем стали возводить временное жилье – стандартные деревянные бараки».

6 марта 1946 года возрожденная неимоверными усилиями ГРЭС дала Ленинграду первый ток, а в декабре 1950 года, после установки современной техники, станция вышла на довоенную мощность.

В 1949 году показатели промышленности Ленинградской области достигли довоенного уровня и даже начали его превышать. В Назии шла добыча торфа и велась торфоразработка. В одном из осенних номеров 1949 года местной газеты «За торф» была напечатана передовая статья, в которой говорилось: «Гидроторфисты успешно на 24 дня раньше срока выполнили сезонный план добычи. Это большая победа, ее завоевали в упорном труде люди».

Действительно, производственные планы выполнялись на 120–200%, люди работали, не жалея сил. Однако бытовые условия в поселке были плохими, рабочие жили в бараках, на весь поселок была одна небольшая баня, в Назии была одна поликлиника и больница. Больных же было очень много, в сезон на торфопредприятии работало до 25 тысяч человек. Врачи вспоминали, что санитарных машин больница тогда не имела, да и дороги в рабочие поселки были непроходимыми. Тяжелобольных на носилках на большие расстояния носили санитары.

Работавшая на торфоразработках в поселке Синявино Н. И. Яковлева вспоминала, что всю одежду для работы выдавали на производстве: мужчинам полагались брюки, рубашки, фуфайки, брезентовые плащи, на ноги – чуни (веревочные лапти) и брезентовые сапоги; женщинам – брезентовые плащи, платья, женские брюки, фуфайки, чуни и туфли. Е. И. Киселева в своих воспоминаниях указывает, что «электричество в Синявино было и в землянках, и в бараках, и во всех жилых помещениях уже в 1946 году. А вот газет не было, только – радио, тарелка громкоговорителя висела на столбе». Однако народ не унывал, он умел не только работать, но и веселиться: работали клуб и библиотека, «крутили» кинофильмы, устраивались концерты художественной самодеятельности. Все воспоминания объединяет утверждение того, что люди в тех почти нечеловеческих

Карта Ленинградской области.
Фрагмент. 1932 г.

условиях жили верой в лучшее будущее.

Одним из трех самых крупных железнодорожных узлов области была Мга, куда сразу по окончании военных действий направили большую группу железнодорожников. Среди них был и Н. Д. Аверкин, бывший фронтовик, позднее – почетный житель Мги. С 1947 по 1957 год он работал инструктором паровозных бригад. В своих воспоминаниях он особо обращал внимание на то, что в разрушенной Мге самой тяжелой была жилищная проблема. Жители ютились в землянках и вагончиках, с 1946 года «по репарации» из Финляндии стали привозить «финские домики» – сборные деревянные щиты с утеплителем. Однако в целом это не решало острой жилищной проблемы.

Немалый интерес представляют его сведения о работе железнодорожников и о самой дороге: «Работавшие на железной дороге имели льготы: два раза в году они могли ездить бесплатно: один раз – проехать по Октябрьской железной дороге, второй – по любой другой в СССР. Дисциплина на дороге была почти военная, по поездкам можно было проверять часы. Допускалось лишь трехминутное опоздание, за пятиминутное опоздание бригада «вызывалась на ковер». Пригородные поезда ходили точно по графику, в выходные дни пускали дополнительные составы. Зарплату давали всегда вовремя. А переработки оплачивались дополнительно».

В селах и деревнях постепенно отстраивались жилые дома и хозяйственные постройки. Государство помогало колхозникам материально, инвентарем, денежными средствами. Уже к концу 1946 года в области было восстановлено 1167 колхозов. Однако крестьянская жизнь оставалась очень трудной. Уроженец дер. Соллогубовка Мгинского района П. А. Фомичев вспоминал: «Жили очень бедно. Наша семья купила козу, вот этим молоком и питалась вся семья. Еще вязали мережки, ставили сети на речке Мга, на мелководье ходили ловить рыбу вилкой. Подростки работали наравне со взрослыми, косили сено, пахали на лошадях. Была в колхозе машина – единственный ГАЗ – АА, военного образца».

Почти все жители деревни были староверами, дети воспитывались в строгости, старших слушали и подчинялись беспрекословно. Курить запрещалось, выпивали только по большим праздникам. Деревня славилась своими столярами и плотниками, подростки и уцелевшие на войне мужики ходили от одного пепелища к другому, поднимали всем миром деревню из руин».

Особенно тяжелыми были послевоенные пять лет. Завотделом колхозного строительства Мгинского района А. А. Романов (участник Великой Отечественной войны, почетный житель Мги) писал в своих воспоминаниях, что вставать ему приходилось почти каждый день в 4 часа утра для поездок по колхозам: «Колхозы были мелкие, бедные, рабочих рук не хватало. Недоставало корма для скота, он в буквальном смысле слова падал с ног; коров подвешивали на балки, так как они не могли стоять». После напряженного рабочего дня возвращался он домой в 11–12 часов ночи. Когда к 1950 году началось укрупнение колхозов, дела пошли на лад.

Уроженка района А. Ф. Метсо вспоминала, что когда после эвакуации она в августе 1944 года возвращалась поездом в родные места, то после станции Войбокало все вокруг путей было разбито, некоторых станций не было вовсе, вместо них стояли будки с надписями. Во Мге она трудилась в депо, где помимо гражданских работали ротные солдаты из штрафников (тех, кто попал в окружение во время войны). Рабо-

та была очень тяжелой: разгружали вагоны с цементом, грузили бревна. Зимой 1945 года их отправили на погрузку вагонов в лес, где 10 человек должны были загрузить 10 вагонов, то есть на каждого полагалась норма – один вагон леса. «Снегу – по пояс, еды было очень мало, в основном ели мороженую рябину». С 1946 года вместе с отцом начали строить для себя дом. Она отмечала, что «жилось поначалу очень тяжело, не было необходимых предметов домашнего обихода, одежды. Все необходимое собирали в немецких землянках, бункерах, траншеях. В воинской части (где она стала работать с 1947 года. – В. Б.) давали карточки на еду и валенки. С 1948 года жить стало легче – с фронта пришел муж, отменили карточки, несколько раз снижали цены». Она сама стала работать на железной дороге, получая по 60–70 рублей в месяц (буханка хлеба тогда стоила три рубля), а потом семья обзавелась коровой, появилась возможность продавать в Ленинграде молоко. Оттуда же привозились свежие новости, поскольку газет они не выписывали, а радио тогда в доме не было, как, впрочем, и у большинства жителей Мги, находившейся всего в 50 км от Ленинграда. Первое время после войны во Мге не было даже здания почты, поэтому всю корреспонденцию почтальоны приносили им на работу.

Восстанавливалась сеть учреждений народного образования, культуры, здравоохранения. Самым тяжелым был, по мнению бывшего директора школы пос. Жихарево Е. О. Петрова (участника Великой Отечественной войны, почетного жителя Мги) 1946 год. Недоставало еды, одежды: «Дети голодали и часто на занятиях падали в голодные обмороки. Ели отруби, но и они были очень дорогими – стакан отрубей порой составлял полови-

ну зарплаты. Послевоенные дети вообще были очень “тяжелыми” – психологически травмированы. Многие из них не имели отцов. Однако тяга к учению была буквально у всех учеников». Учебники школьники получали бесплатно, школа давала и талоны на покупку школьной формы.

Народ нашей страны перенес великие страдания и жил надеждой на лучшую жизнь, мирясь с нехваткой денег, бытовыми неудобствами, тяжелыми условиями труда. В течение 1946–1950 годов трижды прошло снижение цен, в декабре 1947 года в СССР была отменена карточная система на продовольственные и промышленные товары, проведена денежная реформа. Учитель Е. О. Петров, единственный из ныне живущих авторов собранных юными краеведами Кировского района воспоминаний (сегодня ему 92 года), рассказал о том, каким праздником это стало для всего населения: «В магазинах появился большой ассортимент: крупы, сахар, печенье, конфеты, рыба разных сортов, икра и проч.».

Молодежь того времени не только стремилась к знаниям, но и жаждала общественного самоуправления. Немалую роль в восстановительных работах играли комсомольско-молодежные бригады. Желавших вступить в комсомол, вспоминала «комсорг по лесу» А. В. Пескарева, было очень много. Всем хотелось побыстрее восстановить свою страну и создать нормальные условия для жизни не только своей семьи, но и всех вокруг.

Л. М. Брызгалова, первый директор Мгинской детской художественной школы, проживавшая в районном центре с 1939 года, вспоминала, что до войны Мга была очень нарядной и чистой: «Тогда было много деревянных домов с резными украшениями, в палисадниках

выращивалось очень много цветов, особенно георгинов. Очень красивым был деревянный, весь резной железнодорожный вокзал. Все это было уничтожено войной».

Время и война сделали свое дело, пройдясь тяжелым катком по всей территории нынешнего Кировского района. Осталась только память о былых красотах царской резиденции «Пелла» (архитекторы И. Е. Старов, Н. А. Львов), предназначенной прославить эпоху Екатерины II и завершить цепь дворцовых ансамблей на водных просторах от Ораниенбаума на Финском заливе до Пеллы на Неве, о дворянских усадьбах этих мест, живописных деревнях и селах.

Во всех воспоминаниях о 1930–1940-х годах есть важный момент: людей объединяла одна общая большая идея, придававшая их существованию высокий смысл. Это были осуществленные идеи индустриализации, победы в Великой Отечественной войне, скорейшего восстановления послевоенного народного хозяйства. Была и неосуществленная идея построения коммунизма. Но стоящие перед народом цели всегда были высокими, поэтому ради их достижения люди были способны терпеть любые невзгоды.

Сегодня мы должны стремиться сохранить хотя бы память о тех людях, которые в сложнейшее время социалистического эксперимента 30–40-х годов XX века жили и работали на территории многострадальной Ленинградской области, не жалея сил и здоровья, вносили свой вклад в развитие и восстановление этих мест. Эти люди – часть массового, труднопредставимого сегодня единого трудового подвига, совершавшегося нашим народом во имя сохранения страны, на благо Родины, подвига, цена которого чрезвычайно высока.

Не винтики, но электроны!

Т. М. Смирнова

Революционное преобразование общества – социальный катаклизм огромного масштаба, кардинально меняющий жизнь общества в целом и каждого индивида в отдельности. Свергнутые и побежденные классы и слои теряют свою субъектность и превращаются в обывателей. Напротив, победители становятся создателями нового мира, преобразуя не только его, но и себя. Великая российская революция 1917 года и строительство общества всеобщей справедливости как цели человеческих стремлений вызвали небывалый социально-культурный подъем огромных масс, осознавших себя субъектами Истории. Энтузиазм, творческий почин, стремление к образованию, овладение техникой, отсутствие психологических преград для творчества и свершений – такой настрой открывал, поднимая человека над обыденностью и бытом, превращая его жизнь в Бытие. «Нам нет преград ни в море, ни на суше» – это прокламация юного советского общества, в котором продукты получали по карточкам, одежду – по ордеру, но счастье – полной мерой. Известная доля утопизма, присущая началу революционных преобразований, позволяла надеяться на осуществление мечты о новом мире «здесь и сейчас», что также способствовало высочайшему социальному оптимизму трудящихся. Субъектность творца новой истории и культуры пронизывала все сферы деятельности. Как писал В. Маяковский, «Другим странам – по сто, История – частью гроба. А моя страна – подросток: твори, выдумывай, пробуй!»

Наш взгляд на начальную советскую эпоху 1920-х – начала 1930-х годов опосредован всем, что произошло позже – репрессии, сталинизм, государственный пресс, война, наконец, неудача Советского проекта как первого опыта социалистического преобразования мира. Но людям, жившим в тот период титанического рывка к царству свободы и справедливости, эпоха виделась другой.

Прочтите эти документы 1935 года из Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Перед нами – заметки в стенгазету Дома просвещения народов Востока (ДПНВ), или просто Дома народов Востока, в котором проводилась политическая и культурно-просветительная работа среди почти 30 национальностей: татар, башкир, абхазов, кабардинцев, чеченцев, ингушей, лезгин, сванов, горских евреев, китайцев, корейцев, ассирийцев, мордвы, марийцев, казахов, чувашей, грузин, армян, тюрков (азербайджанцев), осетин, цыган, молдаван, дагестанцев и др. Работа в Доме народов Востока велась на 18 языках.

Это государственное учреждение функционировало на протяжении 1928–1937 годов, располагаясь сначала на ул. Союза Связи, 17, а с начала 30-х годов – на Садовой, 32, угол Апраксина переулка, в огромном здании в стиле модерн, бывшем доходном доме купца Томилина (арх. Л. М. Харламов и Н. В. Дмитриев, 1903–1906).

Текст заметок публикуется впервые. Авторская орфография и пунктуация сохранены.

МОЕ СТРЕМЛЕНИЕ¹

Во мне кипела и кипит энергия, стремящаяся сделать из меня инженера, способного выполнять требования Сталина, которые он предъявил молодым Вузовцам в своих знаменитых шести условиях.

Ведь я вчерашний батрак, как же не стремиться мне. Лишь политика партии вытащила меня из батраческой жизни. Кстати могу вкратце по датам перечислить, чем когда был:

С 1915 по 1929 – я батрак. С 1920 по 1922 – милиционер. С 1922 по 1924 – чернорабочий, менового двора пушнины. В 1924 году поступил в Комсомол и в этом же году был командирован на Кооперативные курсы. В 1925 году поступил на Рабфак Л.С.Х.И. и после окончания в Горный институт. В 1927 году вступил в члены партии ВКП(б). – В данное время сижу над дипломной работой.

Отец был батраком и батраком умер. Мать – тоже батрачка.

Все то, что я изложил вкратце заставляет меня невероятно стремиться стать инженером, достойным звания Сталинского нового красного специалиста.

Группа активистов Дома народов Востока. ЦГАКФД СПб

Урок русского языка на курсах ликбеза Дома народов Востока. ЦГАКФФД СПб

Меня ждет цветущая республика – Казакстан, я уже готов отправиться на соц. Большой Алтай.

Дюйсекеев

ОТ ПАСТУХА ДО ЛЕТЧИКА²

Я Хисамов Нигмат Абдулович был пастухом, ходил в рваной чужой рубаше и в лаптях. Было это в царской России. Но вот пролетариат сбросил иго капитализма; нам нацменам татарам-башкирам открылась широкая светлая дорога. Пошел учиться на 3-х годичную строительную школу. Учился упорно не спя по ночам. В 1930 г. по 1932 г. работал в колхозе и видел, что в результате коллективизации положение крестьянства улучшилось во много раз. Меня тянуло учиться. Уехал в Ленинград и поступил на курсы планеристов-летчиков. Я буду летчиком, буду защищать советские границы от врагов.

Я теперь не пастух в рваной рубаше и лаптях, я летаю по воздуху, я советский летчик.

КАК Я ДВИГАЮСЬ ВПЕРЕД³

Я по национальности татарин, 1904 года рождения. Сын крестьянина. С 1920 по 1922 г. батраком работал у кулака. С 1922 по 1926 г. в Красной Армии. После службы с 1928 по 1931 г. работал в деревне на с/хоз-ве и в Сельсовете. Затем опять

на производстве чернорабочим, а теперь работаю на Хлебокомбинате землекупом. Производственный план выполняю на 205%.

Рафиков

КАК Я ДВИГАЮСЬ ВПЕРЕД⁴

Я по национальности татарин 1909 г. рождения, по происхождению крестьянин. До 1928 г. я был еще маленьким. С 1928 по 1930 г. работал на с/хоз. С 1930 г. приехал в Ленинград и начал работать на производстве и до сего времени работаю на Хлебокомбинате. Производственный план выполняю на 205%.

Мы, нацмены, благодаря правильной политики тов. Ленина и Сталина, имеем возможность учиться, поднять свою культуру и улучшать наше материальное положение.

Да здравствует Ленинско-Сталинская национальная политика.

Да здравствует любимый вождь пролетариата великий Сталин.

Муншук

МОЯ АВТОБИОГРАФИЯ⁵

По национальности – цыган, родился в 1901 году в городе Ленинграде. Родители – цыгане-артисты, работали в цыганском хоре в ресторане. Окончил городскую школу и 5-ть классов Коммерческого училища. В 1918 г. иду добровольцем

на фронт и до 22 года т. е. в течение 5 лет на Восточном фронте пулеметчиком, в 1922 г. демобилизовался из армии. В Ленинграде меня избирают на общем цыганском собрании в Горком эстрады Сорабиса делегатом и затем членом Горкома эстрады. Здесь я массу цыган провел в члены Союза. Работал в хоре до 1926 года. Затем иду на производство чернорабочим, кондуктором, вагоновожатым и в 1931 году вступаю в ряды Коммунистической партии. Окончил курсы сберегательного дела и Райкомом ВКП(б) послан в район в качестве Зав. Райсберкассой.

Все эти годы с 1922 года вел работу среди цыган в таборах пригорода также и среди городских цыган. В 1932 году организовал инициативную группу цыган и при Доме Народов Востока организовали цыганскую секцию. Я работал заведывающим цыганской секции до 1934 года. Организовал транспортную артель «НЭВО ДРОМ», красный уголок в Новой Деревне, художественный кружок (агитбригаду цыган) и работал по переводу песен «Песенка нацмена», «На чеку», «Партизанская» и т. д. С 1934 года веду литературную работу и не покидаю оргработу среди цыган по сие время. Основная работа на производстве.

11/1 – 1935 года.

Н. Васильев

АВТОБИОГРАФИЯ

Г. А. КИМ⁶

Я по национальности кореец. Родился на дальне-восточном крае Сунпском районе в семье безземельного крестьянина (отец был с малолетства батраком, когда ему было 7 лет – получал 7 руб. в год, когда 8 лет – получал 8 руб. и т. д.).

Я официально ни одной школы не окончил до Советской власти. В 1922 году по занятию Красной Армией Дальнего Востока я был выбран членом Корейских рабочих Крестьянских Советов гор. Никольска-Уссурийска и работал до 25 года беспрерывно.

В 1924 году вступил в ВЛКСМ с того момента до сего времени активным комсомольским и партийным работником. В партии с 1927 года. В 1925 году получил командировку в Объединенную Интернациональную школу (военную) гор. Ленинград и окончил ее в 1929 году, и назначен комвзводом артчасти 1931 – командир политруком батареи и в 1932 году пом. начальником полковой школы. В том же году вступил в артиллерийскую академию и через два года буду командир-инженер в Р.К.К.А.

АВТОБИОГРАФИЯ ДИВИТКИНА Ф. Д.⁷

Родился в 1903 году в Чуваш. республике Чебоксарского района бывш. Казанской губ. Козьмодемьянского уезда Акромовской волости – дер. Тойдерек в семье бедного крестьянина. До 1911 года учился в начальной школе 2 класса. В 1912 году поступил работать на фабрику кулака Тимофея Яковлевича.

С 1913 года Отца арестовали за противостояние Столыпинской аграрной реформы, откуда взятого на поруки отца взяли в империалистическую войну. Я работал на культкацкой фабрике до 1917 года. С 17 года я vyrabatyвал кустарно-кульевые изделия на сырье кулака Ивана Яковлевича по 1919 год. С 1919 года работал в гор. Нижний Новгород в качестве водопроводчика по 1922 год. С 1922 года работал в Акромовской волости в качестве уполномоченного по ликвидации неграмотности.

В 1924 году был командирован в Чуваш. Сов. парт-школу, откуда не окончив учебу был призван в ряды Р.К.К.А. Служил в Ленингра-

Урок химии в китайской секции Дома народов Востока. 1935 г. ЦГАКФФД СПб

де в 31-м полку по 1927 год. После демобилизации в 27 году по 28 год работал на заводе «Красный Гвоздильщик» в гор. Ленинграде. С 1928 года в гор. Ростове в качестве инструктора Сев. Кав. Госторга, откуда по выдвигению был назначен зав. загот. конторой гор. Грозный. С 1929 года переведен в качестве старшего инструктора по экспорту сырья в Дак. животноводсоюз города Махач-Кала. Оставил службу по реорганизации Д.Ш.З. был переброшен в гор. Алма-Ата в качестве краевого инструктора Каз. Госторга. В 1930 году по мобилизации Казкрайкома был уполномочен крайкомом по бывш. Кустонайскому округу для прове-

дения хозяйственно-политической кампании. После продолжительного времени работы на меня было покушение со стороны классового врага в гор. Кустонае, после чего лечился по путевкам Лечкомиссий ЦК ВКП(б) целый год. В 1932 году поступил в Ленинградский Высший Всесоюзный Коммунистический Университет. В настоящее время учусь на последнем курсе В.В.С.Х.У. им. Сталина. Надеюсь быть специалистом организатором крупного социалистического земледелия (Директор Совхоза М.Т.С.), одновременно работаю Зав. Чуваш. секцией при Доме Просвещения Народов Востока.

Читальный зал Татарского Дома просвещения. 1936 г. ЦГАКФФД СПб

**КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ
ХАДОНОВА (ХУАДОНТИ)
ИЕСА БАСЯТОВИЧА⁸**

Родился в 1910 году в Чикала, Дигорского района, Северо-Осетинской Автономной области (бывш. Терская область). Отец мой – горский пастух, а потом крестьянин-бедняк.

С 1918 года по 21-й год учился Корану у сельского муллы – по традиционным внушениям имел единственное желание стать муллою (магометанским священником). В 1921 году поступил в сельскую школу, а в 1924 году, когда организовался у нас пионер-отряд я поступил в пионер-отряд. В 1925 году поступил в комсомол и в этот же год окончил первую ступень с/школы.

В 1926 году по командировке Обл. Отд. Нар. Образования я приехал в Ленинград и поступил в подготовительную группу Рабфака при Технологическом институте. Окончил рабфак в 1930 году и в тот же год поступил в Лен. Электромеханический институт, который заканчиваю к весне этого 1935 года.

12/1 – 35 г.

[БЕЗ НАЗВАНИЯ]⁹

Моя биография – это одна только строчка вписанная к биографиям миллионов вышедших из самого дна народных масс, которым Октябрьская революция предоставила свои страницы в книге новой, радостной светлой социалистической жизни...

По национальности я ассириец. В СССР ассирийцы попали как беженцы из Турции и Персии в результате мировой империалистической войны 1914–1915 гг. сейчас в СССР начитывается 35–40 тысяч. На родине, до войны ассирийцы занимались земледелием, скотоводством и садоводством. Попав в царскую Россию, они оказались совершенно беспомощными, т.к. не знали ни языка ни какой-либо профессии, они и занялись чисткой обуви, и мелкой торговлей. Отец мой занялся также чисткой обуви отдав меня в городскую школу. Страшно трудно давался мне русский язык. После смерти отца я вынужден был бросить школу где я был уже в пятой группе и занялся «по наследству» чисткой обуви и проработал 5 лет.

Жизнь улицы прошла передо мною как в kaleidoscope с самыми разнообразнейшими красками, ти-

пами и характерами, о которых можно много занятного порассказать.

Занимаясь чисткой обуви, я читал и рисовал. Было это на Украине, в Славянске.

На улице, проходя мимо меня, наш зубной врач (это я впоследствии узнал) совершенно случайно обратил на меня внимание и познакомившись со мной он всячески стал содействовать продвижению меня вперед и подготовил почву, переписавшись со своими друзьями в Москве, для моей учебы. Сейчас этот врач К. Гликман самый задушевный мой друг это как личность кроме всего замечательнейший представитель старой интеллигенции.

Попал в Москву. Обращаюсь в Всерос. О-во ассирийцев (теперь оно переименовано во Всесоюзн. О-во «Хаядта»), где мне дают направление в Единый худож. рабфак (позже им. А. В. Луначарского) при Вхутемасе. Выдержал испытания и поступил учиться.

Я сразу окунаюсь в общественную работу в нашем ассирийском клубе и обществе. Тут начинается по настоящему мое формирование в котле общественной работы, в среде, которая меня вырастила, в среде, из которой я вышел и среде, которой я отдаю все свои силы и знания чтоб оправдать свое «рождение», и то почетное и высокое звание инженера человеческих душ, которое дал всем работникам искусства величайший инженер-архитектор мирового пролетариата, строитель новой социалистической жизни, наш мудрый т. Сталин.

Кончая рабфак в Москве я поступил в 1930 году в Институт живописи, Архитектуры и скульптуры и живописный факультет, теперь Всерос. Акад. худож. и учусь теперь.

Со дня приезда в Ленинград я веду среди ассирийцев общественную работу. Советская власть руководимая Ленинской и Сталинской партией дала ассирийцам ранее угнетенным возможность быть активными строителями социалистического общества идти в ногу с другими национальностями Союза победно шествуя к Мировому Октябрю.

То, что я сказал о себе, это крупница того, что мы видим кругом себя. Много интересного было, но больше еще впереди!

Дыхание времени – не просто метафора, его можно ощутить, прикоснувшись к подлинным документам эпохи. Их лейтмотив один: «Не винниками были мы – мы были электронами!»

Но мироощущение всемогущества человека-творца, обусловленное его великими свершениями, постепенно таяло в процессе «старения» общества, однако не могло исчезнуть совсем, питая реальный социальный оптимизм советских людей. Современная эпоха лишена этой подпитки, и современный россиянин утратил чувство своей субъектности по отношению к социуму и истории. Без возрождения причастности к ним наше общество может утратить и волю к жизни, оказавшись на обочине мирового развития.

Примечания:

- Сорабис – Союз (профсоюз) работников искусств
- Р.К.К.А. – Рабоче-крестьянская Красная армия
- Рабфак (рабочий факультет) – специальное учебное учреждение для ускоренной подготовки в вузы молодежи рабоче-крестьянского происхождения
- В.В.С.Х.У. – Высший Всесоюзный сельскохозяйственный университет
- М.Т.С. – машинно-тракторная станция
- Л.С.Х.И. – Ленинградский сельскохозяйственный институт.

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 6. Д. 30. Л. 18.

² Там же. Л. 25.

³ Там же. Л. 26.

⁴ Там же. Л. 27.

⁵ Там же. Л. 34.

⁶ Там же. Л. 41.

⁷ Там же. Л. 42.

⁸ Там же. Л. 43.

⁹ Там же. Л. 44. На обороте карандашом написано: Ассириец Блиндаров Фадеев – сторож

Это автобиографический рассказ А. Б. Блиндарова (ассирийское имя Хнания бар Хошаба бит Бриндар), в 1937 году он защитил диплом в Академии художеств картиной «Ассирийцы-беженцы», с 1946 года работал художником-реставратором в Русском музее, впоследствии более 30 лет возглавлял реставрационные мастерские музея. В 1950 году в «Детгизе» были изданы собранные А. Блиндаровым ассирийские сказки о славном охотнике Харибу с иллюстрациями автора.

Мои предки — петербургские биржевые артельщики

Т. Н. Денисова

Слова «артель» и «биржа» в семье нашей звучали часто, мне доводилось их слышать с детских лет. В артели состоял мой прадед Осминин Иоаким Григорьевич. Из рассказов отца я знала, что этот прадед в конце XIX века переехал с семьей из Петербурга в Нижний Новгород, жил в Канавине, где проходила ежегодная Нижегородская ярмарка, и заведовал там железным складом. Другой прадед, Яков Иванович Денисов, служил в Петербурге на фондовой бирже инкассатором. Его место работы у меня всегда ассоциировалось с красивым классическим зданием на стрелке Васильевского острова. После смерти Якова Ивановича в 1906 году место его работы, по семейному преданию, перешло к его сыну, Александру Яковлевичу Денисову, моему деду. Итак, слова «артель» и «биржа» в доме у нас упоминались, но никак не сочетались.

В начале нынешнего XXI века мой отец, Николай Александрович Денисов, проходя как-то со мной по Невскому проспекту в районе Малой Морской улицы, обронил:

— Куда-то сюда с Васильевского острова на работу ходил мой папа.

— Но ты рассказывал, что он работал на фондовой бирже, — удивилась я.

— Так говорили дома. А руководителями его были немцы.

Спустя несколько лет я получила в подарок книгу о Невском проспекте. Обнаружив в ней фото дома № 23, сделанное в 1910 году, обратила внимание на рекламную вывеску, вытянутую над четвертым этажом, — «СПб Биржевая Коммерческая артель 1727 г.»¹. Меня заинтересовало словосочетание «биржевая артель», которое вызвало сомнение, могли ли мои предки крестьяне иметь отношение к фондовой бирже. Может быть, отец мой спутал фондовую биржу и биржевую артель? Решила поинте-

Член Петербургской биржевой
коммерческой артели
Яков Иванович Денисов. 1891 г.

ресоваться артелями в Российской национальной библиотеке.

Артели возникли в Петербурге еще во времена Петра I в связи с появлением порта. В порт прибывал товар, за которым требовался присмотр. Его нужно было взвешивать, перемешать, складировать, хранить. В этом хозяину товара помогали артели, в которые объединялись преимущественно крестьяне, выходцы из Владимирской, Ярославской, Вологодской, Архангельской и других губерний. Поначалу артели состояли из людей, не обладавших каким-либо капиталом. Поэтому их члены занимались в основном физическим трудом при порте. Со временем погрузку и выгрузку товара стали осуществлять поденщики, которых артель нанимала на работу, а сами артельщики только наблюдали за работой и следили, чтобы товар был цел, не поврежден и вовремя доставлен на место. Своё название «биржевые» артели получили в конце XVIII века.

Так как порт и таможня находились на Васильевском острове, то изначально большая часть артельщиков

здесь же и селилась. Мой прадед Яков Иванович Денисов с семьей тоже жил на острове на 7-й линии в домах № 42 и 46, а сын его, Александр Яковлевич, снимал квартиру в доме № 56 на той же 7-й линии.

К 70-м годам XIX века в артелях появилось много достаточно грамотных артельщиков, которых стали приглашать в частные и государственные предприятия на должности казначеев, кассиров, бухгалтеров, конторщиков, приказчиков, кладовщиков, управляющих всевозможными торгово-промышленными предприятиями, домами, складами, причем не только в Петербурге, но и в других городах России.

В 1873 году в Петербурге существовало 24 артели, в которых состояло 2622 человека. Самая крупная из них, Баронская (Штиглица), насчитывала 261 члена, самая маленькая, Николаевская, — 46 человек. Принимали в артель с 14 лет. Каждый вступающий должен был быть известен нескольким артельщикам, слыть честным, благонадежным человеком и внести вкупную сумму или просто вкуп. В разных артелях в разные годы суммы вкупа были разные. Так, в Кокориной артели до 1851 года вкупная сумма была 800 рублей, в Пинежской в 1870 году — 1600 рублей. При этом вкупная сумма могла выплачиваться в рассрочку². Кроме вкупа при вступлении артельщик вносил еще деньги в запасный капитал, который шел на покрытие убытков артели. Ведь за работу своих членов артель несла финансовую ответственность. При выходе из артели выбывающий получал некоторую сумму, но меньше вкупной. К началу XX века количество артелей сократилось до 13. Какие-то из них слились, какие-то ликвидировались.

Изучив литературу по биржевым артелям, составила для себя список существовавших в 70-е годы XIX века артелей с датами их

возникновения. Никакой Коммерческой артели среди прочих не нашла. Вернулась к книге о Невском проспекте и к рекламе на доме № 23. Вооружившись лупой, обратила внимание на год 1727. Какая из петербургских артелей возникла в этом году? Оказалось, Вульфова. Возможно, ее потом переименовали в Коммерческую? Но имеет ли все это к моим предкам какое-либо отношение? Ведь пока привязка была только одна – Невский проспект. Вульффы – немцы? Да за полтора века в артели от них могло ничего не остаться.

Решила заняться артелями в Центральном государственном историческом архиве Петербурга. К сожалению, в сохранившихся личных делах артельщиков Коммерческой биржевой артели не удалось найти ни личного дела прадеда моего, ни деда. Заказала дела нескольких других артелей со списками артельщиков. Но и там наша фамилия не отражена. Так может, к биржевым артелям мои предки вообще никакого отношения не имели?

Но темой этой продолжала интересоваться. Выписала из адресных книг «Весь С.-Петербург» все биржевые артели города за интересующий меня период с месторасположением их правлений и неожиданно обнаружила, что в начале XX века правление Коммерческой артели находилось на Васильевском острове на 7-й линии, 56. Так мне же знаком этот адрес! Он был написан рукой Александра Яковлевича Денисова, моего деда, на обороте нескольких семейных фотографий, сделанных им в январе 1908 года именно в этом доме (к тому времени у него уже был фотоаппарат фирмы «Кодак»). Случайно ли дед снял для своей семьи квартиру там, где находилось правление этой артели, или же он в самом деле имел к ней какое-то отношение?

Опять отправилась в РНБ. В систематическом каталоге узнала, что в библиотеке хранятся годовые отчеты некоторых артелей. Начать их просмотр решила с Вульфовой-Портеровой, подумав, что в нее слились две когда-то существовавшие Вульфова и Портерова биржевые артели. Действительно, они соединились в 1891 году. В двух сохранившихся с 1894 года годовых отчетах этой артели приведены списки артельщиков, и среди них я

обнаружила Денисова Якова Ивановича. Затем заказала все имеющиеся отчеты по Коммерческой биржевой артели. Их набралось двенадцать, и во всех я нашла фамилию сначала прадеда, а после его смерти в 1906 году – деда. Яков Иванович к 1894 году уже полностью выплатил вкуп. В отчетах указано место работы артельщика. Против фамилии Якова Ивановича проставлено слово «биржа». Так значит, отец мой был прав: его дедушка в самом деле служил на бирже.

Яков Иванович Денисов происходил из государственных крестьян Архангельской губернии. Деревня Часовенская, где он родился в 1848 году³, располагалась в Сийской (Черняевско-Горской) волости Холмогорского уезда на берегу Северной Двины. Неподалеку находился Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь, куда в 1601 году царь Борис сослал боярина Федора Никитича Романова, отца будущего царя Михаила Романова. В 2008 году, побывав в Архангельске, я посетила этот монастырь, который сегодня возвращается к жизни, и те места, где жили мои предки. Пока не удалось установить, откуда и когда они пришли на берега Северной Двины. Но из материалов первых ревизских сказок, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов в Москве, известно, что в деревне Часовенская во второй половине XVII века проживал Иван Анкудинов сын Денисов (1640–1714) с сыновьями, Семеном (1671 – до 1745) и Мироном (1689 – после 1748)⁴. Наша ветвь тянется от Мирона.

Яков Иванович Денисов, а потом и его сын Александр Яковлевич Денисов, родившийся в Петербурге, до конца дней своих оставались крестьянами Брин-Наволоцкого сельского общества Холмогорского уезда Архангельской губернии. В то время крестьяне, покидавшие свои деревни, редко меняли сословие. В 50-е годы XIX века половину населения Петербурга составляли именно крестьяне. При просмотре метрических книг церковей Васильевского острова в поисках записей о рождении, венчании и смерти архангелогородских предков мне часто доводилось встречать фамилии их земляков, выходцев из Холмогорского уезда, в частности из Черняевско-Горской и Великодвор-

ской волостей: Рудаковых, Корытовых, Выдринных, Нифонтовых, Ждановых, Григорьевых, Матвеевых, Балашевых, Третьяковых и др.

Женат Яков Иванович был дважды. В первый брак с Акилиной Ивановной Нифонтовой (1854–1883) он вступил в 1870 году⁵ в родной деревне, после чего, видимо, молодые отправились в столицу. Уже в Петербурге в семье родились дети: Александр (1876–1877), Александр (1878–1920)⁶ и Мария (1880–1942). Акилина Ивановна скончалась молодой, в 29 лет, от туберкулеза⁷. Вторично Яков Иванович женился на Марии Прокопьевне Вешняковой (1854–1919)⁸. В этом браке детей не было. Александр, мой дед, и Мария, его сестра, почитали Марию Прокопьевну, как родную мать.

Образование Яков Иванович получил домашнее, обучался у отца. Значит, грамотностью он похвастаться не мог. Сын его, Александр Яковлевич, до вступления в Коммерческую биржевую артель успел поработать наборщиком латинского шрифта в типографии Академии наук (ТАН). Чтобы стать наборщиком, необходимо было пройти четырехлетний путь ученичества. В ученики принимались лица от 14 до 17 лет, имеющие школьное образование. Ученики ТАН три раза в неделю посещали школу печатного дела. Помимо других предметов они здесь осваивали иностранные алфавиты, учились чтению греческого, латинского, немецкого, французского текстов⁹. Пребывание в начальной школе и в школе печатного дела, было платное: от двух до шести рублей в год. Мне кажется, что именно этот путь образования и прошел мой дед Александр Яковлевич Денисов.

Запасный капитал к моменту смерти Якова Ивановича в 1906 году равнялся примерно 1700 рублям. Этот небольшой капитал был разделен между тремя наследниками, женой, дочерью и сыном. Получив свою долю наследства, мой дед, Александр Яковлевич, решил расстаться с вредной для здоровья профессией наборщика и в 1906 году вступил в ту же Коммерческую артель. Вкуп в это время составлял 3000 рублей. Его можно было выплачивать в рассрочку. Но 500 рублей в запасный капитал артели нужно было внести сразу. Дед внес

100 рублей вкупа и 500 рублей в запасный капитал. Остальные 2900 рублей выплачивал на протяжении следующих семи лет из своего заработка и новизных денег, то есть вкупных денег от только что вступивших артельщиков. Деньги эти делились между всеми членами артели и выдавались на руки.

Из отчетов Коммерческой биржевой артели узнала, что Александр Яковлевич с 1906 по 1909 год работал в акционерной компании «Кодак». Так вот откуда у него в 1907 году появился фотоаппарат этой фирмы! Видимо, сотрудники имели право приобрести его по льготной цене. А с 1910 года Александр Яковлевич трудился в акционерном обществе «Штоль и Шмидт», которое занималось торговлей аптечными товарами. Вот вам и «немцы»! Контора общества находилась на улице Гоголя (ныне Малая Морская) в доме № 11. И адрес сошелся с рассказом моего отца.

В 1907 году Александр Яковлевич женился на Агафии Иоакимовне Осьмининной (1885–1966), дочери ремесленника¹⁰, как обозначено в метрической записи о венчании. У них родилось трое сыновей: Владимир (1909–1967), Николай (1912–2007), мой отец, и Георгий (1916–1978).

В 1914 году, освободившись от выплаты вкупа, Александр Яковлевич мог уже весь свой заработок тратить на семью. За 360 рублей в год снял двухкомнатную квартиру на 3-й линии в доме № 14. Летом того же года отправил жену с детьми на дачу в деревню Старожиловка, что рядом с Парголово. Но недолго длилось благополучие этой семьи. Началась мировая война. Дела в Коммерческой биржевой артели и раньше велись нечестно и плохо, что вызывало возмущение части артельщиков¹¹. А тут война! А потом Гражданская! В Петрограде – голод и разруха. Деньги Александра Яковлевича в артели, конечно, все пропали. Да они ничего уже и не стоили. Деду пришлось ходить с Васильевского острова на Полюстровскую набережную работать на химическом заводе за буханку хлеба, которую выдавали раз в неделю. Весной 1920 года он умер, не вынеся тягот времени. Его вдова, моя бабушка Агафия Иоакимовна, осталась с тремя детьми, старшему 10 лет, младшему четыре года, без

Член Петербургской биржевой Владимирской артели Иоаким Григорьевич Осьминин. 1910 г.

профессии и средств к существованию. Работала лаборанткой в фотолаборатории, работницей на табачной фабрике, на кондитерской фабрике им. К. Самойловой. Замуж больше не вышла, одна растила сыновей.

Просматривая отчеты Коммерческой биржевой артели, подумала, а не состоял ли другой мой прадед, Иоаким Григорьевич Осьминин, в этой же артели. Отец мой однажды упомянул о том, что его бабушка, Мария Ивановна, жена Иоакима Григорьевича, после смерти мужа деньги из артели забрала. Так значит, он был артельщиком? Не Коммерческой ли артели? Ведь как-то должны были познакомиться дочь Иоакима Григорьевича Агафия и мой дед Денисов Александр Яковлевич. Проверила по отчетам. Нет, в Коммерческой артели этот прадед не состоял. Позже мне удалось обнаружить его фамилию в отчетах Петербургской Владимирской биржевой артели. Заказала и изучила все отчеты, сохранившиеся в РНБ с 1894 года, и фонд дел, существующий в ЦГИА СПб по этой артели.

Все работодатели платили артельщикам за работу 600 рублей в год или 50 рублей в месяц. Плюс к этому шли новизные деньги от вновь поступивших в артель членов. В 1894 году число артельщиков Владимирской артели составляло 176 человек, а к 1915 году их число выросло до 2063 человек (в 1899 году во Владимирскую влились Коломбьевская и Стояртова артели). Чем больше людей вступало в артель,

тем значительней становился ее запасный капитал, который хранился в банках, ценных бумагах, облигациях. Чем больше становился капитал, тем большие проценты с него получала артель. Сумма с процентов делилась на всех артельщиков, но на руки не выдавалась, а причислялась к запасному капиталу и составляла «имеющийся в обеспечении капитал» артельщика. К моменту смерти моего прадеда его запасный капитал составил 3000 рублей.

Иоаким Григорьевич Осьминин (1857–1912) был сыном отставного унтер-офицера Григория Петровича Осьминина (1825–1869), происходившего из крепостных крестьян Вологодской губернии¹². Григорий Петрович, мастерской третьего рабочего экипажа, строил корабли на Охтинской верфи¹³. Когда он умер, Иоакиму было 12 лет. Его мать, Агафия Трифоновна, вынуждена была заниматься продажей молока, чтобы прокормить четверых детей и выучить на краснодеревщика Иоакима, старшего сына. На Охте было начальное училище, которое, видимо, Иоаким посещал. Затем в мастерской ремесленника обучался столярно-мебельному делу. В 1876 году его приняли в ремесленный столярный цех «подмастерье вечно»¹⁴. В этом статусе он оставался до конца дней своих.

В 1883 году Иоаким Григорьевич женился на дорогобужской мещанке Марии Ивановне Луговой (1865–1842)¹⁵. Она была племянницей петербургского купца Гончарова Никанора Степановича (1850 – после 1917). Маша рано осталась без матери, и бездетный дядя забрал племянницу и ее двух братьев из Дорогобужа Смоленской губернии в Петербург. Когда подошло время, приискал ей жениха. Так как приданого большого за невестой купец Гончаров, по-видимому, выделить не мог, то отдал ее замуж за подмастерья столярного цеха Осьминина Иоакима Григорьевича, человека доброго, без вредных привычек, но бедного.

После жизни у дядюшки в четырехкомнатной квартире в доме на Николаевской улице (сейчас улица Марата) жизнь в Малоохтенской слободе, где семья, скорее всего, снимала часть деревянного дома, Марии Ивановне не показалась раем. Она мечтала вырвать мужа из ремесленной среды. Но чтобы по-

ступить на государственную службу, Иоакиму Григорьевичу не доставало образования, а чтобы завести свое дело – средств. Возможно, купец Гончаров и присоветовал родственнику стать артельщиком. Для вступления в артель нужно было внести вкуп или часть его. Но даже части вкупа Иоакиму Григорьевичу сразу было не собрать.

Мой отец, внук Марии Ивановны и Иоакима Григорьевича, не раз произносил странную фразу: «Бабушка вкупила дедушку в артель». Выражение, вызывавшее когда-то у меня недоумение, пришло теперь на память. Видимо, действительно, большую часть вкупной суммы составили деньги, выделенные купцом Гончаровым в приданое за племянницей и заработанные самой Марией Ивановной. В семье купца Гончарова все трудились: мальчики помогали в магазине, а Машу тетушка Евлампия Гавриловна учила шить нижнее белье. Марии Ивановне эта «наука» пригодилась. В приданое она получила швейную машину и на ней стала зарабатывать деньги. Готовые изделия сдавала в магазин. Тонкое нижнее женское белье, сшитое охтинками, у петербургских дам пользовалось популярностью.

Наконец необходимая сумма была накоплена, и в 1887 году мой прадед Иоаким Григорьевич стал артельщиком. Возможно, именно дела артели побудили его к переезду в 1890 году в Нижний Новгород, где он, как гласит семейное предание, в Канавине заведовал железным складом. В это время в семье уже было

Член Петербургской биржевой Коммерческой артели Александр Яковлевич Денисов. 1906 г.

трое детей: Александра (1883–1942), Агафия, моя бабушка, (1885–1966) и Владимир (1888–1942). К этому периоду относится большая семейная фотография, сделанная, скорее всего, перед отъездом (она приводилась в предыдущей моей публикации в данном издании)¹⁶. В метрических книгах Малоохтинской церкви св. Марии Магдалины сделаны записи о том, что на детей Иоакима Григорьевича 18 сентября 1890 года были взяты свидетельства о рождении. Видимо, они потребовались в связи с переездом на новое место жительства.

Около пятнадцати лет прожили Осьмины на нижегородской земле. Здесь в семье на свет появились сыновья, Константин (1894–1942) и Николай (1897–1902). Не маленькая семья из семи человек! Старшие дети в Канавине окончили трехклассное училище св. князя Владимира. Учились в таком училище шесть лет. Курс каждого класса был двухгодичный. На класс приходился один штатный учитель (три учителя на более чем 150 человек). Родители платили за обучение пять рублей в год.

Старшая дочь Александра примерно в 1900 году вышла замуж за нижегородского мещанина Никандра Павловича Звягина (по семейному преданию, он был артистом) и стала жить в городе, то есть в Нижнем.

В 1904 году родители отправили сына Владимира в Петербург поступать в коммерческое училище. Но он против воли родителей направился в Санкт-Петербургское училище дальнего плавания императора Петра I. Для поступления в это училище требовался опыт морского плавания не менее двух месяцев. У Владимира такого опыта не было, пришлось его приобретать. Чтобы управлять ситуацией, Мария Ивановна вынуждена была с остальными детьми покинуть Нижний Новгород и перебраться в столицу. Владимир поступил в училище в 1905 году на отделение механиков и проучился там четыре года. Ученики училища носили форму, но жили дома. Плата за обучение составляла 30 рублей в год.

Глава семейства по какой-то причине до мая 1905 года оставался в Нижнем Новгороде. Скорее всего, артель не обещала ему трудоустрой-

Член Петербургской биржевой Владимирской артели Константин Иоакимович Осьминин. 1912 г.

ство в Петербурге. Не успел Иоаким Григорьевич объявиться в артели, как его тут же командировали в паре с еще одним кассиром в Мариуполь на завод «Русский провиданс». Там незадолго до этого прежним кассиром была сделана большая растрата на сумму 7000 рублей. Скорее всего, прадеда не устроило это место работы, и уже 3 июня он вернулся в Петербург. В октябре его еще раз командировали в Нижний Новгород, а так как он отказался ехать, то был оштрафован на 25 рублей¹⁷.

До конца 1905 года Иоаким Григорьевич не имел постоянной службы. Его местом работы были Обуховский сталелитейный завод и Балтийский судостроительный, акционерные общества «Гергард и Гей», «Юнкер И. В. и К°», «Тютин и К°». Все это удалось установить из дел артели, сохранившихся в ЦГИА СПб. Наконец 4 января 1906 года прадед получил должность кассира в Русском обществе для выделки и продажи пороха. Этому обществу принадлежал Селитренный завод, который располагался на Кожевенной линии в доме № 36. Здесь же, в доме под № 35, Иоаким Григорьевич и квартиру снял. Этот угол Гавани – не самое хорошее место для проживания по соседству с Балтийским и кожевенными заводами. Но на лучшее, по-видимому, не хватало средств. Старшему сыну Владимиру на занятия в Училище дальнего плавания, располагавшееся на 22-й линии, ходить было недалеко, а вот младшему, Константину, приходилось долго добираться до Тамбов-

ской улицы, где находилась Торговая школа при обществе благотворения в память 19 февраля 1861 года, когда он поступил туда учиться.

В октябре следующего 1907 года родители выдали замуж младшую дочь, мою бабушку Агафию Иоакимовну, за Денисова Александра Яковлевича, артельщика Коммерческой биржевой артели¹⁸. Иоаким Григорьевич просит у правления своей артели на свадьбу дочери кредит в 200 рублей. Выходит, его семья в это время находится в стесненном финансовом положении.

В 1909 году старший сын успешно окончил учебу в училище и был поощрен дальним плаванием от Одессы до Владивостока и обратно. После путешествия поступил старшим механиком на корабль «Полтава», приписанный к Гельсингфорсу (Хельсинки). Вскоре он женился на дочери петербургского мещанина Елизавете Ивановне Щербаковой и зажил своей семьей. С родителями теперь остался только сын Константин, ученик торговой школы. В 1911 году Иоаким Григорьевич перевез семью с Кожевенной линии на Гаванскую улицу в доме № 23.

Кажется, все неплохо складывалось в семье прадеда. Но в январе 1912 года он неожиданно умирает, сидя за рабочим столом, от апоплексического удара. Его вдова, Мария Ивановна, после смерти мужа обратилась в правление Владимирской биржевой артели с просьбой «вкусить в состав артели» ее сына, Константина Иоакимовича Ось-

минина. Она просит «взять за вкуп причитающиеся деньги из запасного капитала» ее мужа, на владение которым тот сделал на нее завещание¹⁹. Константин Иоакимович, семнадцатилетний брат моей бабушки, был принят в число артельщиков. Его вкуп составил 4500 рублей. Сразу он внес 500 рублей вкупа и 700 рублей в запасный капитал артели. Остальную сумму выплачивал ежемесячно на протяжении нескольких лет. В ЦГИА СПб сохранилось личное дело Константина Иоакимовича, из которого известно, что он служил кассиром в торговых домах Ферстера, В. Морозова, а с 1915 года в Акционерном обществе «Соединенные

кабельные заводы», где проработал до 1 октября 1918 года, после чего «сдал все дела и денежный отчет в полном порядке»²⁰.

И в Коммерческой, и во Владимирской биржевых артелях существовала похоронная касса. В нее из заработка артельщиков ежегодно отчислялось по 8–12 рублей. Поэтому расходы на погребение моих прадедов Якова Ивановича Денисова и Иоакима Григорьевича Осьминина после их смерти взяла на себя артель, в которой каждый из них состоял. Оба прадеда покоятся на Смоленском православном кладбище. Там же могила моего деда Александра Яковлевича Денисова.

¹ Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В. Невский проспект. М.; СПб., 2006. С. 86.

² Немиров Г. Биржевые артели Санкт-Петербурга. СПб., 1876. С. 24–26, 47–49.

³ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 29. Оп. 28. Д. 125. Л. 770 об.

⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 1. Д. 104. Л. 433 об.

⁵ ГААО. Ф. 29. Оп. 24. Д. 16. Л. 847 об. – 848.

⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 126. Д. 85. Л. 43 об.

⁷ Там же. Д. 99. Л. 272 об.

⁸ Там же. Л. 245 об.

⁹ Архив РАН. Ф. 49. Оп. 1. Д. 432.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2011. Л. 509 об.

¹¹ Господам членам Петроградской биржевой Коммерческой артели. Пг., 1914.

¹² Государственный архив Вологодской области. Ф. 496. Оп. 11. Д. 55. Л. 798 об.

¹³ Денисова Т. Н. Мои предки – мастеровые третьего рабочего экипажа // История Петербурга. 2012. № 1.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 4602. Л. 3.

¹⁵ Там же. Ф. 19. Оп. 126. Д. 460. Л. 39 об. – 40.

¹⁶ Денисова Т. Н. Мои предки – мастеровые третьего рабочего экипажа // История Петербурга. 2012. № 1. С. 87.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1335. Оп. 1. Д. 11.

¹⁸ Там же. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2011. Л. 509 об.

¹⁹ Там же. Ф. 1335. Оп. 1. Д. 1836. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 30.

Болгарин Георгий Панайотов, петербургский иконописец

А. Ю. Мудров

Последние годы в художественной жизни Санкт-Петербурга отмечены многочисленными и регулярными выставками, знакомящими с новыми работами в области иконописи и религиозной живописи. И выставки специальные – групповые и персональные, и разделы на больших региональных смотрах изобразительного искусства посто-

янно открывают нам новые имена их авторов.

К новым имя Георгия Панайотова сегодня вряд ли можно отнести. Но то, что чаще всего он до сих пор оказывается едва ли не самым молодым экспонентом на профессиональных выставках – это факт. Георгий Панайотов – студент Санкт-Петербургского академиче-

ского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Художнику – 21 год. Однако в его творческом багаже написание не только отдельных иконописных образов, но и ансамблей храмовых иконостасов. И «послужной» его список значителен.

Георгий – уроженец Белоруссии. Уже в раннем детстве, живя

Икона из житийного ряда иконостаса церкви Св. Пантелеимона Целителя в Санкт-Петербурге

на родине отца – в Болгарии, он был пленен иконописными ликами старых болгарских храмов. В городе Велико Тырново, славящемся иконописными мастерскими, он впервые окунулся в этот удивительный мир. Болгарский мастер Рашко Бонев был первым человеком, который на глазах у маленького мальчика Гоши сделал волшебные движения кистью на доске, специально подготовленной к написанию иконописного образа. Мастер подарил Георгию дощечку и напутствовал его. Она не стала детской забавой, вскоре на ней появилось изображение Христа Пантократора, сделанное шестилетним автором.

...Прошло несколько лет. В 1999 году в Петербургском Фонде культуры (на Невском проспекте, 31) открылась выставка работ десятилетнего иконописца. На вернисаже было сказано много теплых слов в адрес мальчика и его мамы, увидевшей в сыне не просто живой интерес, а огромное увлечение, потребность в написании ликов святых, образов Божиих. Известные живописцы Андрей Яковлев, Евгений Мальцев, Виктор Николаев, искусствоведы Нина Кутейникова, Светлана Грачева, Юрий Мудров, Лариса Яковлева, филолог – член-корреспондент РАН Николай Скатов были в числе тех, кто поддержал талантливого школьника. Он и дальше стал упорно учиться, познавать мир, пытаться постичь законы и тайны иконописного мастерства.

В рамках краткого очерка вряд ли возможно рассказать подробно о работе молодого художника. Однако лишь перечисление выставок, в которых он участвовал, впечатляет. Только персональные: Велико-Тырново, Брест, Варна, Одесса,

Париж, музеи Санкт-Петербурга (шесть экспозиций), Минска, Франкфурта-на-Майне, Пскова, Липецка, Тихвина, Гатчины, Кировска, мемориальных – А. С. Пушкина в селе Михайловском и Н. А. Римского-Корсакова, там же – на Псковщине... Было и участие в выставке в Москве, в Центральном музее древнерусской культуры имени Андрея Рублева, посвященной юбилею святого Серафима Саровского, где архиепископ Истринский Арсений принял от него дар для патриарха Алексия II – икону святого работы Георгия. Испытанием на творческую и духовную «зрелость» стала работа над иконостасами церковей – святой Ольги Российской в Гродно, святой Георгия Победоносца на городище Воронич (Пушкинские Горы), святого Пантелеимона Целителя в Санкт-Петербурге. В храмах – Всех Скорбящих радости (Шпалерная улица), Петра и Павла в Сестрорецке, Казанском кафедральном соборе,

Св. Ксения Петербургская

Святитель Филарет Московский с предстоящим А. С. Пушкиным

в петербургских музеях – истории религии и театрального и музыкального искусства хранятся выполненные им иконописные лики.

Согласитесь, сделано немало. И не случайно крупный исследователь современного церковного искусства профессор Н. С. Кутейникова написала недавно: «Было бы неверно считать, что все созданное иконописцем одинаково равноценно в духовном или эстетическом плане. Однако его поиски вряд ли стали бы так продуктивны и были достойны Церкви, если бы устремления его сердца и души не были направлены к Красоте и Правде. Именно через зримые Красоту и Правду стремится Георгий Панайотов выразить присутствие Духа, и это ему удастся».

Сегодня, закончив работу по созданию образов для иконостаса знаменитого петербургского «викториального» храма Святителя Пантелеимона, Георгий Панайотов

Вручение иконы св. Серафима Саровского работы Георгия Панайотова в Андрониковом монастыре (Москва) для патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго. На фотографии: Высокопреосвященный Арсений, архиепископ Истринский, Ю. В. Мудров, Г. Панайотов

работает над новым иконописным ансамблем для Троицкого собора Южно-Курильска.

Поиск и эксперимент являются одной из важнейших составляющих в формировании его мастерства. Он не только умеет переработать существующий живописный канон, но и разрабатывает новые иконографи-

ческие типы. Не удивительно, что художник обратился к тому виду религиозного искусства, который ранее не входил в круг его творческих интересов.

Георгий Панайотов только что закончил создание цикла миниатюр, иллюстрирующих «Житие священномученика Иосифа, митрополита

Астраханского». Он скрупулезно изучил основные принципы украшения церковной книги и уверенно продемонстрировал их, работая над миниатюрами. Выполненные в технике акварельной живописи с использованием золочения, они разнообразны по композиционному построению. Миниатюры привлекают живой естественностью поз, жестов главных участников сцен. Он сумел отобрать ключевые моменты жития, сохранив верность старому канону, создал живые сцены, привлекающие эмоциональным напряжением. Книжная миниатюра на сегодняшний день не находит должного отклика в работах современных художников, выбравших смыслом творчества церковную живопись, тем более интересным следует считать это начинание молодого художника.

Георгий Панайотов использует богатый опыт предшественников, но находится в постоянном поиске, разрабатывая иконографию, к которой до него не обращались мастера иконописи. В этом смелость и новаторство молодого автора, создающего яркие и подлинные по своей глубине произведения иконописи и религиозной живописи.

Призвание

А. А. Тетерин

Встреча с Ольгой Семеновной Острой должна была состояться... двадцать пять лет назад, когда впервые узнал об этом неординарном человеке в стенах Ленинградского института культуры им. Н. К. Крупской.

О фундаментальных библиографических указателях Ольги Семеновны в своих лекциях упоминал Арлен Викторович Блюм, о ее работах я неоднократно слышал от заведующего кафедрой общей библиографии и книговедения Иосифа Евсеевича Баренбаума. Здесь же в стенах института начал знакомиться с трудами библиографа, однако личной встречи не случилось. В домашней библиотеке из ее трудов имелась всего одна небольшая книжечка:

Острой О. 125 книг по русскому и советскому искусству. Л.: Художник РСФСР, 1972. 140 с.

Ольга Семеновна Острой.
РНБ. Фото 2011 г.

В 2000 году в Доме книги увидел хорошо выполненное издание:

Острой О. С. Город многоликий: Очерки о книгах и изобразительных материалах, посвящен-

ных Санкт-Петербургу (XVIII–XX вв.). СПб., 2000. 304 с.: ил.

Краеведческая библиография всегда интересовала меня, а здесь книга самой Острой! Приобрел, познакомился с содержанием, в дальнейшем неоднократно возвращался к ней. Двумя годами позже – новое приобретение:

Острой О. С., Саксонова И. Х. Изобразительное и прикладное искусство: Русские справочные издания. Середина XVIII – конец XX в.: Аннотированный указатель / РНБ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 904 с.

Летом 2007 года сотрудник Российской национальной библиотеки Галина Рудольфовна Ридер – специалист по западноевропейской книге XVI века, в разговоре о проблемах библиографического описания некоторых изданий упомянула имя

Острой. В свою очередь я отметил, что хорошо бы получить ее автограф на книгу «Город многоликий». Как оказалось, в этом вопросе каких-либо затруднений не предвиделось. Через некоторое время Галина Рудольфовна передала это издание с автографом, сделанным для меня заочно.

На титульном листе:

Человеку, любящему книгу, Александру Александровичу Тетерину от автора. О. Острой. 28.07.2007 г.

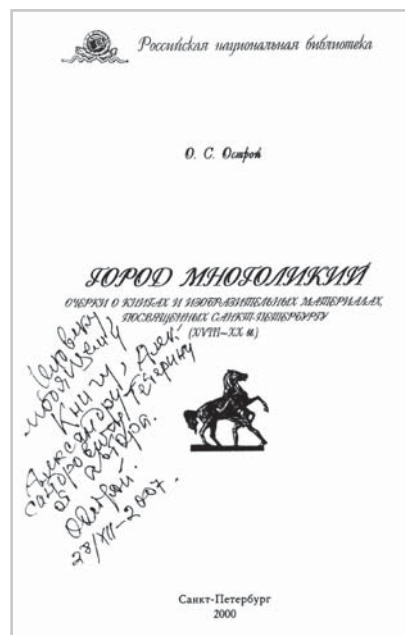
Время продолжало отсчитывать минуты, часы, годы. Лишь в сентябре 2011-го я набрался решимости встретиться с Ольгой Семеновной. Позвонил, рассказал предысторию неспешного движения к ее порогу, выразил надежду на встречу. Получил согласие и через неделю направился в Российскую национальную библиотеку. За большим круглым столом близ дежурного библиотекаря произошла наша встреча. Мне хотелось услышать о ее жизни, работе в сфере библиографии, подготовленных книгах. Ольга Семеновна любезно откликнулась на просьбу и без каких-либо отступлений повела рассказ.

Родилась она в Ленинграде в 1929 году на Миллионной, которая в советские времена называлась улицей Халтурина. В те давние времена ей было неизвестно, что Степан Халтурин один из деятелей, сыгравших в истории нашего государства весьма зловещую роль. Это знание пришло гораздо позднее, а пока – детство, юность.

С эрмитажным кружком для школьников, которым руководила Любовь Владимировна Антонова, посещала Эрмитаж, что доставляло несомненное удовольствие. Члены кружка делали сообщения, приходилось выступать и Оле. За одно из таких сообщений ей вручили репродукцию «Геракл, убивающий Немейского льва», которую повесила на стену и была очень довольна. А еще посещала Дворец пионеров, занималась художественным словом.

Пришла война. Из Ленинграда эвакуировались лишь в июле 1942 года, оказались в Башкирии. Отец в это время находился в ополчении.

Эвакуированные попали в деревню, которая находилась в 20 км от железной станции Буздяк. Русского языка здесь не знали, но

Оля быстро «схватила» основы башкирского и стала для матери переводчиком.

Условия жизни – ужасные, однако местные жители к эвакуированным относились хорошо. Кстати, ленинградцев уважали больше, чем москвичей.

Через четыре месяца уехали в Копейск Челябинской области – город угольщиков, в котором работал дядя. В Копейске находились до конца войны, здесь же окончила восемь классов. В Ленинград вернулись в октябре 1945 года.

По возвращении пошла в девятый класс. Школа была не интересна, а вот решение стать искусствоведом укрепилось. Ходила в десятом классе в университет на некоторые лекции, а в 1947 году подала документы на отделение истории искусств исторического факультета. Искусствоведов в то время готовили довольно много. Свидетельство тому – три выпуска в 1952 году – 67 человек.

В конце 2-го курса вышла замуж, в середине 4-го родилась ребенок. Отпуск не брала, поэтому обучение завершила со всеми. Получила диплом с отличием.

Возвращаясь к тем давним временам, Ольга Семеновна подчеркивает: «Я и сегодня счастлива в том, что слушала лекции замечательных ученых – Н. Н. Пунина, Б. М. Эйхенбаума...»

Шел разговор о ее аспирантуре. Была увлечена искусством Польши, занималась эпохой романтизма. Но

во время «борьбы с космополитизмом» аспирантура оказалась для еврейки недоступной. С трудоустройством оказалось не легче, даже в каком-то экскурсионном центре отказали, когда прочитали анкету, и... последовали шесть лет без постоянного рабочего места. Давала уроки русского языка, устраивалась на временные работы, занималась инвентаризацией в библиотеке Академии наук, работала в Русском музее. Счастливой случайностью было ее появление 11 сентября 1958 года в Публичной библиотеке. Дело в том, что мать Ольги встретила на улице человека по фамилии Каронович, с которым работала до войны. Сейчас он был директором типографии Публичной библиотеки, а потому рекомендовал Острой в издательский отдел, возглавляемый Леонидом Николаевичем Анисимовым.

Ольга Семеновна вспоминает этого человека с большой нежностью, поскольку Леонид Николаевич прошел путь от наборщика до заведующего отделом, знал всю полиграфическую кухню, но самое главное – он был очень хорошим, глубоко порядочным человеком.

Леонид Николаевич поощрял молодую сотрудницу, совершенствовал ее профессиональные навыки, направлял сложных в общении авторов. Она, в свою очередь, не раздражалась, что некоторые авторы в упор что-то не понимали, а формально работать не умела и, по сути, занималась редактированием рукописей.

Однажды некая дама, заведующая отделом, написала статью в ЮНЕСКО. В таком виде давать материал было невозможно, поэтому кое-что подлежало правке. Тогда эта дама направилась к заместителю директора по науке Ольге Дмитриеве Голубевой и сказала, что какая-то девчонка правит ее работу. (В то время Ольга Семеновна уже была матерью семейства.) Голубева вызвала, посмотрела статью и согласилась с правками.

Тем временем писала диссертацию, консультировалась в университете у Валентина Яковлевича Бродского, однако ни дня в аспирантуре не была. В 1963 году защитилась, стала кандидатом искусствоведения и получила перевод в научный отдел, который назывался Отделом печатных работ. (Сейчас это Отдел библиографии и краеведения.)

Возможности Ольги Семеновны проверили на брошюре «Что дает человеку искусство». Постаралась составить указатель без скучного словосочетания «книга рассказывает...». По-видимому, работа оказалась удачной...

На этом наш разговор решили закончить, а продолжить через несколько дней. Впрочем, именно в тот раз Ольга Семеновна написала мне при выходе из библиотеки две книжечки, которые я принес с собой:

Острой О. С. Труды, в которых отразился век: Историки искусства в Публичной библиотеке: конец XVIII – начало XX в. / Российская национальная библиотека. СПб., 2004. 176 с.

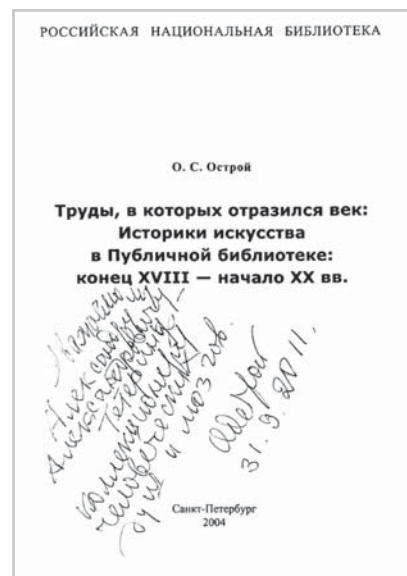
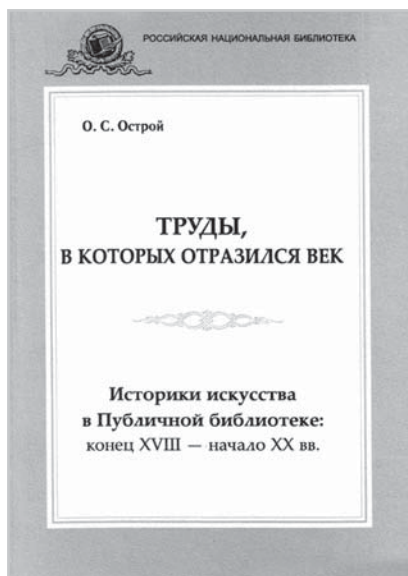
На титульном листе:

Уважаемому Александру Александровичу Тетерину – коллекционеру человеческих душ и мозгов. О. Острой. 31.09.2011 г.

Острой О. С. П. Н. Столпянский и его «Петербургиана» в Российской национальной библиотеке // Историко-библиографические исследования: Сборник научных трудов. Вып. 7. СПб., 1998. С. 77–92.

На титульном листе:

Уважаемому Александру Александровичу Тетерину – человеку книжному – с пожеланием обогащать коллекцию книг и персон, которые к ним (книгам) причастны. О. Острой. 31.09.2011.

Через неделю состоялась новая встреча.

«В то время Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина оказалась главным учреждением по библиографии второй степени, – продолжает рассказ Ольга Семеновна. – Это значит – библиография библиографии».

Острой начала работу над большим выпуском, который назывался «Изобразительное и прикладное искусство: Библиография русской библиографии». В 1969 году книга вышла в свет, имела хорошую прессу, появился положительный отзыв в журнале «Искусство».

В 1972 году вышла вторая книга той же тематики, только учитывались не библиографические, а справочные издания. Таким образом, произошла фиксация репертуара библиографических и справочных изданий по отраслевой библиографии, то есть по искусствоведению.

Издательство «Художник РСФСР» обратилось к ней с просьбой подготовить библиографическое пособие «125 лучших книг по изобразительному и прикладному искусству». Заказ выполнила в срок. Затем приступила к планомерной работе над историей искусствоведческой библиографии. «Дело в том, что у нас в библиотеке, и не только у нас, история отраслевой библиографии в загоне, – говорит Ольга Семеновна. – Если над общей библиографией еще работают исследователи, то с отраслевой сложнее. Над ней должны работать не библиографы вообще, а профессионалы той или

иной специальности. Чтобы делать такую историю библиографии, следует знать закономерности развития обозначенной отрасли знания. А поскольку я искусствовед, то решила себе заниматься искусствоведческой библиографией».

В 1991 году Ольга Семеновна выпускает книгу: «История искусствоведческой библиографии в России (XI – начало XX в.)». Не случайно библиограф начала работу с XI века: житий святых, патристики, эстетических трактатов. Исследователь подчеркивает, что каждое явление должно рассматриваться с момента его эмбрионального существования, лишь после этого возможно понимание закономерностей процесса развития.

В начале работы она исследовала государственные архивы Москвы и Петербурга, в том числе Музея изобразительных искусств, Эрмитажа, Русского музея.

Религиозное искусство древности было строго каноничным, художник не имел права отступать от установленных правил, поэтому рекомендации всегда содержали этот канон со ссылкой на то, откуда он взят. «Это, конечно, были зачатки не библиографического мышления, а, скажем, библиографического взгляда, – подчеркивает Острой. – Таким образом, я начала писать цикл статей специально о Древней Руси. Первая статья называлась «Начала», далее – о XVIII веке, первой половине XIX века, второй половине XIX века, начале XX века. Затем весь материал объединила в единую книжку: «История искусствовед-

ческой библиографии в России (XI – начало XX в.)". Таким образом, прослеживался путь развития библиографии, всех ее закономерностей в историческом пространстве, начиная с зарождения»².

Эта работа была защищена в 1991 году как докторская диссертация. Затем Ольга Семеновна решает продолжить работу в этом направлении. В 1994 году вышла ее книга «История искусствоведческой библиографии в России: 1917–1991»². Таким образом, удалось проследить зарождение, складывание и развитие искусствоведческой библиографии на фоне общекультурного развития, развития искусствоведения и самого искусства.

«Когда сделала эти книжки, – говорит Ольга Семеновна, – посчитала свою миссию библиографа выполненной, а в свое время готовилась быть искусствоведом <...> Если человек не совсем попадает в точку – так жизнь складывается – ему хочется отыскать те профессиональные возможности, которые он может употребить, занимаясь другим делом. Я искала и что-то нашла...

В 1994 году занялась сводными каталогами библиографии второй степени изобразительного и прикладного искусства, т.е. тех источников, которые учитывают не собственно книги, а библиографические работы. Кроме того, в соавторстве с И. Х. Саксоновой мы сделали первую книгу библиографии справочных изданий, начиная с середины XVIII века и до конца XX века. Она вышла в 2002 году и получила на Всероссийском конкурсе справочных и библиографических работ первое место.

Особо библиограф отмечает сборник «Российская национальная библиотека и отечественная художественная культура», который сама придумала и организовала его выход. В настоящее время читатель располагает четырьмя выпусками, пятый в работе. Это сборник статей и публикаций, который включает статьи о коллекциях Российской национальной библиотеки, иногда об одном экспонате, поскольку имеются отделы эстампов, картографии. (Надо сказать, что отдел владеет картами, к примеру, XVII века, которые являются синтезом картографии и изобразительного искусства.) Из иностранного фонда

в издание помещались материалы об инкунабулах, книгах XVII века. Кроме того, публиковались статьи по вопросам изобразительного искусства, искусства в музыке, а также об искусствоведах в библиотеке.

В последние годы О. С. Острой работала с Полиной Лазаревной Вахтиной, готовили к публикации книгу о Николае Дмитриевиче Чечулине, который в свое время заведовал отделом эстампов, называвшимся в его бытность Отделением изящных искусств и технологий.

В отделе рукописей Ольга Семеновна обнаружила письмо – счастливая находка – Михаила Владимировича Фармаковского, который заведовал историко-бытовым отделом Русского музея. Письмо адресовано Чечулину и датировано 1923 годом. М. В. Фармаковский выражает Николаю Дмитриевичу благодарность за передачу Русскому музею рукописи о жизни русской провинции во второй половине XVIII века (время правления Екатерины II).

Этой темой Чечулин занимался, будучи доцентом университета. В 1898 году выпустил очень краткую работу на эту же тему, затем стал разрабатывать ее глубже. В итоге получилась объемная рукопись.

Чечулин – мелкопоместный дворянин, семьей не обзавелся, жил у своего брата-врача. В 1918 году его выселили из дома, не разрешили даже взять продукты, с личной библиотекой возникли неприятности.

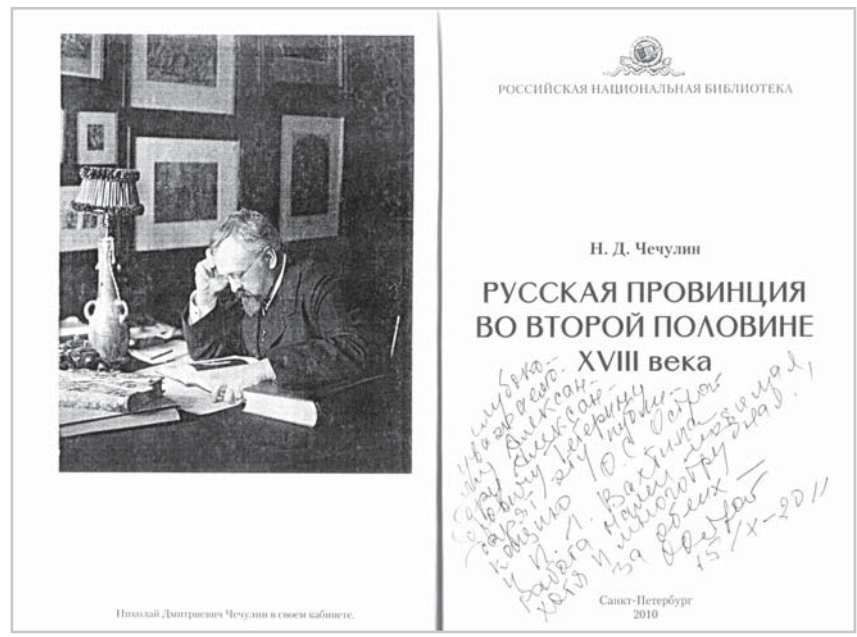
Николай Дмитриевич понимал, что рукопись о провинции – самое важное дело его жизни, может погибнуть, поэтому в 1922 году передал в Русский музей.

О. С. Острой рассказывает: «Узнав о рукописи, начала ее искать. Поскольку речь шла о Русском музее, то пошла в отдел рукописей Русского музея. Найти ничего не удалось. Тогда сообразила, что историко-бытовой отдел размещался там, где сейчас этнографический музей. Направилась туда, рукопись обнаружила, но сотрудница архива – милая, доброжелательная женщина – не знала, кто такой Чечулин, что за рукопись, почему она оказалась в музее.

Работа с рукописью оказалась очень сложной, поскольку необходимо было проверять каждую фразу, цитату, ссылку.

По подготовке рукописи к печати с Полиной Лазаревной работали около двух лет. У автора не было иллюстраций, но решили – хорошо бы дополнить книгу иллюстративным материалом, который принадлежал бы тоже второй половине XVIII века. Ходили по музеям, собрали около 200 иллюстраций, а вот издательские возможности библиотеки не учли. В итоге поместили какое-то количество иллюстраций. В основном – бытовая история.

По завершении работы выяснилось, что у рукописи нет концовки, а жаль, поскольку разговор в ней мог идти об умственных интересах во второй половине XVIII века.

Стало известно, что в Российской государственной библиотеке имеется какой-то материал Чечулина. Поехала в Москву. Материал разыскала, но это была рукописная статья по учебникам истории, которыми пользовались в XVIII веке. Тем не менее ксерокопировала, привезла в Санкт-Петербург. С Полиной Лазаревной опубликовали ее в виде приложения к книге.

Первоначально наш проект обсуждался на очень высоком уровне, присутствовали доктора филологических наук, которые и подтвердили необходимость публикации. Мы были счастливы, когда книга увидела свет:

Чечулин Н. Д. Русская провинция во второй половине XVIII века / Публикаторы и авторы вступ. статьи П. Л. Вахтина, О. С. Острой. СПб., 2010. 836 с.

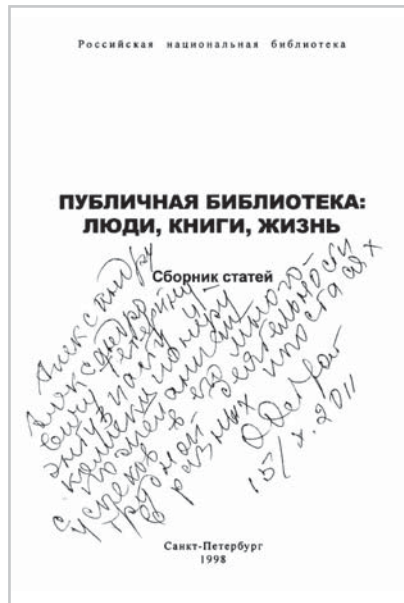
Она хорошо издана – спокойное сочетание серебряных букв с синим переплетом, колонтитулами.

Книгой пользуются в музеях, сама подарила Эрмитажу. Считаю это издание достойным завершением моей работы в Российской национальной библиотеке¹.

Ольга Семеновна трепетно проводит рукой по верхней крышке переплета, затем берет ручку.

На титульном листе появляется надпись:

Глубокоуважаемому Александру Александровичу Тетерину дарят эту публикацию О. С. Острой и П. Л. Вахтина. Работа наша любви-

мая, хотя и многотрудная. За обеих О. Острой. 15 / X – 2011.

Здесь же она надписывает книги:

Публичная библиотека: люди, книги, жизнь: Сборник статей / Российская национальная библиотека. СПб., 1998.

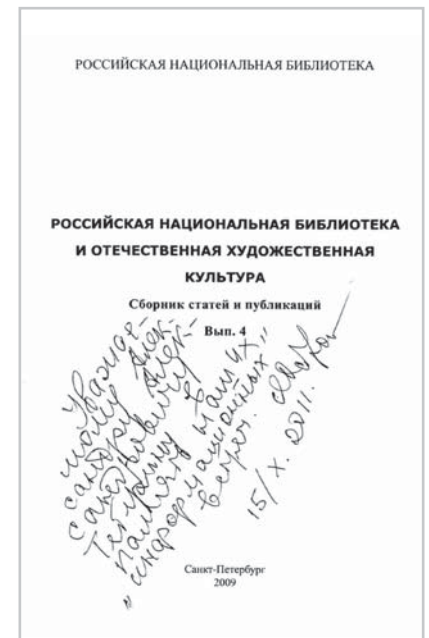
На титульном листе:

Александру Александровичу Тетерину – энтузиасту и коллекционеру с пожеланием успехов в его многотрудной деятельности в разных ипостасях. О. Острой, 15 / X – 2011.

Российская национальная библиотека и отечественная художественная культура: Сборник статей и публикаций / РНБ. Вып. 4. СПб., 2009.

На титульном листе:
Уважаемому Александру Александровичу Тетерину в память наших «информационных» встреч. О. Острой, 15 / X – 2011.

«Сейчас мне 83 года, – завершает разговор Ольга Семеновна. – Рада, что оставила свой след в книжном мире. Непременно хочу отметить хорошее отношение к себе сотрудников библиотеки, администрации. Все темы, которые я осуществила, выбирала сама. Оглядываясь на пройденный путь, подтверждаю, что библиотека первоначально оказалась моим приютом, а затем просто родным домом».

¹ «Борьба с космополитизмом» – идеологическая кампания, проводившаяся в СССР в 1948–1953 годах, была направлена против ряда представителей интеллигенции, которые рассматривались как носители западных идей. Кампания сопровождалась обвинениями евреев в «безродном космополитизме» и враждебности к патриотизму советских граждан. Обвинения послужили сигналом к увольнению евреев со многих постов и должностей. Последовали аресты.

² Острой О. С. История искусствоведческой библиографии в России, XI – начала XX в. / Науч. ред. Е. В. Бархатова. Л., 1991.

³ Острой О. С. История искусствоведческой библиографии в России, 1917–1991 / Науч. ред. Е. В. Бархатова. СПб., 1994. 232 с.

Академический хор Санкт-Петербургского государственного технологического университета

Л. М. Лебедев

Среди студенческих хоровых коллективов Санкт-Петербурга хор Технологического института является одним из старейших и свой 60-й отчетный концерт планирует провести осенью 2012 года.

А началось все в 1951 году, когда аспирант кафедры хорового дирижирования Ленинградской консерватории Александр Иванович Крылов был приглашен руководить небольшим хоровым коллективом студентов. Молодой дирижер с большим энтузиазмом начал работать с молодежью. Он всегда считал, что свойственный юности азарт и энергия – это то, что должно сделать студенческий коллектив интересным для слушателей, да и самих ребят занятия в хоре обогащают, развивают их вкус, знания, и это не говоря уже о том, что само по себе пение является удовольствием.

Александр Иванович считал, что нет безголосых и без музыкального слуха людей, а есть люди, у которых недостаточная координация голоса и слуха. Но музыкальный слух и координация голоса и слуха развиваются в процессе тренировок, которыми считаются репетиции. Поэтому в хор принимали любого, пришедшего на занятия. У поступающего проверялся характер голоса и музыкальный слух. Отсутствие музыкального образования не являлось препятствием для поступления в хор. Требовалось только желание петь и посещать репетиции.

Уже через четыре года в хоре пело 140 человек, что позволило в 1955 году на выпускном экзамене руководителя показать интересную и исполненную на высоком художественном уровне программу.

Работая с хором, Александр Иванович выработал свою неповторимую манеру дирижирования и общения с коллективом на сцене, когда исполнители понимали едва

А. И. Крылов – создатель и первый руководитель хора

уловимые движения кисти руки и даже выражение взгляда для изображения тончайших нюансов музыкального произведения. Кропотливой работой на репетициях дирижер добивался того, что сложнейшие музыкальные произведения певцы исполняли на память. Он умел подобрать такой темп произведения, который наиболее ярко отражал его характер. Все свои навыки он передавал ученикам – студентам

консерватории. Десятки студентов консерватории, института культуры и музыкальных училищ прошли дирижерскую практику в хоре.

Последующие годы были временем, за которое хор расширял свой репертуар, вел успешную концертную деятельность.

Коллективом было разучено и исполнено в отчетных, праздничных и разнообразных концертах отдельно или в составе сводных хоров более 400 произведений разных жанров, разных эпох, разных народов, разных композиторов. Это не считая десятков бардовских и походных, застольных и других песен, исполняемых под гитару.

За сорок семь лет пения под руководством А. И. Крылова хор становился лауреатом на конкурсах международных, всесоюзных, республиканских, городских (лауреат Фестиваля хоров «Таллин-75»; лауреат фестиваля «IFAS-90», Венгрия, 1990 г. и других). Были завоеваны: 1-я премия, «Ювентус-70», Литва; специальный приз на Хоровом фестивале им. Б. Бартока, Венгрия, 1972 г. Хор был участником Всесоюзных конкурсов-смотров художественной самодеятельности,

множества фестивалей, студенческих праздников песни в СССР и за рубежом. В порядке обмена со студенческими коллективами других стран пел в Дрездене (ГДР), Кракове (ПНР), Белграде (Югославия), выступал на фестивальных конкурсах в Дебрецене (ВНР), Пардубице (Чехия). Гастролировал хор в Москве, Киеве, Харькове, Таллине, Риге, Минске, Петрозаводске, Ярославле, Рыбинске, Горьком, Пскове, Иванове, Архангельске, Новгороде.

В родном городе хор неоднократно выступал в лучших концертных залах. В Ленинградской области пели в Домах культуры Волхова, Кронштадта, Ломоносова, Соснового Бора, в сельских клубах, в больницах и домах отдыха. Хор выступал на открытых эстрадах в парках Петродворца, Пушкина, Ораниенбаума. Выступления хора неоднократно записывались на радио и телевидении. Хор был участником киносъемок. Есть у хора и грамзаписи.

Одним из итогов деятельности хора было присвоение ему в 1963 году звания «Народный коллектив».

После ухода из жизни основателя коллектива (1999 год) участники хора решили сохранить имя Александра Ивановича Крылова в наименовании хора.

Ученики А. И. Крылова Николай Хомич и Михаил Голиков после смерти маэстро взяли художественное руководство хором на себя.

В настоящее время художественным руководителем Академического хора имени А. И. Крылова Технологического института является Яна Николаевна Волконская, окончившая с отличием дирижерско-хоровую и вокальный факультеты. Ей помогает в работе хормейстер Татьяна Валерьевна Клим, получившая высшее музыкальное образование в Университете культуры и искусств.

9 ноября 2008 года в зале Капеллы состоялся вечер памяти, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося музыканта и педагога, организованный благодарными хористами, которые создавали музыкальные образы под его руководством. 33 года Александр Иванович руководил хором студентов ЛЭТИ и 47 лет — хором студентов ЛТИ.

Я. Н. Волконская – продолжатель дела А. И. Крылова, руководитель хора

В концерте, продолжавшемся более трех часов, выступили десять хоров (более 500 певцов), в том числе детские, которыми дирижировали ученики маэстро. А их, как было отмечено в аннотации, оказалось 68 человек, ведь после обучения в Ленинградской консерватории Александр Иванович 45 лет работал на кафедре хорового дирижирования.

Хор ведет активную концертную деятельность в Санкт-Петербурге, во многих городах России и за рубежом, принимает участие в конкурсах и фестивалях:

- трижды лауреат городского конкурса университетских хоров «Арт-студия»,

- ежегодный участник Всероссийского фестиваля «Невские хоровые ассамблеи» «Пою мое Отечество» (организатор – Санкт-Петербургская государственная Академическая Капелла имени М. И. Глинки, художественный руководитель фестиваля – В. А. Чернушенко)

- ежегодный участник Всероссийского пасхального фестиваля

- ежегодный участник фестиваля университетских хоров «Апрельская капелла» в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете и др.

И сегодня в хоре поют любители – люди, не имеющие специального музыкального образования: студенты, аспиранты, преподаватели, сотрудники и выпускники Санкт-Петербургского технологического института, химики-технологи, а также представители других профессий: юристы, учителя, врачи. Традиции, заложенные А. И. Крыловым, хористы берегут и преумножают.

Смерть Николая I: самоубийство, которого не было

Ю. А. Молин, Г. А. Воронцов

Обстоятельствам смерти императора Николая I посвящено много работ, но ясности в причине его смерти нет. Учеными рассматриваются две основные версии: официальная – государь скончался от простуды, вызвавшей паралич легких; «общественная» – император, не выдержав поражения в Крымской войне, покончил с собой (принял яд или сознательно «простудился», чтобы умереть). Есть еще и «народная» версия: «отравили царя-батюшку проклятые лекари-немцы»¹.

Многие историки, работавшие над этой темой, опираясь на мемуарные сведения, склонны поддерживать версию о самоубийстве, избегая, однако, делать категорические выводы. Только замечательный историк XIX века Н. К. Шильдер мнение выразил категорично: «отравился». Такое замечание он оставил на полях труда М. А. Корфа², против строк, где говорится, что «император Николай опочил от трудов своих смертью праведника». Исследователи до сих пор ссылаются на это утверждение, доверие к которому основывается на авторитете профессора Шильдера. Аргументации своего мнения ученый не оставил³.

Первая проблема, возникающая в связи с «загадкой смерти» Николая I, – хронологическая. Указывают на внезапность кончины. Согласно официальной версии, болезнь началась 27 января 1855 года. Это подтверждается дневниковыми записями современников⁴. На простуду царь не обратил внимания и интенсивно работал в привычном для себя ритме. 31 января он кашлял и жаловался на боль в спине. 2 февраля самочувствие Николая I ухудшилось, появилось «стеснение в груди», одышка, в тот день он не покидал своего кабинета. 4-го числа, несмотря на лихорадку и уговоры врачей, государь посетил смотр гвардейского батальона.

Портрет императора Николая I на коне. 1840 г.

На следующий день он вновь почувствовал лихорадку, боль в боку, сильный кашель. 5–8 февраля Николай не покидал дворца, соблюдал диету и предписания медиков, но, почувствовав себя лучше, сразу же (9 и 10 февраля) поехал на проводы гвардейских батальонов, отправлявшихся на войну. Вечером 10 февраля обострились «подагрические припадки». Утром 11-го врачи уговари-

ли Николая не идти на церковную службу и соблюдать постельный режим. С 12 февраля император не вставал с постели, приступы лихорадки сменялись сильным ознобом. 13–16 февраля состояние больного не улучшилось, врачи зафиксировали воспаление нижней доли правого легкого. Он жаловался на «подагрические боли». 17-го усилилась лихорадка, врачи впервые заговорили о

возможности смертельного исхода. 18 февраля Николай I скончался от паралича (отека) легких⁵.

Некоторые исследователи, чтобы подчеркнуть неожиданный исход болезни императора, склонны сокращать ее продолжительность. Это, по их мнению, подкрепляет доводы в пользу версии о самоубийстве⁶. Между тем продолжительность болезни Николая устанавливается точно – более трех недель (с 27 января по 17 февраля), прежде всего, по камер-фурьерским журналам и другим фондам РГИА⁷.

В русских газетах появились бюллетени о состоянии здоровья императора. Бюллетени № 1 и 2 опубликованы 18 февраля 1855 года. В первом документе сообщалось, что 13 февраля «Его Величество заболел лихорадкой», во втором – о состоянии больного на 11 часов вечера 17 февраля. Опубликованный 19 февраля с информацией за вчерашний день бюллетень № 3 говорил об «опасном» состоянии здоровья императора. 21 февраля вышел манифест о смерти Николая I. Задержки с публикациями объяснялись тем, что описание болезни лейб-медик М. Мандт вел на немецком языке и требовалось время на перевод. К тому же 20 февраля было воскресенье и газеты не выходили. Очевидно лишь отсутствие оперативности власти и прессы.

По мнению сторонников версии самоубийства Николая I, к этому привели неудачи русской армии в Крыму. Оказавшись на грани нервного срыва после прибытия курьера с новостями об очевидном поражении в Евпатории, царь будто бы принял решение умереть. Действительно, поражения сказались на эмоциональном состоянии императора. А.Ф. Тютчева отмечала, что государь плакал: «Его нервы в самом плачевном состоянии»⁸.

Факты говорят, что преувеличивать значение известий о случившемся под Евпаторией не стоит. Надеясь на лучшее, царь готовился к худшему. В письмах, датированных началом февраля 1855 года, Николай I указывал генерал-адъютанту М. Д. Горчакову и фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу на возможность «неудачи в Крыму», на необходимость тщательной подготовки обороны Николаева и Херсона. Неудача с штурмом Евпатории

нанесла болезненный удар по престижу страны, но никак не являлась событием, предопределившим поражение в войне. Судьба кампании зависела от защитников Севастополя, продолжавших сражаться до осени 1855 года.

Существовало обстоятельство, на которое практически все исследователи не обращали внимания: глубочайшая религиозность царя. В делах веры (как и в других фундаментальных вопросах) царь с присущим ему педантизмом придавал большое значение принципиальным догмам христианства. Самовольный уход из жизни – «смертный грех», превосходящий по тяжести убийство, и император с давно сложившейся системой жизненных координат никогда не осмелился бы через нее переступить.

Близкий к государю флигель-адъютант В. И. Ден отвергал предположения о самоубийстве: «Кто знал близко Николая Павловича – не мог не оценить религиозного чувства, которое его отличало, и которое, конечно, помогло ему с христианским смирением перенести все удары судьбы, как бы тяжки, как бы чувствительны для его самолюбия они ни были»⁹. Следует согласиться с выводом писателя и историка А. Труайя, утверждающего, что для самоубийства Николай I был «слишком набожен». Но, рассуждая подобным образом, литератор не смог преодолеть писательский вымысел и переместил суицидальные устремления Николая I из сферы сознательного выбора в область подсознательного! Якобы простуженный император пренебрег советами врачей и в сильные морозы специально устроил смотр войскам для реализации желания «ускорить ход событий, не прибегая все же к самоубийству»¹⁰.

Если отказаться от «заданности» в изучении проблемы, становится ясно, что в поведении Николая I нет ничего необычного. Император относился к типу пациентов, которые пренебрегают рекомендациями врачей, предписанный режим не соблюдают, переносят болезнь «на ногах». Это подтверждается многими свидетельствами. В конце 1847 года Николай «разнемогся» так, что с трудом передвигался из-за боли в суставах, уложить его в постель сумели только после

долгих уговоров. Зимой 1849 года произошла история, повторившаяся ровно через шесть лет: Николай сильно простудился на маскараде в театре, и лейб-медик Ф. Каррель, «несмотря на жестокие страдания больного, никак не мог уговорить его лечь в постель». Во время смертельной болезни великого князя Михаила Павловича (1849) царь регулярно посещал брата, превозмогая тяжелейшие приступы головной боли и тошноты. Чтобы помочь царю, его голову постоянно смачивали одеколоном и уксусом¹¹. Плановые медицинские осмотры оборачивались формальностью. Ассистент лейб-медика Н. Ф. Арендта вспоминал, что они «обязаны были являться к государю к 7–8 часам утра, когда приготавливали чай или кофе, и в это время обыкновенно завязывался не служебный, а простой разговор»¹².

К роковой развязке последней болезни привели два главных обстоятельства: легкомыслие Николая I в процессе лечения и халатность придворных медиков, прежде всего – Мандта, который являлся единственным врачом, заслужившим абсолютное доверие царя. Как известно, Николай I был на редкость постоянен в привязанностях и доверял своим любимцам даже тогда, когда они этого не заслуживали. Коллеги Мандта отзывались о нем как о человеке умном, хитром и одновременно отмечали в нем карьеризм, категоричность в суждениях, а также недостаточность профессиональной подготовки. В биографии лейб-медика отмечен период увлечения магической практикой и «магнетизмом» (гипнозом). Мандт создал печально известную лечебную систему, так называемую «атомистическую методу», которая не получила признания ни в научных кругах, ни у практиков и была развенчана сразу после смерти его высочайшего покровителя. Суть «системы» заключалась в модном тогда пользовании пациентов «водами», диетами, резком уменьшении лекарственных доз. Мандт практиковал свое лечение даже в случаях, требовавших энергичного врачебного вмешательства, в том числе хирургического.

Заболеванию царя медик не придал должного значения, поскольку речь шла о «легком гриппе»,

эпидемия которого охватила весь Петербург. Исторические документы объективно подтверждают наличие в Санкт-Петербурге в то время сильной эпидемии гриппа. По описаниям специалистов, заболевания у горожан протекали тяжело, с большой смертностью, обусловленной наступавшим после гриппа воспалением легких¹³. Вина Мандта заключалась в неумении настоять на соблюдении государем постельного режима. Врач верно диагностировал болезнь, но его хваленая «атомистическая метода» при быстро прогрессирувавшем тяжелом заболевании положительного результата не принесла. Рецепт лекарств была изменена лишь накануне смерти, когда к лечащим врачам присоединился профессор И. В. Енохин, но было поздно.

Единственное «авторское» свидетельство, говорящее в пользу версии об отравлении, – воспоминания А. В. Пеликана, внука директора Медицинского департамента и начальника Медико-хирургической академии В. В. Пеликана: «В день смерти Николая дед заехал по обыкновению к нам, был крайне взволнован и говорил, что император плох, что его кончины ждут с часу на час. Вскоре после отъезда деда явился из департамента неожиданно отец и объявил, что императора не стало. Отец был сильно взволнован, глаза его были заплаканы, хотя симпатий к грозному царю он, по складу своего ума и характера, чувствовать не мог <...> Вскоре после смерти Николая Мандт исчез с петербургского горизонта. Впоследствии я не раз слышал его историю. По словам деда, Мандт дал желавшему во что бы то ни стало покончить с собой Николаю яду <...> О вскрытии тела покойного императора он (прозектор Венцель Грубер. – *Авт.*) не преминул составить протокол и, найдя протокол этот интересным в судебно-медицинском отношении, отпечатал его в Германии. За это он посажен был в Петропавловскую крепость...»

Рассказ, казалось бы, вызывает доверие правдоподобными подробностями и ссылками на конкретных лиц. Видимо, поэтому свидетельство А. В. Пеликана постоянно используется поклонники «суицидной» версии, избегая его анализа. Между тем данный источ-

Император Николай I.
Худ. Э. Верне

ник нуждается в критике гораздо более других. В семье Пеликанов придерживались либеральных взглядов: не питал симпатий к царю Пеликан-отец, равно как и сын. Именно в либеральных кругах версия самоубийства императора получила наибольшее распространение. «Прямой речью» ее излагали А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, Н. В. Шелгунов и другие публицисты демократических убеждений. Самоубийство Николая Павловича для «прогрессивной общественности» было «доказательством» порочности политической системы, которой он придерживался 30 лет¹⁴.

В сочувственном по отношению к Николаю I дневнике А. Ф. Тютчевой есть запись: «Говорят об отравлении, уверяют, что партия, враждебная войне, хотела отделаться от императора, обвиняют Мандта, которому давно не доверяют, одним словом, тысячи нелепых слухов, какие часто возникают в моменты кризисов, слухов, которым верят массы, всегда жадные до всего необычайного и страшного. Для них все представляется возможно, кроме того, что действительно есть»¹⁵. Как это верно и для сегодняшних дней!

Мы категорически отвергаем возможность того, что Мандт, достигший высших придворных должностей, лейб-медик, знавший толк в дворцовой интриге, осведомленный об интимных сторонах жизни императора, мог решиться на такой глупый шаг – признаться

в том, что помог отравиться пациенту. Какие мотивы могли толкнуть лейб-медика на откровенные беседы с Пеликаном? Их нет. Долго живший в России Мандт понимал, что разглашение тайн императорской семьи повлекло бы репрессивные меры. Однако его никто не удерживал, и вскоре он покинул пределы империи. Оказавшись вне России, Мандт опубликовал в Берлине статью о болезни Николая, которая в основном повторяла официальную версию. И все же правительство перепечатку статьи в России запретило, содействуя тем самым распространению разнообразных слухов. Переписка на этот счет двух министров – Императорского двора и Народного просвещения сохранилась в архивном фонде РГИА¹⁶.

Является совсем неправдоподобной и история с В. Л. Грубером. Статья анатома, будто бы напечатанная в Берлине, не обнаружена исследователями до сих пор. Перу Грубера принадлежит более 600 научных работ, опубликованных в России и за рубежом. Однако ни в полной библиографии В. Л. Грубера, хранящейся в музее кафедры нормальной анатомии ВМА, ни в каталогах Фундаментальной научной библиотеки ВМА и в Государственной центральной медицинской библиотеки в Москве, как и в генеральных каталогах библиотек США и ФРГ, статьи Грубера с названием, имеющим хотя бы косвенное отношение к данной теме, обнаружить не удалось¹⁷. А заключение в Петропавловскую крепость... Не выдумка ли это семьи Пеликанов? Установленный факт: фамилия Грубера в списке заключенных Петропавловской крепости не значится. Скорее всего, протокола о вскрытии, составленного Грубером, не существовало, так как оно производилось другими лицами, пишет П. К. Соловьев¹⁸.

К разряду небылиц относятся и сведения Н. К. Мосолова, приведенные в статье И. В. Зимина в подтверждение версии о самоубийстве. Доктор, опираясь на семейное предание, утверждал, что его прадед лейб-хирург К. Ф. Боссе, вскрыв труп Николая I, воскликнул: «Какой сильный яд!», но ему было приказано молчать об этом. И. В. Зимин не нашел имен тех, кто занимался вскрытием, но предположил, что Боссе, как лейб-хирург,

мог находиться среди них¹⁹. Между тем список лиц, присутствовавших при вскрытии, записан в камер-фурьерском журнале и других архивных документах, фамилия Боссе в них не упоминается²⁰.

Сторонники версии самоубийства манипулируют еще рядом обстоятельств, требующих исследования. Настораживающий момент – бальзамирование императора проводилось дважды. Полковник Генерального штаба И. Ф. Савицкий объяснял интенсивное разложение тела продолжавшимся действием яда. Как и Пеликан-младший, Савицкий утверждал, что о просьбе царя «выписать» яд ему поведал лично... Мандт! Ни опровергнуть, ни подтвердить этого лейб-медик уже не мог, поскольку скончался за границей в 1858 году. Савицкий в мемуарах живописал: «желтые, синие, фиолетовые пятна», «черты лица, сведенные судорогой». По его словам, Александр II, увидя отца обезображенным, вызвал профессоров Медико-хирургической академии Здеканера и Мяновского и «повелел им любым путем убрать все признаки отравления, чтобы в надлежащем виде выставить через четыре дня тело для прощания. Ведь эти фатальные признаки подтверждали бы молву, уже гулявшую по столице, об отравлении императора». Медики «буквально перекрасили, подретушировали лицо, и его тело надлежащим образом уложили в гроб», обложив ароматическими травами²¹.

На этом отрывке основывается претендующая на сенсационность работа А. Ф. Смирнова²². Но излияния мемуариста переполнены грубейшими ошибками. О мифической откровенности Мандта не стоит повторяться. Профессора Н. Ф. Здекауэр (фамилию которого исковеркал Савицкий) и И. И. Мяновский были терапевтами и бальзамированием никогда не занимались. Признаки разложения проявились не до консервирования трупа, а после него, и тогда бальзамирование пришлось повторить. Интересна судьба И. Ф. Савицкого – участника польского восстания 1863–1864 гг., политического эмигранта, называвшего императора «страшилищем в огромных ботфортах с оловянными пулями вместо глаз»²³. «Не в этом ли ключ» к его измышлениям?

В дневнике А. Ф. Тютчевой дано иное толкование событий: Николай I «сделал распоряжения на случай своей смерти и пожелал, чтобы его бальзамировали по системе Ганоло, заключающейся в том, что делается простой надрез в артерии и выпускается туда электрический ток». Прощание с императором происходило в небольшом помещении, где скапливалось много народа, желавшего проститься с царем, и стояла «жара почти нестерпимая»²⁴. В записи Тютчевой есть неточность, обусловленная некомпетентностью в области медицины. Бальзамирование по системе Ганоло* подразумевало введение в труп антисептических растворов без вскрытия тела. Грубер пунктуально следовал предписаниям этого новаторского метода, но останки императора подверглись интенсивному разложению²⁵. В России к середине XIX века успешно применялись лишь способы бальзамирования, связанные с предшествующим вскрытием тела и освобождением его полости от внутренних органов²⁶. Профессорам П. А. Нарановичу и И. В. Енохину пришлось экстренно бальзамировать тело Николая повторно. Для Грубера эта история закончилась без каких-либо последствий. Все участники первичного бальзамирования были награждены (см. Указание графа Адлерберга министру финансов от 12.03.1855²⁷), что полностью опровергает рассказ Пеликана-младшего о заключении анатома в Петропавловскую крепость...

* * *

Таковы краткие факты, относящиеся к аргументации разных версий смерти Николая I. Готовя к печати книгу «Романовы. Давно забытые черты...» (2009) мы еще раз проверили материалы фондов и описей РГИА, где могли бы отложиться документы, на поиск которых были направлены усилия нескольких поколений исследователей: протоколы осмотра, вскрытия и бальзамирования тела императора. Но только сейчас поиск увенчался успехом! Приводим только первый из документов, поскольку

он ранее не публиковался²⁸; заглавия он не имеет.

«1855 года февраля 19 дня в девять часов по полудни мы нижеподписавшиеся, по Высочайшему повелению, собрались в присутствии Господина Министра Императорского Двора для бальзамирования тела в Бозе усопшего Государя Императора Николая Павловича.

*По предварительном наружном осмотре тела, на котором мы не нашли никаких особенных знаков (выделено авторами), за исключением изменения кожи от приложения пластыря шпанских мух на двух местах: на верхней правой стороне груди и под нижним углом правой лопатки**, и красноты кожи на боковых частях лба и на висках от предшествовавшего частого прикладывания ароматического спирта***, приступлено было к бальзамированию тела, которое исполнили под нашим надзором Императорской Медико-хирургической Академии Прозекторы Грубер и Шульц по усовершенствованному способу Ганала.*

*доктор Ф. Карелль
лейб-хирург (И.) Енохин
лейб-медик М. Мандт
лейб-медик Э. Рейнгольд
лейб-медик М. Маркус.*

Все подписи являются подлинными автографами, столь хорошо известными авторам этой статьи по многолетнему изучению медицинских документов РГИА. Внизу листа еще один автограф: «При сем присутствовал и вышеизложенное свидетельствую, Министр Императорского Двора Граф Адлерберг». В левом верхнем углу листа его же почерком: «Должено Его Величеству 21 февраля 1855 года».

О том, что происходило дальше, свидетельствует еще один ранее неизвестный исследователям документ. Итак, в архивном деле РГИА, озаглавленном «О рассмотрении Акта бальзамирования тела в Бозе Почившего Императора Николая Павловича и о награждении некоторых лиц за труды по бальзамированию тела Его Величества»²⁹, авторами обнаружены два листа

* Ганналь Жан Николая (1791–1859) – французский химик, автор первой в мире научной монографии «История бальзамирования». Лауреат премии Монтиёна (1827, 1836) за новые методы лечения больных и бальзамирования трупов.

** *** Широко распространенные в то время способы лечения воспаления легких и головной боли.

тонкой писчей бумаги, с обеих сторон заполненной трудночитаемым, просвечивающим с оборота текстом, исполненным частично по-немецки, частично – по-латыни. Сложность дешифровки для современного читателя заключается в том, что применен старонемецкий (или готический) шрифт, бывший в употреблении со времен Средневековья и впоследствии усовершенствованный берлинским рисовальщиком Л. Зюттерлином (1865–1917).

Итак, перед вами оригинальный перевод документа, выполненный авторами (в современной литературной редакции, слова в скобках внесены при переводе).

«Бальзамирование трупа Государя Его Величества блаженной памяти Императора Николая I в виде единичных инъекций без вскрытия.»

Бальзамирование было сделано следующим образом: на шею в верхне-грудно-ключичной области, т. е. в яремной выемке над концом ключицы, был сделан вертикальный разрез, соединенный крестообразно с аналогичным вторым (разрезом). Разрезы описывают фигуру ⊥⊥. (Это) было сделано, чтобы сразу войти в сонные артерии, пищевод и трахею. Как пищевод, так и трахея с помощью шприца большого калибра были заполнены раствором сулемы. Большое количество этого раствора в легких, в желудке, тонкой кишке является необходимой мерой (бальзамирования). Трупные пятна на задней поверхности от головы до пяток, судя по их размеру и интенсивности, свидетельствовали о начале гнилостных процессов, и (они) должны были быть ограничены таким образом.

В правую общую сонную артерию (в направлении) вниз было введено, насколько (возможно), большое количество хлористого цинка (1:12), так, чтобы (приоритетно) заполнить (этот сосуд). Также была выделена правая паховая артерия, и этот же раствор в количестве трех анатомических шприцов среднего объема введен в сосудистую систему для заполнения капилляров и вен. В (правую?) общую сонную артерию (в направлении) вверх введен мастиковый лак цвета киновари для просветления кожи лица. Такие инъекции предпринимаются при любом (способе) бальзамирования. Носовая полость, полость рта,

гортань и глотка были промыты инъекциями одеколона, затем заполнены ватой, смоченной в эфирных маслах. Мочевой пузырь был заполнен раствором хлорного цинка... * Затем указанные жидкости удалены, кишка промыта и заполнена ватой, пропитанной бальзамом. Образовавшиеся вследствие бальзамирования искусственные раны заполнены порошком (гипса) и ватой, пропитанной эфирными маслами, а затем тщательно зашиты. Тело после инъекции обмыли ароматическим спиртом, протерли порошком квасцов и завернули в бинты, смоченные в растворе сулемы. Бальзамирование длилось с 10 часов (полудни) и до 3³/₄ часа после полуночи, было завершено с максимальной точностью и усердием. Мы попросили поместить тело в возможно наиболее прохладное место. Таким же образом, но со вскрытием и с положительным результатом Доктором Грубером было выполнено бальзамирование тела Его Императорского Высочества Герцога Лейхтенбургского и новорожденного Принца Мекленбург-Стрелицкого, доктором Шульцем – тела Ее Императорского Высочества Великой Княжны Александры Александровны.

По изменениям, которые произошли с телом Государя к 21 февраля, есть основания полагать:

1. Искусство бальзамирования, как правило, не рассматривается в качестве средства, всегда гарантирующего успех. Оно не имеет широкого распространения, и владеют им немногие. 2. Успех (бальзамирования) зависит в значительной степени от строения тела, возраста, степени упитанности, наличия острых или хронических заболеваний, и т.д. 3. Надежность бальзамирования на более или менее длительный срок зависит от ранее выполненного вскрытия с удалением внутренностей и более распространенного объема бальзамирования. По данному случаю не представлялось возможным выполнить полное вскрытие. 4. Внезапное повышение погодной температуры (воздуха) от -20° до +2° не должно остаться без рассмотрения. Не следует упускать из вида влияние этого изменения на быстрое развитие газообразования в полостях и подкожной клетчатке.

* По деонтологическим соображениям две фразы текста протокола удалены. – Авт.

21 февраля 1855 г.

Доктор медицины и хирургии,
прозектор Анатомического
института
Медико-хирургической
академии Венцель Грубер
Второй Прозектор Г. Шульц

Сравнительный анализ текста и подписей³⁰ позволяют утверждать, что документ исполнен собственноручно Венцелем Грубером. Таким образом, мы имеем дело с подлинником. Со всей ответственностью можно констатировать: вскрытия тела государя не было потому, что для консилиума врачей (из них пять профессоров), осматривавших тело государя, не было никаких сомнений о причине смерти – воспаления легких. Это обосновывалось, во-первых, типичностью развития постгриппозной пневмонии с классической клинической симптоматикой и, во-вторых, подробным наружным осмотром тела государя после смерти.

Руководства по судебной медицине указывают, что и при таком способе исследования можно обнаружить многие признаки отравления: необычность окраски кожных покровов и слизистых оболочек, ускорение или замедление в развитии и разрешении трупного окоченения, необычный цвет трупных пятен, чрезмерное расширение или сужение зрачков, инородный запах и необычные выделения из дыхательных и иных путей. Таким образом, для нарушения пожелания государя об отказе от полного вскрытия никаких оснований не было.

Реакция Александра II на неудачные медицинские манипуляции с телом покойного императора последовала мгновенно. Предписанием № 546 от 22 февраля 1855 года министр Императорского двора потребовал от директора медицинского департамента Военного министерства «собрать лучших из находящихся здесь хирургов и поручить им рассмотреть акт бальзамирования; о заключении их уведомить меня для доклада Государю Императору». Созданной комиссией в составе профессоров Пеликана, Заблоцкого, Зинина, Ракицкого, Нарановича были изучены акт

осмотра тела, протокол бальзамирования, рецепты, оформленные Грубером, по которым из придворной аптеки были отпущены растворы для бальзамирования³¹. 25 февраля 1855 года Комиссия пришла к выводу, что «...так как внутренности оставлены неприкосновенными, к бальзамированию же приступлено спустя значительное после смерти время, то употребленный прозекторами способ мы считаем <...> соответствующим современному состоянию науки...»³². П. А. Наранович высказал свое отдельное мнение в «Записке о неудаче при бальзамировании тела...»³³ Оценка этого с точки зрения научной логики, блестяще построенного пространного документа заслуживает отдельной статьи. Мы же ограничимся лишь отрывком, дающим представление о высочайшем анатомическом уровне П. А. Нарановича: «...открыть разрезом всю переднюю часть шеи с ключицами до хода глубоких жил, с обеих сторон, и до пищевого горла, разрезавши при этом множество кровяных жил разной величины, влить потом жидкость в сонную артерию, значит черпать воду решетом – вливаемая жидкость тут же выливается назад...»

Заключение было убийственным для Грубера и Шульца: «...неудачу бальзамирования тела <...> следует приписать: 1) незнанию дела и неопытности в анатомических работах, и весьма вероятно, 2) неудачной смеси употребленных для работы химических составов...» Было решено произвести повторное бальзамирование, при этом руководство работ возложить на П. А. Нарановича. Детальных документов о выполненных мероприятиях нет, известно лишь, что они производились уже в помещении Петропавловского собора в ночное время, когда прекращался выпуск прощавшихся с императором. Участники работ поименно названы в соответствующем деле³⁴ об оформлении пропусков в собор (лейб-хирург Енохин, профессор Наранович, лейб-акушер Шольц, прозекторы Грубер и Шульц, лекарские помощники Кононов и Кузмин). Процесс гнилостной трансформации был остановлен, но, увы, стал одним из оснований суждения об отравлении государя. Вскрытия же тела не было: как в связи с пожеланием государя,

так и в связи с полной очевидностью причины смерти.

Итак, суммируя всю информацию из документов, изложенных выше, можно утверждать следующее. Совершенно очевидно с врачебной точки зрения, что угнетенное состояние императора, о котором так много писали современники, совсем не свидетельствует в пользу версии о суициде. Такие психические реакции постоянно наблюдаются при заболеваниях, сопровождающихся общей интоксикацией, например, при вирусных инфекциях, в том числе гриппе, осложнившимся воспалением легких, которое, судя по симптомам, незадолго до смерти

несомненно перенес Николай I. Причем яркие и бесспорные признаки тяжелой, закономерно прогрессирующей пневмонии описаны настолько четко и образно, что не могут вызвать сомнения в диагнозе у любого, даже начинающего профессиональный путь врача. Быстрое развитие гнилостной трансформации трупа также характерно для смерти от заболевания с массивным микробным поражением внутренних органов (в данном случае – легких). Непрофессиональное первое бальзамирование тела не остановило посмертные процессы и способствовало распространению слухов об «отравлении».

¹ Выскочков Л. В. Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001; Горелова Л. Е. Легенды о смерти Николая I // Российский медицинский журнал. Т. 13. № 22. 2005. С. 1506–1508; Зимин И. В. Медики и самодержцы: загадка смерти Николая I // Отечественная история. 2001. № 4. С. 57–64; Нахапетов Б. А. Тайны врачей дома Романовых. М.: Вече, 2005; РГИА. Ф. 472. Оп. 9. Д. 5. 1855 г., др.

² Корф М. А. Записки. М., 2003.

³ Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Т. 2. М., 1997.

⁴ Блудов Д. Н. Последние дни жизни Императора Николая Первого. М., 1992; Корф М. А. Указ. соч.; Нахапетов Б. А. Тайны врачей дома Романовых. М.: Вече, 2005, и др.

⁵ Выскочков Л. В. Указ. соч.; Молин Ю. А. Романовы. Давно забытые черты... СПб.: Logos, 2009; Соловьев П. К. «Евпатория в легких. К загадке смерти Николая I» // Вопросы истории. № 9. 2008. С. 109–121.

⁶ Горелова Л. Е. Указ. соч. С. 1506–1508; Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007; Труайя А. Николай I. М., 2002, и др.

⁷ Молин Ю. А. Романовы. Давно забытые черты... СПб.: Logos, 2009.

⁸ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Тула, 1990.

⁹ Нахапетов Б. А. Тайны врачей дома Романовых. М.: Вече, 2005.

¹⁰ Труайя А. Николай I. М., 2002.

¹¹ Выскочков Л. В. Указ. соч.; Молин Ю. А. Указ. соч.; Нахапетов Б. А. Указ. соч.; Соловьев П. К. Указ. соч. С. 109–121.

¹² Нахапетов Б. А. Указ. соч.

¹³ Молин Ю. А. Указ. соч.

¹⁴ Эйфельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1984.

¹⁵ Тютчева А. Ф. Указ. соч.

¹⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 35 (13/980). Д. 12. 1855 г.

¹⁷ Нахапетов Б. А. Указ. соч.

¹⁸ Соловьев П. К. Указ. соч. С. 109–121.

¹⁹ Зимин И. В. Указ. соч. С. 57–64.

²⁰ Молин Ю. А. Указ. соч.

²¹ Соловьев П. К. Указ. соч. С. 109–121.

²² Смирнов А. Ф. Загадочная смерть Николая I // Дорогами тысячелетий. 1991. Вып. 4. С. 134–160.

²³ Соловьев П. К. Указ. соч. С. 109–121.

²⁴ Тютчева А. Ф. Указ. соч.

²⁵ Нахапетов Б. А. Указ. соч.

²⁶ Кузнецов Л. Е., Хохлов В. В., Фадеев С. П., Шигеев В. Б. Бальзамирование и реставрация трупов: Руководство. М., 1999; Пеликан А. В. Перемена царствования // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 120–121 и др.

²⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 35 (13/980). Д. 12. 1855 г.

²⁸ Там же. Л. 4.

²⁹ Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 741. 1855 г.

³⁰ Томилин В. В. Основы судебно-медицинской экспертизы письма. М.: Медицина, 1974.

³¹ РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 741. 1855 г.

³² Там же. Л. 13–14.

³³ Там же. Ф. 472. Оп. 9. Д. 5. Л. 404–410.

³⁴ Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 742. 1855 г.

Рассказы о блокадном детстве*

Р. М. Арбинская

«КОРМИЛИЦА»

Пришла весна 1942 года, которая сменила жестокую холодную и голодную зиму, унесшую с собой сотни тысяч ленинградцев. На небе чаще светило теплое весеннее солнце, вызывая к жизни нашу северную природу, которая старалась помочь людям выжить – появилась съедобная трава, молодая крапива, из которой люди варили щи, позже выросла лебеда, из нее мама пекла лепешки.

На совхозных полях начались сезонные работы, и требовались рабочие. Мама с помощью Военкома Выборгского района устроилась на работу «возницей», в обязанности которой входило управлять лошадью и доставлять «обед» работающим на полях. Моя мама родилась и до 20 лет жила в деревне (недалеко от г. Невеля) и умела делать любую сельскохозяйственную работу, даже управлять лошадьми. За работу маме платили супом (без нормы) и порцией пшенной каши, причем без выреза талонов из наших продовольственных карточек. Мама брала меня с собой на поля; в мою задачу входило вырезать талоны на крупу из карточек рабочих. Обед рабочих состоял из порции жидкого супа (из пшена) и 300 г хлеба.

Каждый день в течение месяца наша истощенная голодом лошадка доставляла рабочим – женщинам, которые высаживали капустную рассаду, обед, состоящий из двух бидонов (неполных) супа и пяти буханок хлеба на всех, которые разрезались на куски и взвешивались с аптечной точностью на весах (выверенных заранее) самими рабочими, выбранными для этой цели. Мама разливала суп – один черпак на человека, а я вырезала талоны на хлеб и на крупу из продовольственных карточек рабочих.

Так было положено начало моей трудовой деятельности в двенадцать лет.

Когда мы подъезжали к полям, нас уже ждали рабочие, женщины,

худые, с опухшими от голода лицами, на которых не было видно глаз – одни щели, и от этого они казались мне очень похожими друг на друга, все на одно лицо.

Бидоны освобождались молниеносно, многие просили «добавки», заставляя маму переворачивать бидоны вверх дном, а наша лошадка была слишком слаба, чтобы досыта накормить голодных людей.

Однажды мама упросила шефповара (молодую женщину) добавить в бидоны немного супа на «добавку».

Мы везли на поля почти полные бидоны и радовались тому, что сможем «досыта» накормить рабочих, хотя слово «досыта» было в ту пору забыто надолго.

Ночью, вероятно, прошел дождь, потому что дорога была грязная и скользкая. Лошадка шла медленно, словно предчувствовала беду, которая не задержалась и настигла нас в самом начале пути. Заднее колесо телеги, которую лошадка тащила изо всех сил, вдруг увязло в грязи, и лошадка, сделав одно усилие, остановилась.

Мы тщетно старались ей помочь, умоляли ее пойти вперед, но она, опустив голову, тяжело дышала. Мама, зная характер этих животных – трудяг и помощников человека в то нелегкое время, вероятно, поняла, что лошадка плохо покормила и ей было тяжело тащить телегу с бидонами, в которых были «желанные добавки» супа.

Мама нарвала большой пучок травы на обочине дороги, освободила лошадку от уздечки и дала ей траву. Лошадка ела траву неохотно, как мне показалось. Наверное, она «понимала», что на полях ее с нетерпением ждут люди, измученные голодом и тяжелой работой. Она вдруг без окриков и понуканий, сделав усилие, повезла телегу по знакомой ей нелегкой и грязной дороге. Мы прибыли на поля с большим опозданием, но никто

из женщин не роптал, напротив, с жадностью съев свой обед, они уходили на поля, рвали там свежую траву и возвращались обратно, чтобы накормить лошадку. А та уже с большим аппетитом жевала траву; кто-то из женщин принес ей полведра чистой воды, а те, кто подходили к лошадке, непременно гладили ее гриву, приговаривая: «Ешь, ешь, наша кормилица».

ПАРК «СОСНОВКА» В СОРОКОВЫЕ, БОЕВЫЕ...

До войны моя семья жила на Костромском проспекте (Удельная), недалеко от парка «Сосновка», который тогда представлял собой обычный лес, где наши соседи собирали грибы и ягоды.

Когда началась война в парке обосновалась эскадрилья истребительного авиационного полка Ленинградского фронта. Командиром эскадрильи был незаурядный человек, прошедший Советско-финскую войну 1939–1940 годов. В 1941 году до середины октября он совершил 366 боевых вылетов, участвовал в 72 воздушных боях, сбил 19 вражеских самолетов (и еще пять – в групповом бою).

Имя этого бесстрашного человека – Лихолетов Петр Яковлевич. Он умер от ран в середине июля 1945 года, когда уже в стране праздновали победу; ему было всего 28 лет. За четыре военных года П. Я. Лихолетов был удостоен четырех высших наград: ордена Ленина, ордена Красного Знамени, ордена Красной Звезды, ордена Отечественной войны I степени. Он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Похоронен боевой командир на том месте, где располагалась эскадрилья, в парке «Сосновка» вместе со своими боевыми товарищами. На воинском кладбище находится братская могила офицеров – летчиков, которые погибли в воздушных боях 1943 года.

Примерно двадцать могил представляют захоронения 1942 года – самого страшного года блокады

* Окончание. Начало в № 6 (64), 2011, № 1 (65), 2012.

Памятник летчикам, погибшим в воздушных боях, защищая ленинградское небо в 1941–1945 гг.

(особенно январь), когда умирали не только жители Ленинграда (5–7 тысяч каждый день!), но и воины Ленинградского фронта. Большинство захоронений относится к 1943 году, когда Ленинградский и Волховский фронты совместно начали освобождать город от блокады. В этом году эскадрилья понесла наибольшие потери, особенно в офицерском составе; об этом напоминает братская могила, хранящая останки боевых офицеров:

1) Героя Советского Союза, гвардии майора А. П. Савушкина, погибшего в воздушном бою в 1943 году в возрасте 24 лет;

2) Гвардии капитана Д. П. Евстигнеева (погиб в 1943 году в возрасте 26 лет);

3) Гвардии старшего лейтенанта В. С. Богомоллова (погиб в 1943 году в возрасте 24 лет);

4) Гвардии лейтенанта Ф. П. Самсоненко (погиб в 1943 году в возрасте 25 лет);

5) Гвардии младшего лейтенанта А. С. Иванова (погиб в 1943 году в возрасте 29 лет);

6) Гвардии младшего лейтенанта А. А. Козлова (погиб в 1943 году в возрасте 21 года);

7) младшего лейтенанта Е. И. Некрасова (погибшего в 1943 году в возрасте 22 лет).

Старшему из офицеров, летчику-истребителю подполковнику Соколу был всего 31 год. Он похоронен рядом с братской могилой. На его могиле установлен довольно

внушительный памятник (от жены и детей). Остальные захоронения относятся к 1941 году, 1944 году и даже к 1945 году. Кроме могилы командира эскадрильи есть еще одна, где покоится прах молодого летчика (погиб смертью храбрых в 1945 году) – Шамгина Н. А. Ему было всего 19 лет.

В 1947 году моя одноклассница, которая жила на Лагерной улице рядом с парком «Сосновка», прослышала о том, что летчики, которые еще оставались в парке, предлагали «катание» на самолете за небольшую денежную плату.

Однажды мы отправились в Сосновку, предвкушая радость полета, но «катание» не состоялось – к этому времени самолеты покинули свои ангары.

Разочарованные неудачей, мы пошли вдоль взлетно-посадочного поля, с которого в течение более четырех лет взлетали летчики боевой эскадрильи по сигналу воздушной тревоги на защиту ленинградского неба, но немногие возвращались живыми. Чтобы сократить путь до дома, мы свернули в лес, где не было дорог; приходилось обходить траншеи, воронки от снарядов и бомб. Неожиданно мы натолкнулись на воинское захоронение летчиков. Тогда могилы представляли собой песчаные холмики с табличками, на которых указывались фамилии, имена и отчества (или инициалы), звания, даты рождения и смерти. Возле крайних могил слева стояла уже

немолодая женщина, которая сажала цветы. Женщина рассказала нам о том, что в этих крайних двух могилах покоятся останки ее «квартирантов» – двух молодых курсантов, которые, не успев закончить авиационное училище, пришли в эскадрилью защищать город. Одного из них звали Владимиром, другого Анатолием.

Деревянный дом, где «квартировали» летчики, стоял на Ильинской улице (ныне Гаврская улица), которая упиралась в Парголовский проспект (сейчас это проспект Мориса Тореза), идущий вдоль парка «Сосновка».

В этом доме летчики отдыхали после боевых вылетов. Оба «квартиранта» погибли в 1943 году.

Обстоятельства моей жизни сложились так, что я лишь много лет спустя смогла снова прийти к могилам – я волею судьбы поселилась именно на Гаврской улице (Ильинской) в кооперативном доме. На кладбище вместо холмиков стояли рядами раковины с надгробными надписями и фотографиями. Уже были установлены три памятника. На расстоянии от захоронений был установлен памятник всем летчикам, погибшим во время войны 1941–1945 годов. Сейчас здесь ежегодно проводят митинги 9 мая, посвященные Дню Победы. Здесь всегда много народу и море цветов.

Однако приходится, к сожалению, констатировать, что уход за могилами оставляет желать лучшего. Так, многие из могил не имеют фотографий, отсутствуют звания, нет инициалов, даже нет фамилий (две могилы) – все это оставляет удручающее впечатление. Хотелось бы надеяться, что в нашем обществе, которое, к счастью, не все охвачено болезнью – равнодушием, найдутся организации или добровольцы, которые полностью восстановят фамилию, имя, отчество, звание, год рождения и смерти каждого погибшего летчика. Страна должна знать своих героев, должна помнить имена тех, кто отдал свою молодую жизнь за то, чтобы существующее и последующие поколения никогда не узнали, что такое война и что такое жертвы.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ

После освобождения Ленинграда от вражеской блокады началось восстановление разрушенных зданий. В первую очередь необ-

ходимо было возродить объекты стратегического, экономического и культурного значения. Разрушений было довольно много; особенно пострадали великолепные дворцы Павловска, Петергофа, Пушкина и других городов-музеев. Глядя сейчас на великолепный Екатерининский дворец, трудно себе представить, что к концу пребывания фашистов в городе Пушкина от дворца оставались только груды камней. Сначала дворец был превращен фашистами в конюшни, ценнейшие произведения мирового искусства были разграблены и увезены в Германию, а знаменитая янтарная комната, которую фашисты вывезли целиком, была совсем недавно полностью восстановлена. Отступая под натиском наших войск Ленинградского фронта, фашисты взорвали дворец.

Жилые дома восстанавливались и реставрировались, главным образом, в центре города, на окраинах же гражданское строительство было широко развернуто лишь в самом конце сороковых и начале пятидесятых годов. В эти годы я еще училась в школе (школа № 118 на проспекте Энгельса) и часто, идя в школу по Ярославскому проспекту, где я жила с мамой и сестрой в общежитии школы № 96, видела пустынные, грустные улицы, на которых не было домов – их снесли весной 1942 года на дрова. Однако уже в начале 50-х годов кое-где на них стали появляться опрятные каменные желтые домики – коттеджи; их строили военнопленные.

Каждое утро пленных привозили на грузовиках под охраной на стройплощадки и увозили только под вечер. Внешний вид военнопленных был довольно жалкий: серые, хмурые лица, грязные, изрядно изношенные шинели; они редко вступали в разговоры с населением, вероятно, им это запрещалось. Однако вездесущие мальчишки часто бегали на стройку, носили пленным вареную картошку «в мундире», слушали, как один из пленных во время редких перерывов на отдых играл на губной гармошке. Я, у которой были еще свежи воспоминания о блокаде, относилась к этим «отношениям» ребят с пленными отрицательно; для меня эти пленные оставались фашистами. Однажды, возвращаясь из школы, я встретила соседку по дому, в котором прошли самые страшные блокадные месяцы. Это была тетя Шура Буренкова, уже немолодая женщина, сын которой пропал на фронте, а муж вернулся с фронта инвалидом. Мы разговаривали недолго, разговор наш был прерван криком со стороны стройки. Оглянувшись, мы увидели, что один из пленных махал нам рукой и кричал: «Я чех, я есть чех». Тетя Шура, помедлив немного, вытащила из сумки хлеб, который тогда еще выдавался по карточкам, и направилась к пленным, я пошла за ней.

Подойдя к пленным, я увидела, что их было трое: один из них называл себя чехом, другой – поляком, а третий сидел молча и смотрел на происходящее каким-то грустным,

отсутствующим взглядом. Он поблагодарил тетю Шуру за хлеб (который она поровну разделила на три части) сначала на немецком языке, а затем на ломаном русском. Отдав хлеб, моя собеседница взяла у меня свою опустевшую сумку, и мы направились к дороге. Пройдя несколько метров, я оглянулась: двое пленных с жадностью доедали хлеб, а третий, все еще держа подаренный ему кусок хлеба, провожал нас тем же грустным взглядом. Мне довелось еще раз встретиться с тетей Шурой на том же Ярославском проспекте. Я напомнила ей этот эпизод с пленными и выразила свое недоумение по поводу ее тогдашнего поступка. Тетя Шура молча выслушала меня и сказала, что, возможно, ее сын тоже где-то в плену голодает, затем, помолчав минуту, добавила: «Запомни, девочка, войны развязывают политики, а солдаты воюют – одни, защищая свою родину, другие – по приказу правителей». Эти слова я привожу почти дословно, и конечно, теперь, вспоминая слова моей соседки по несчастью спустя полвека, я не могу не согласиться с ней.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ ДОМОЙ

Возвращение из эвакуации было для меня и моей семьи еще одной пыткой, которую пришлось пережить нам после блокадных, самых трудных 1941 и 1942 годов. Однако желание вернуться в родной город заслоняло собой в нашем сознании все трудности и невзгоды, которые пришлось испытать на «чужбине». Моя старшая сестра, которой в 1943 году едва исполнилось 17 лет, была завербована на военный завод в город Новосибирск, мама с утра до вечера работала в совхозе, а я вместе с младшей сестрой занималась домашним хозяйством, пряла на прялке шерсть и вязала носки и варежки на зиму, которая приходила к нам всегда морозная с сильными буранами. В школе занятия не проводились – там жили эвакуированные, а те эпизодические занятия, которые были организованы для детей эвакуированных, происходили одновременно с первого по четвертый класс в клубе, да и преподавателями были девушки, которые едва успели закончить среднюю школу перед войной. Летом мне тоже приходилось работать на сенокосе, хотя

Дом, построенный военнопленными в конце 1940-х – начале 1950-х годов на Ярославском проспекте

Митрофан Иванович Барканов (1900–1972). Участник Великой Отечественной войны, инвалид II группы

в 1943 году мне еще было двенадцать с половиной лет. Нас, подростков, заставляли подвозить копны сена к месту, где их укладывали в стога. Укладкой копен и вершением стогов занимались взрослые женщины и старики.

В совхозе лошадей не было, они все были на фронте, быки использовались на покосе, поэтому нам приходилось работать только с коровами, которые специально отбирались в совхозе в качестве рабочей тяговой силы. Корове надевали хомут, с одной стороны которого была привязана веревка (канат), второй конец закреплялся с другой стороны хомута. Наша задача заключалась в том, чтобы обвести корову вокруг копны, закрепить конец веревки на хомуте, стать обеими ногами на веревку позади копны так, чтобы не дать веревке соскользнуть с копны, и хворостиной дать корове команду идти вперед. Во время движения канат-веревка охватывал копну, и корова могла дотащить копну вместе с «седоком» до стога. Для нас, подростков, эта работа была и тяжелой, и опасной. Один случай, который произошел со мной, чуть не стоил мне жизни. Однажды в очень жаркий летний день, когда было трудно работать не только людям, но и животным (особенно рогатому скоту, страдавшему от укусов слепней и оводов), корова, с которой я работала, вдруг

подпрыгнула и вместе с копной понесла меня с бешеной скоростью в сторону леса, чтобы как-то «унять» страшный зуд, вызванный укусами слепней. Необходимо заметить, что леса в тех краях – особенные, их называют «карликовыми», потому что деревья в лесу не поднимаются в своем росте выше пяти метров. Леса эти не вырубают, берегут, поскольку они в тех краях (знаменитые Барабинские степи) – довольно редки. К моему счастью, корова, попав в лесную тень, остановилась, а подбежавшие ребята освободили мои ноги от каната. Трудно сказать, какой «финиш» ждал бы меня в этой дикой «гонке» с коровой.

Осенью 1943 года, после долгих и упорных хлопот мамы нам удалось перебраться из далекой глубинки в город Барабинск (узловая станция под Новосибирском), где за незначительную плату нас приютила пожилая женщина. Местные власти помогли маме устроиться на работу в железнодорожную столовую уборщицей и судомойкой. За работу мама получала деньги, была сыта и приносила еду нам, детям, и хозяйке дома. Мне тоже пришлось работать – я должна была добывать топливо для обогрева старого дома, в котором мы жили.

Мне приходилось ходить на станцию, лазать по вагонам и под вагонами, собирая остатки угля или угольной пыли. Следует заметить, что за собранный уголь наказывали:

Прасковья Ивановна Багрова (1895–1989)

отбирали все, что было собрано, а родителей штрафовали. К тому же большой риск – быть увезенной в неизвестном направлении в пустом вагоне.

Однако все трудности были сразу забыты, когда мы, наконец, получили разрешение (в начале ноября 1944 года) на въезд в Ленинградскую область, так как въезд в Ленинград был запрещен. Впереди нас ждала радость встречи с родными и любимым городом, которую трудно даже представить, не только описать, особенно после долгой разлуки.

Разрешение вернуться домой мы получили благодаря долгим и упорным хлопотам моего дяди (маминого брата) Митрофана Ивановича Барканова, вернувшегося с фронта в 1943 году после тяжелого ранения в голову. Но в разрешении была весьма существенная оговорка – «прописка и проживание разрешается только в Ленинградской области». Это строгое «указание» нас не огорчало – ведь мы ехали домой! – хотя мы точно знали, что дом, из которого мы были эвакуированы, снесен на дрова. Мы также знали, что в Ленинграде живут наши родственники и бывшие соседи, с которыми мы делили горькую участь «блокадников». Они-то и приютили нас, бездомных, поделились с нами кровом и хлебом, который тогда еще выдавали по карточкам.

Местное начальство отказалось прописывать нас в городе и тем более предоставлять нам жилье, утраченное нами не по нашей вине.

Благодаря нашим бывшим соседям маме удалось устроиться в школу на работу уборщицей. Директор этой школы (она находится на Ярославском проспекте) Иосиф Васильевич – бывший фронтовик – вернулся в Ленинград после ранения. Он, узнав о нашей беде, взял маму на работу, предоставив ей комнату с окном (бывшая кладовая), и выхлопотал прописку нам троим в городе, что означало получение продовольственных карточек, а значит, продолжение жизни в городе: постоянная работа для мамы, а нам – продолжение учебы в школе. До этого мама в течение месяца жила у своей старшей сестры Прасковьи Ивановны Багровой в ее десятиметровой комнате, сестра делила с ней свой рабочий паек хлеба.

В этой маленькой комнате (шесть квадратных метров) мы прожили втроем 13 лет! За это время я закончила школу, поступила в университет (филфак), по окончании которого получила высшее образование и возможность заниматься педагогической деятельностью и наукой.

ВСТРЕЧА С ДАВНИМ ДРУГОМ

Шел октябрь 1941 года. Фашисты окружили город плотным кольцом – началась блокада. Атака вражеских бомбардировщиков повторялась несколько раз в день, и мы, жители восьмиквартирного деревянного барака, едва успевали добежать до землянок – единственного укрытия для детей и взрослых, наскоро вырытых нашими отцами, которые уходили на фронт, а некоторые – навсегда. В перерывах между бомбежками мы, дети, играли во дворе под строгим надзором бабушек. Я любила заниматься лепкой зверей, людей – героев моего воображаемого кукольного театра – и собирала желуди под ветками дуба, стоявшего рядом с домом.

Однажды во время очередного короткого затишья я собрала в коробку из-под обуви самые крупные плоды и принесла их домой к большому неудовольствию моей мамы, которая назвала их «лишним мусором» в маленькой комнате, где жили пять человек. Я задвинула коробку под кровать и забыла о ней – было не до желудей: умерла бабушка, пришло с фронта известие о смерти отца. Нас осталось четверо: мама, старшая сестра Лидия, младшая сестра Галина и я.

В январе 1942 года, когда в течение трех дней населению не выдавали даже жалких 125 граммов хлеба (суточная норма на одного человека), а в доме из «продуктов» были только уксус и соль, я вспомнила о коробке с желудями и решила заняться поделками, чтобы как-то отвлечься от мучительного чувства голода. Я очень обрадовалась находке, но еще больше обрадовалась мама, которая увидела в ней средство спасения жизни семьи. Она толкла в ступе подсушенные зерна и варила «кофе», добавляя в горькую массу немного уксуса, а вместо сахара – соль.

В конце августа 1942 года исполком Выборгского района настоя-

тельно рекомендовал маме вывезти детей из города, хотя бы на три месяца, чтобы поддержать здоровье семьи погибшего офицера. Мы знали о том, что уже было распоряжение городского правительства о сносе всех деревянных жилых домов на «Удельной» (правительство решило таким образом заготовить топливо для предстоящей зимы). Нам обещали сохранить все вещи до нашего возвращения.

Я помню, как, замирая от страха, мы плыли на катере через Ладогу, которую фашисты обстреливали, не щадя никого. Когда, наконец, мы добрались до Большой земли, нас посадили в товарные вагоны и повезли на восток. Дорога была долгой, она растянулась почти на месяц.

Каждый день эшелон терял несколько человек (люди умирали от болезни, которая называлась «быстрое утолнение голода» или «заворот кишок»). Нас довели до города Барабинска – узловая станция под Новосибирском. Там нас ждали «подводы», запряженные быками, которые медленно по знаменитым Барабинским степям увозили нас от цивилизации. Спустя 10 часов они дотащили нас до поселка, где жили семьи репатриированных из Западной Украины; это были семьи бандеровцев. Они встретили нас недружелюбно и называли нас уничижительным словом «выкавыренные», сознательно искажая тот смысл, который выражало слово «эвакуированные».

Жить в таких условиях было невыносимо трудно. Мама неоднократно писала правительству Выборгского района с просьбой разрешить нам вернуться домой, но каждый раз получала отказ со ссылкой на распоряжение правительства города о запрете возвращения эвакуированных до особого распоряжения. Так прошли два года наших мытарств, и в конце осени 1944 года, благодаря хлопотам моего дяди, вернувшегося с фронта после тяжелого ранения, мы, наконец, голодные и холодные, вернулись в родной город, где у нас не было ни дома, ни вещей – все унесла война.

Прошло много лет. Мы старались не возвращаться к прошлому, да и это было невозможно даже в памяти. Однажды мама и я решили посетить то место, где прошли два страшных года Отечественной

войны. На месте старой деревянной постройки уже стоял пятиэтажный кирпичный жилой дом, и ничто не напоминало о войне.

Возле дома мы увидели дуб, окруженный молодыми деревьями. Он стоял, раскинув свои могучие ветви, словно крылья гигантской птицы. Я узнала в нем нашего спасителя – единственного свидетеля тех трагических блокадных лет.

БЕЗЫМЯННАЯ МОГИЛА*

Моя двоюродная сестра, Александра Ивановна Митрофанова, родилась и прожила много лет в деревне Бородино Невельского района Псковской области. По наследству от родителей ей достался добротный просторный дом на берегу озера и большой фруктовый сад.

Александра Ивановна и ее муж до войны работали в колхозе и воспитывали двоих дочерей. Когда началась война, их старшей дочери было шесть лет, а младшей четыре года. Муж ушел на фронт и погиб в конце октября в Белоруссии («пропал без вести»). Деревня Бородино была оккупирована немцами, которые не щадили никого: отбирали у населения продукты питания, угоняли скот, оставляя детей без пищи.

В конце ноября фашисты собрали всех жителей деревни и огласили список фамилий тех, кому надлежало отправиться на работу в Германию. В список попали женщины и их дети; моя сестра не была исключением. В деревне оставались только старые, пожилые и инвалиды.

Спустя несколько дней всех названных женщин с детьми отправили в далекую, неизвестную им страну, в которой процветал фашизм – страшное явление в человеческом обществе, – уничтоживший миллионы невинных людей за сравнительно короткий промежуток времени.

В 1945 году советские войска освободили односельчан от рабского труда и помогли им вернуться домой, в свою родную деревню, сильно изменившуюся за время их пребывания в Германии.

* Статья по рассказу моей сестры Александры Ивановны Митрофановой.

До войны деревня Бородино представляла собой небольшой поселок, расположенный на берегу озера Еван, протянувшегося на десятки километров, с красивыми домами и садами. По обоим берегам озера простирались поля, пашни и сосновые леса, в которых я с моей мамой собирала грибы, когда мы навещали Александру Ивановну в послевоенное время.

Совсем другая картина предстала перед теми, кто вернулся в деревню в конце войны: часть домов была сожжена; на их месте торчали только трубы – свидетельство злодеяний фашистов. Многие дома стояли пустыми и грустно смотрели своими покосившимися окнами на вернувшихся соседей, как бы сообщая им о том, что их хозяева не смогли выдержать фашистской оккупации. Женщинам и подросткам, вернувшимся из Германии, пришлось восстанавливать колхоз в непростых условиях и начинать жизнь сначала.

Александра Ивановна после окончания войны продолжала жить и работать в деревне, воспитывать своих дочерей, которые, окончив школу, уехали в Ленинград, вышли замуж, обзавелись семьями и приезжали в деревню лишь летом на отдых. Александра Ивановна никак не могла расстаться с родным селом, но после того как она однажды, простудившись, долго и тяжело болела, ей пришлось уступить просьбам и требованиям своих дочерей и перебраться в Ленинград, однако каждое лето она жила в деревне, в родном доме.

Живя в Ленинграде, Александра Ивановна иногда навещала нас и рассказывала о своей тяжелой жизни на чужбине, в Германии.

К большому сожалению, я редко слушала ее рассказы – моя работа почти не оставляла мне свободного времени, но однажды я все же услышала один рассказ, который произвел на меня глубокое впечатление, и я в деталях запомнила его на всю жизнь. Это был случай, который произошел во время войны, когда Александра Ивановна была угнана в Германию, но старожилы, в частности, Степан Андреевич Копытов, рассказали ей все в подробностях. Вот эта история.

Наступила зима 1942 года. Несмотря на сильные морозы, на

Раиса Михайловна Сидякина (Арбинская) – старший преподаватель Ленинградского политехнического института. Фото 1968 г.

фронтах шли ожесточенные бои с захватчиками. В воздухе ежедневно появлялись немецкие бомбардировщики, которые несли под своими крыльями смерть и разрушения Ленинграду, зажатому в кольце блокады. Немало доставалось и близлежащим городам и поселкам. За «мессерами» всегда следовали «юнкеры», и то здесь, то там мгновенно вспыхивали воздушные бои. В одном из таких боев фашистами был сбит наш летчик-истребитель недалеко от деревни Бородино.

Самолет, кувыркаясь, летел вниз, его хвост был объят пламенем. Через несколько секунд от самолета отделился летчик с парашютом, и те из жителей, кто наблюдал за боем, облегченно вздохнули. Горящий самолет упал на ледяное озеро и, пробив лед, ушел под воду. Летчик перелетел через озеро и приземлился в лесу. Будучи раненым, он не смог добраться до деревни и ждал помощи от жителей, не зная о том, что в деревне уже хозяйничали фашисты. К тому же почти все население деревни было угнано в Германию, и помочь ему было практически некому.

Рано утром следующего дня группа вооруженных фашистов с собаками начали поиск летчика.

Услышав лай собак, летчик решил, что к нему на помощь спешат жители деревни, но когда в гулком

сосновом лесу послышалась немецкая речь, он все понял и принял для себя единственное решение.

Внезапно в лесу послышался выстрел, и фашисты бросились в сторону выстрела. Когда собаки подвели их к летчику, он был уже мертв.

Тело летчика лежало в лесу несколько дней – фашисты запретили жителям хоронить его, но, когда прошел слух о том, что фашисты собираются покинуть деревню, среди жителей нашлись смельчаки, добровольцы, которые, подготовив заранее место на деревенском кладбище, отправились ночью в лес. Руководил этой рискованной операцией старожил деревни инвалид с детства Степан Андреевич Копытов. А помогали ему два старика. Искать летчика не пришлось слишком долго; он лежал у опушки леса, за которой была видна деревня.

Летчик лежал на спине на еловых ветках; глаза его были широко раскрыты и взгляд устремлен в небо. На нем была кожаная куртка, местами сильно обгоревшая, на голове был шлем, одна нога была перевязана.

Вокруг были разбросаны обгорелые ветки деревьев, — летчик, вероятно, сжигал их на костре, однако оружия рядом с ним не оказалось.

Уложив летчика на сани, трое мужчин направились к кладбищу.

Прежде чем предать тело земле, Степан Андреевич осмотрел карманы куртки и комбинезона летчика в надежде найти хоть какой-нибудь документ с его фамилией, но все попытки были напрасны. Нашелся только обрывок письма, написанного женским почерком, вероятно, принадлежавшим сестре летчика, потому что в обращении она писала «дорогой братишка». Из того, что удалось разобрать в обгорелом письме, можно было догадаться о том, что летчик жил в Сибири и был холост.

Завернув тело летчика в брезент и опустив его на ветки березы, лежавшие на дне могилы, односельчане быстро закопали могилу, бросив в нее, по христианскому обычаю, по горсти земли.

Спустя несколько дней, когда немцы действительно покинули деревню, Степан Андреевич поставил на могиле деревянный крест – так образовалась безымянная могила, которая просуществовала в деревне

Бородино двадцать восемь лет, то есть до 1970 года.

Я долго находилась под впечатлением от рассказа моей сестры о трагической судьбе неизвестного летчика, который предпочел смерть, но не сдался врагу.

Мне хотелось, чтобы эта история стала достоянием многих людей, не только жителей деревни Бородино, и чтобы летчик был похоронен достойно, то есть так, как на Руси принято хоронить воинов-героев.

После некоторых раздумий я написала письмо в исполком Невельского районного совета депутатов трудящихся, в котором подробно изложила все, о чем поведала моя сестра, Александра Ивановна Митрофанова.

Письмо было отослано 27 мая 1970 года, а через несколько дней я получила ответ.

В письме сообщалось о том, что военный комиссар и председатель Изочинского сельсовета выезжали в деревню Бородино 3 июня 1970 года и проводили там беседы со старожилками – очевидцами этого случая, которые подтвердили все факты, изложенные в моем письме. Моя сестра тоже была там и помогала организовать встречи с очевидцами.

Степан Андреевич лично показал могилу летчика. На следующий день, то есть 4 июня 1970 года, останки летчика были перевезены в Изочу – большой поселок и железнодорожную станцию и перезахоронены в братскую могилу со всеми воинскими почестями.

Многие жители деревни вышли из своих домов, чтобы проводить неизвестного летчика, возложив к его гробу полевые цветы.

Так, благодаря рассказу моей сестры (которой, к сожалению, уже давно нет с нами), на российской земле, где в безымянных могилах еще до сих пор покоятся останки многих тысяч солдат Отечественной войны, одной безымянной могилой стало меньше.

Имя летчика осталось неизвестным, но его героический подвиг будет служить примером мужества и беззаветной любви к Родине для многих поколений россиян и надеждой для тех, чьи сыновья, отцы, мужья и братья еще остаются в списках «пропавших без вести» и могилы их неизвестны.

Письмо в редакцию

Главному редактору журнала «История Петербурга»
д.и.н. С. Н. Полтораку

В журнале № 1 (65) 2012 в статье В. В. Антонова «Великокняжеский дворец на берегу Невы» приведены интересные сведения об истории создания дворца и его судьбе, о его владельцах и реализованных ими решениях по перестройке, реконструкции и содержанию здания и дворцовых помещений.

К сожалению, в конце статьи автором допущена неточность: «Новая власть национализировала дворец и передала детскому дому, что отрицательно сказалось на интерьерах. Значительная часть убранства, включая живопись, была распродана. С 1930-х до конца 1980-х годов здание принадлежало “закрытому” проектному институту “Союзпроектверфь”, который работал на военно-морской флот. *За то время были уничтожены все интерьеры, кроме...*»

Таким образом, автор искусственно объединил действия двух организаций по уничтожению интерьеров, тем самым обвинив в этом и институт «Союзпроектверфь». Это не соответствует действительности.

Расположившись во дворце и осознавая уникальность объекта, несмотря на отсутствие формального акта о том, что здание находится под охраной государства, руководство института прилагало немалые усилия по сохранению интерьеров дворца и предотвращало действия, которые могли привести к порче или нанесению какого-либо вреда объекту.

Учитывая изложенное, полагаем уместным информирование читателей журнала о допущенной неточности.

С уважением,

ныне работающие в проектной фирме «Союзпроектверфь»

ОАО ЦТСС (наследнице ГСПИ «Союзпроектверфь»)

ветераны института (стаж работы от 40 до 50 лет),

лауреаты премии Совета министров СССР:

заслуженный строитель РФ, к.т.н. Ю. М. Гуткин;

главный специалист Ю. В. Демешкан;

почетный энергетик Ю. М. Качалов;

почетный машиностроитель В. А. Коренько;

заслуженный энергетик РФ, к.т.н. С. П. Наседкин;

почетный строитель России Б. И. Бронфман;

почетный строитель России В. М. Князев;

почетный строитель России Л. А. Межеричер.

АДЖИНДЖАЛ Боча Миджитович – член Союза журналистов РФ, член Международной ассоциации искусствоведов, академик Петровской Академии наук и искусств, почетный председатель СПб Абхазского общества «Апсны», член НЦ «Петрополь».

АРБИНСКАЯ Раиса Михайловна – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного педагогического университета.

БУНАКОВА Валентина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, член НЦ «Петрополь».

БУТУРОВИЧ Горана Исметовна – главный библиотекарь МЦБС им. М. Ю. Лермонтова, куратор проекта «Библиотека национальных литератур», Председатель Санкт-Петербургского общества южных славян «Югославия», член НЦ «Петрополь».

ВИХНОВИЧ Всеволод Львович – историк, Петербургский институт иудаики, координатор исторических «Дубновских чтений», член НЦ «Петрополь».

ВОРОНЦОВ Георгий Александрович – ординатор кафедры судебной медицины Северо-Западного медицинского университета им. И. И. Мечникова.

ДЕНИСОВА Тамара Николаевна – филолог, член Российского генеалогического общества.

ЗОЛОТУХИНА Наталья Федоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры ЮНЕСКО РГПУ им. А. И. Герцена, член НЦ «Петрополь».

КЕССИДИ Иордан Харлампиевич – председатель Русско-Греческого клуба им. Д. Е. Бенардаки, член НЦ «Петрополь».

ЛАПИНА Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории РГПУ им. А. И. Герцена, член НЦ «Петрополь».

ЛЕБЕДЕВ Леонид Михайлович – участник Академического хора Санкт-Петербургского государственного технологического университета.

ЛЫСАКОВА Ирина Павловна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедры межкультурной коммуникации РГПУ им. А. И. Герцена, член НЦ «Петрополь».

МОЛИН Юрий Александрович – заслуженный врач РФ, доктор медицинских наук, профессор кафедры судебной медицины Северо-Западного медицинского университета имени И.И. Мечникова, действительный член IAIA (Украина) и IAME (США).

МУДРОВ Алексей Юрьевич – научный сотрудник, реставратор Всероссийского музея А. С. Пушкина, искусствовед, член Международного Совета музеев (ИКОМ), член Международной ассоциации искусствоведов (АИС), член Творческого Союза музейных работников.

НАИБ Сафи – кандидат юридических наук, выпускник Университета МВД РФ, почетный председатель Правления РОО «Союз афганских граждан СПб», член Совета Ассоциации «Лига наций», член Совета РОО «Санкт-Петербургский Дом национальных культур», член НЦ «Петрополь».

РОМАНОВА Нина Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научн. сотр.-консультант Российского Этнографического музея, член НЦ «Петрополь».

СМИРНОВА Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Государственного университета аэрокосмического приборостроения, руководитель НЦ «Петрополь», вице-президент РОО «Санкт-Петербургский Дом национальных культур», член Правления Санкт-Петербургского Союза краеведов, член редколлегии журнала «История Петербурга».

ТАГИРДЖАНОВА Альмира Наимовна – краевед, член Санкт-Петербургского Союза краеведов, член ОО «Институт Петербурга», член НЦ «Петрополь».

ТЕТЕРИН Александр Александрович – муниципальный служащий (г. Тосно Ленинградской области), член Организации российских библиофилов.

ТОГУНЯЦ Анатолий Радиславович – инженер-кораблестроитель, кандидат технических наук, член Совета Санкт-Петербургского общества южных славян «Югославия».

История Петербурга журнал

№ 3 (67) 2012

Выпускающий редактор **С. Н. Полторац**

Корректор **Н. М. Баталова**

Компьютерная верстка и дизайн обложки **Е. А. Тальянова**

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «Полторац»

Подписано в печать 15.06.2012. Формат 60 x 84 1/8

Объем 11 п. л. Тираж 3000 (1-й завод 1–1800) экз.

Отпечатано в типографии «ПСП-принт»,

Санкт-Петербург, Боровая ул., д. 51.

Заказ № 9705

Цена свободная